

НИКИШОВА НАДЕЖДА

ШПИОНКА

18+

Надежда Владимировна Никишова

Шпионка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67646160

SelfPub; 2022

Аннотация

Иногда приходится делать трудный выбор между долгом и чувствами. Идти наперекор судьбе и устоям общества. Научиться понимать друг друга и принимать человека таким каков он есть. А это постоянная борьба. Борьба с самим собой, со своими идеалами, с теми, кто против нас и теми, кто против тех, кто против нас. Борьба за будущее целой планеты и борьба за собственную жизнь. Нина Климова – молодой агент Конфедерации прибывает на планету Зорана с определенным заданием. Задание рядовое и справиться с ним не сложно, даже такому неопытному агенту как она... конечно, если сможет обуздать эмоции. Колин Энжью – главнокомандующий восточным фронтом. Эта Нина Климова для него, как заноза в зад. Сплошные проблемы. Ну и как тут обуздать эмоции?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	23
Глава 4	54
Глава 5	68
Глава 6	77
Глава 7	81
Глава 8	101
Глава 9	113
Глава 10	118
Глава 11	135
Глава 12	143
Глава 13	158
Глава 14	205
Глава 15	214
Глава 16	233
Глава 17	241
Глава 18	252
Глава 19	255
Глава 20	262
Глава 21	284
Глава 22	295
Глава 23. Эпилог	360

Надежда Никишова

Шпионка

Глава 1

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт, планета Зорана.

Досье лежало на столе.

Странное досье в моем понимании: не привычная бумажная папка с содержимым рукописным текстом, а прямоугольная пластина с глянцевой гладкой поверхностью нетипичного стального цвета. Инструкция к этому «планшету», к счастью, была напечатана в формате книжицы из тонкого, похожего на бумагу материала. Я развернул ее, внимательно вчитываясь в мелкий убористый текст.

Не привыкли мы к таким техническим игрушкам. Все, что к нам поступает от Конфедерации, настолько превосходит наш уровень развития, что зачастую кажется волшебством, а не делом рук человеческих. Конфедерация давно шагнула в век высоких технологий и космических покорений. Межзвездные перелеты для них не вымысел фантастов, а реальность, до которой нам, аборигенам, в наш «прогрессивный» Индустриальный век, еще ползти и ползти. Да и то сказать, прорыв в нашей промышленной индустрии стал воз-

можен только благодаря их спонсорской помощи и технической поддержке. Император Кримп заключил взаимовыгодный союз с Конфедерацией: они нам поставляют новые изобретения и знания, мы им – полезные ископаемые, чем так богата наша Зорана.

Наверное, нам стоило бы сказать «спасибо» Конфедерации за их дарованные высокие технологии, но зачастую хотелось от души матюгнуться, вчитываясь в тексты приложенных инструкций, и в частности, в адрес их составителей. В эти моменты я понимал, что уровень знания языка союза Конфедерации у меня явно недотягивает.

– Нажмите кнопку «Пуск», – прочитал я первый пункт инструкции. Повертел планшет, осмотрел со всех сторон, сбоку нашел маленькую кнопочку с непонятным значком кружочка и вертикальной палочки, большую кнопочку с плюсом и минусом, прямоугольную дырочку, рядом еще одну круглую дырочку (для вентиляции?), но никакой кнопки с надписью «Пуск» не нашел. Поковырял маленькую дырочку карандашом, подул в большую прямоугольную, потыкал в плюсики – ничего. Полез обратно в инструкцию и (о чудо!) на последней странице нашел обозначение символов.

– Так вот ты какая, кнопочка «Пуск»! – нажал я, радуясь за себя, и, с предвкушением ожидая волшебства, уставился на экран.

Ничего не произошло. Я потряс пластину... постучал по ней... плюнул и полез обратно в инструкцию. Может пароль

какой ввести забыл? Как в том ком-пю-те-ре, что нам прислали в прошлом году. Но у того хоть кнопки все подписаны, а тут...

А тут планшет неожиданно разразился мелодичной трелью, и на экране всплыла аббревиатура из трех букв. Помигала, покрутилась, выстраивая из символов различные комбинации, и исчезла. Экран посветлел и вдруг пошел подозрительными волнами и рябью, вспучиваясь лопающимися пузырями ядовито-фиолетового цвета. Я опешил, и поспешил отодвинуться от странного устройства. Может, оно сломано? Не взорвалось бы...

Но все было тихо. Я подождал еще немного. Пузыри все лопались и лопались, расходясь лилово-сиреневой волной в разные стороны. Кстати, весьма правдоподобные пузыри, если бы не их жуткий цвет. Я даже пальцем потыкал, расхрабрившись, – как настоящие.

И только теперь заметил в левом верхнем углу маленький желтый значок папки с файлами. Этот символ был мне знаком. Я как-никак уже опытный пользователь ком-пю-те-ра! Но вот засада, у планшета не было так называемой «мышки».

– Может, в коробке лежит... – пробормотал я себе под нос, вытряхивая на стол все планшетные приспособления – ничего похожего на «мышку» там не нашёл, и пять полез в инструкцию.

«Выберите нужную папку с файлами и кликните по ней дважды», – прочитал я.

Как ее выбрать и что значит «кликнуть»? Как дневально-го: «Эй, ты, подь сюда!»? А дважды зачем? С первого раза не понимает?

Представил себе этот процесс, и почему-то почувствовал себя идиотом. Решил изучить инструкцию еще раз.

Изучил. Понял, что экран у планшета сенсорный, но не совсем понял, что это значит; что у него есть встроенный микрофон и видеокамера (из всех камер я знаю только тюремную); что в комплект входит зарядное устройство – 1 шт. и наушники – 1 шт. (один на оба уха?); а также он умеет выходить в инфрасеть (еще бы знать, что это такое), где можно посмотреть подробную инструкцию, как пользоваться устройством в инфрасети, на сайте таком-то, по ссылке такой-то. Хм. Забавно...

Еще раз посмотрел на планшет, потыкал пальцем в экран, заметил, что пузыри лопаются в том месте, где я прикасаюсь и волна бежит вслед за рукой. Поразвлекался так минут семь с восторгом пятилетнего ребенка, потом случайно зацепил папку с файлами, и еще пару минут возюкал ее туда-сюда по экрану. А уже все остальное произошло само собой и совершенно случайно (доигрался, называется)! Файл, наконец-то, открылся, выдавая на экран печатный текст досье с малюсенькой фотографией в верхнем левом углу.

На фото была девушка: молоденькая совсем, с милым кукольным личиком и длинными светлыми волосами.

– «Нина Климова, 24 года, дата рождения: 3 сентября

3*** года.», – прочитал я первый абзац и вновь глянул на фотографию. На вид – лет 18 по-нашему, не больше. – «Рост: 146 см. Вес: 51 кг». Мелкая какая. «Родилась на планете Ф..., союза Конфедерации, в городе Н... В возрасте 3 лет поступила в Академию внешней разведки им. Блюдина В. И.» Их учат воевать с трех лет?! Мда...

Дальше шел послужной список, участие в операциях, которые мне ни о чем не говорили, и навыки разведчика. Вот тут было много интересного и полезного. Особенно порадовало знание ком-пью-те-ра и техническое образование. Уровень боевой подготовки проверю сам. По моему мнению, представители Конфедерации – весьма изнеженные создания, слишком уж полагающиеся на свое технологическое превосходство.

Памятуя прошлый опыт, ткнул в фотографию пальцем и потянул – она послушно переползла на середину экрана, но так и осталась такой же маленькой и неразборчивой. Постучал по ней пару раз. (Да! Ай да я и молодец – схватываю все просто на лету!) Изображение выросло на весь экран: четкое, яркое, красочное.

Волосы цвета пшеницы, прямые, длинные; косая челка падает на лоб; нежно-голубые глаза (у нас таких не бывает); чуть вздернутый носик с пятнышками веснушек; розовые пухлые губки.

И это разведчик?! Это кукла для утех, а не профессиональный разведчик! Вот наши разведчики – это да! Суровые,

серьезные мужики – глянешь в глаза, всю подноготную выложишь. Жить-то хочется...

– Ладно, прибудешь через пару дней, посмотрим, что ты за пигалица такая, – проворчал я, погладив изображение девушки.

Фотография чутко отреагировала на мои прикосновения, расплзаясь в разные стороны. На весь экран вылез веснушчатый нос и часть голубого глаза в расходящихся лучиках темных ресниц. Упс...

А глаза все-таки у нее красивые – необычные.

Глава 2

Нина Климова, место встречи, космодром планеты Зорана, два дня спустя.

Я вышла из стыковочной капсулы и ахнула. Мысленно, конечно, но рот пришлось поспешно прикрыть. После современного военного корабля, казалось, будто попала в древний, архаичный мир: никакого пластика, стекла и металла. Повсюду, куда ни глянь, была природа в ее первозданном виде. Растения, растения, растения, маленькие и большие, высокие и низкие, развесистые и стройные, деревья, деревца, кусты и кустики, сплошной ковер из побуревшей травы и опадающих листьев. Птицы: живые, настоящие птицы! Они шумной стайкой вспорхнули с верхушки высокого дерева и, сделав почетный круг, опустились на соседнем, защebetали, устраиваясь в его голых ветвях, и замерли, тесно прижавшись друг к другу. Я умилилась.

После перенаселенных миров Конфедерации, их жмущихся друг к другу однотипных высоток, забетонированных узких улиц и смога, здесь на Зоране, казалось, даже воздух пахнет Свободой! Сладкой, освежающей, манящей. Я вдохнула полной грудью, затем еще и еще – закружилась голова, захотелось смеяться будто веселящего газа нанюхалась.

Сейчас бы рвануть со всех ног куда глаза глядят по хрустящей от изморози траве, навстречу промозглому ветру, что-

бы пробивал тебя насквозь, подставить лицо под мелкий морозящий дождь, смывая усталость многодневного перелета, но...

Встречающих было двое: рослые «шкафчики» с суровыми каменными лицами. Непроницаемые черные глаза, волосы цвета асфальта и загорелая темная кожа. Близнецы что ли? Хотя, припоминая сводку, тут все черноглазы и смуглолицы. Солнце у них тут слишком яркое, и температура ниже среднего по меркам Конфедерации. Природа не отличается многообразием форм и видов, и остальное бла-бла-бла. Тундра, короче. Но, зато как дышится, как дышится!

– Привет, мальчики! – помахала я рукой, сверкнув на солнце зелеными колдовскими глазами под цвет моего дорожного комбинезона. Линзы, конечно, так-то они у меня голубые, невзрачные. Ну, а как иначе? Солнце, говорю, у них тут слишком яркое.

– ГРБОРУБРМ, – низким басом пробурчал один из мальчиков, протягивая мне руку.

Ой, переводчик включить забыла! А руку он чего тянет? Документы, что ли, предъявить?

Руки в ответ я ему не протянула. Почесала за ухом, включая «переговорник», залезла в рюкзак, вытащила свое удостоверение и вложила в его протянутую ладонь. Суровый мальчик бросил исподтишка вопрошающий взгляд на своего невозмутимого товарища, сурово сдвинул брови и, поджав суровые губы, принялся с серьезным видом изучать мой до-

кумент: видимо хорошо знал общегалактический шифр. Ну-ну...

Я же опустила насмешливый взгляд долу, как примерная девочка, и увидела под ногами паутинку с замерзшими бриллиантовыми капельками росы. Боже, какая красота! Я уже люблю этот мир!

– Пройдемте, нас ждет транспорт, – вдруг ворвался в мой волшебный мир низкий бас орка (ну, по крайней мере, так его озвучили в моем любимом сериале «Тайны Лихолесья – 5»), и второй суровый абориген сделал мне приглашающий жест следовать за ними куда-то в сторону серо-бурых зарослей.

Осторожно переступила драгоценную паутинку, опасаясь разрушить первозданную красоту, заработала еще один подозрительный взгляд от суровых мальчиков и поплелась за ними, стараясь ступать след в след. А то мало ли еще какие чудеса тут водятся, а я их ногами попираю!

Транспорт наш прятался за ближайшими кустами с побуревшей по краям серебристой листвой. Несмотря на царившую на Зоране глубокую осень, эти листочки опадать не спешили, поэтому я сей «катафалк на колесах» и не заметила – минус мне за наблюдательность. Но теперь рассмотрела. Темно-коричневый фургон на резиновых колесах и открытой кабиной водителя. В большом металлическом ящике спереди, по всей видимости, находился мотор, слишком громоздкий и тяжелый. Древний. Жуть, какая прелесть!

Отворив дверцу в торце фургона, меня вежливо пригласили внутрь устроиться на жесткой скамье:

– Ехать часа четыре, – пояснили мне суровые мальчики, пристраиваясь напротив. – По пути заглянем в город перекусить.

Я царственно кивнула будто это было исключительно мое высочайшее повеление, и вольготно расселась на лавке. Моторчик мягко заурчал, и мы затряслись по ухабам и кочкам, растряхивая весь мой царственный вид. Дурачиться над суровыми мальчиками сразу же расхотелось, им-то ничего: они привычны, а я всю попу отбила о жесткую лавку, болтаясь внутри «катафалка», как шарик от пинг-понга во время напряженного матча. А потом мы выбрались на грунтовую дорогу и стало полегче.

Вскоре появились пригородные постройки: низенькие одноэтажные круглые домишки с коническими крышами цвета горького шоколада и рыжими гладкими стенами. Из какого материала они были сложены я так и не поняла, но, если судить по климату, я бы предположила камень. На этой планете его в избытке. Хотя вон тот сарай явно из дерева сколотили: его здесь тоже много.

А, вообще, жутко было наблюдать за такой расточительностью природных ресурсов: не ведают люди о своем богатстве – растранижируют его налево-направо куда ни попадя.

Зато Конфедерация ведает, и своего не упустит. Опустошит планетку, упакует в вонючий пластик и пойдет себе

дальше, не оглядываясь, осваивать новые миры. Жаль аборигенов, они же совсем недавно только электричество изобрели. Фабрики строить научились. Массовое производство запустили. Металлургия... и все дела. Промышленный бум, так сказать. С момента первого контакта прошло всего-то три десятка лет, а они уже так развернулись!

Да, Конфедерация щедро делилась технологиями, развивая промышленность аборигенов, вот только делилась она тем, что прежде всего принесет выгоду именно ей, а не местным жителям. Как разработать природные ресурсы с наименьшими потерями; как построить фабрики по их обработке и транспортировке; готовила кадры; присылала специалистов; спонсировала оборудованием и т. д. и т. п. А медицина? А переработка отходов? А сельское хозяйство? Пищевая промышленность? Армия, наконец?

Хотя нет, тут они все же вынуждены были вмешаться: эта гражданская война, что длится на Зоране второй год подряд, сильно снизила поставки сырья на рынки Конфедерации. Повстанцы не стремились растранижировать природные ресурсы родной планеты – по крайней мере не задарма – за что им большущий плюс и уважуха лично от меня. Также они всячески препятствовали разработкам на месторождениях, устраивали диверсии на выработках и фабриках по переработке, да перехватывали транспортные челноки с грузами.

Из-за этого меня, кстати, сюда и направили: предотвра-

тить, разведать, уничтожить, ну и остальное по мелочам. Я, конечно, не Штирлиц и не Мата Хари в одном флаконе, но начальство посчитало, что моих знаний хватит для столь отсталой планетки.

А чего тут разбираться-то? Есть император всея Зорана – Кримп Д-Энжью; есть и противоборствующая сторона, так сказать, борцы за добро и справедливость – повстанцы. Классовая борьба, борьба за власть – классика. Рутинка. Делят природные ресурсы – отобрать у богатых и раздать бедным. На всех, естественно, не хватит, поэтому все останутся бедными. А богатые отдавать не хотят – оно и понятно, копил-копил всю жизнь, а потом возьми и отдай. Я б тоже не отдала. Но речь не обо мне.

Так вот, руководит повстанцами некий Бриан Слейко, по слухам внебрачный сын старшей сестры императора Кримпа: королевская кровь, так сказать. Потому-то народ за ним и пошел: силу его чувствуют и власть над собой признают. Поэтому и силы он собрал много (простите за тавтологию).

И да, что касается этой самой силы. Опять же по слухам (не проверенный факт!), все члены королевской крови обладают какими-то сверхспособностями: ну, там левитация, чтение мыслей, например. Мистика всякая. Правда это или выдумка – никто сказать не может: так, вскользь упоминалось в одном доносе. На мой взгляд – полный бред. Какая мистика в век космических технологий и межзвездных перелетов?! Вот умение маскироваться, или владеть боевыми

искусствами, развивая реакцию и скорость, это да, это б я и сама так хотела! Кстати, вот и город – пора б уже и перекусить.

Городок также поразил мое воображение: мощеная проезжая часть и деревянные тротуары (господи, какое расточительство!). Жилые дома в один или два этажа стояли отдельно друг от друга, огороженные цветниками и невысокими кованными заборчиками. Между ними мог спокойно проехать наш фургон даже боком. Сколько места! Сколько народу можно было бы расселить на этих пустырях! А центр города – это огромная площадь, выложенная плоским отшлифованным камнем, закрученным в спиральный рисунок от центрального фонтана. Клумбы с цветами, по-видимому, поздних сортов, скамеечки с ажурными спинками. Красивые фасады домов, увитые плющом или его местным аналогом. Здания невысокие: всего в один-два этажа, но с балкончиками, резными дверями и висящими рядышком колокольчиками.

Другой мир. Совершенно другой мир! Сказка: еще не испоганенная человеком до непотребства. Хочу жить вон в том беленьком домике на углу, под самой крышей, с балкончиком и видом на реку. Хочу прогуливаться вечером по мостику, любоваться отражением звезд в воде, строить глазки парням и есть всякую вкуснятину, что нам предложили в местном кафе.

Господи, самая настоящая пища! Натуральная!

Это что за желтые кусочки? Картошка?! А это куриные ножки? Ох, ничего себе у них и ноги!

Девушка, что принесла нам все эти вкусности, долго смеялась, глядя как я с выпученными глазами уплетаю за обе щеки незнакомые (оказывается!) мне доселе блюда. Суровые парни также прятали от меня свои суровые ухмылки, но вилками орудовали не хуже. К счастью, ели аккуратно, свои костюмы «а-ля люди в черном» не забрызгали.

Женщины тут, кстати, на сколько я успела заметить, были одеты довольно современно. Юбки чуть ниже колен, свободные, но не пышные, такие, чтоб не стеснять движений. Сорочки, безрукавки с вышивкой, вязаные кофты, пальто или кожаные куртки с меховой оторочкой. Поверх могли повязать платок или шаль. Кто побогаче, носили шубки из натурального (заметьте!) меха. Ох, мне бы одну такую! Ну хотя бы пощупать!

Вот разбогатею и куплю себе точно такую же!

– Так, мальчики, мне нужно в туалет, – заявила я, промокая салфеткой рот и любуясь на их вмиг покрасневшие суровые физиономии. Ой, кажется, я их смутила. – Простите, я только носик попудрю...

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, три часа спустя.

– Простите, Ваша Светлость, мы ее потеряли.

– Что?! – не понял я, медленно поднимаясь из-за стола.

Вот это новости! Как такое могло произойти?

– Она сбежала, Ваша Светлость! Через окно в уборной!

– Сбежала? Каким образом? Как вы это допустили?! – я пытался держать себя в руках, силы всевышние, знали бы вы какими трудами!

– Она попросилась в туа... носик попудрить. Мы снаружи ждали. А когда не дождалось, обнаружили что она сбежала. Мы все близлежащие кварталы осмотрели – пусто! Куда она могла деться, ума не приложу!

– Ну так теперь идите и проложите свой ум к рапорту! Надеюсь хоть тут будет от вас толк, – махнул я рукой на выход. Парни стыдливо попереминались пару секунд и вывалились в коридор, глухо затопав каблуками по дощатому штабному полу.

Я же, взъерошив в недоумении волосы, задумался куда могла подеваться эта прыткая пигалица. Одна в незнакомом городе на незнакомой планете без знания языка и без средств. Хотя в последнем я уверен не был. Может и со средствами. Но, не суть. Главное, зачем убежала? Чем ей конвой не угодил?

Ладно, черт с ней! Набегается и придет. Куда ей деваться-то? И без нее дел навалом.

Вон опять спутник барахлит. Всего полгода назад купили его у Конфедератов. Новейшие технологии – божились они. Пол казны за него отвалили. А теперь чинить нужно как-то. Снимать с орбиты – еще одна заморочка. Нутро перепроши-

вать (порвался он там что ли?). Но их специалист говорит перепрошивать надо заново, значит будем перепрошивать. А может еще один купить? А то вдруг этот заштопать не получится? Может у него там дыра с меня ростом! И потом, шитое в любой момент вновь разойтись может. Да. Пожалуй, стоит все же купить новый.

Достав ежедневник, внес туда пометку о покупке нового спутника. Машинально засунул его в сейф к планшету. Захлопнул дверцу. Подумал. Открыл опять. Вытащил планшет, и как «опытный пользователь» нажал кнопочку «Пуск». Терпеливо дождался пузырей и открыл досье. А больше на этом планшете и не было ничего. Только ее досье. И фотография на весь экран.

– Нина Климова, – пробормотал я себе под нос, – девочка с голубыми глазами...

– Нина Климова в вашем распоряжении, сэр! – раздался от двери звонкий девичий голосок, и я вздрогнул, оборачиваясь на звук.

Не сдержался, чертыхнулся, памятуя всех ее предков, смахнул с экрана фотографию, краем глаза заметив, как девочка дернулась от моего рыка и напряглась, вытянувшись в струнку, точно гончая почуявшая след или трепетная лань готовая опрорхнуть броситься прочь. И зарделась почему-то.

С чего бы это? Знакома с нашими жаргонными словечками?

Ладно, позже разберусь, решил я, запихивая планшет в

сейф.

– Так, – разворачиваясь к ней, заговорил я. Окинул оценивающим взглядом с головы до ног, стараясь не то, чтобы смутить, а выиграть время на подумать и немного прийти в себя, и спросил: – Вы как сюда попали?

– Через дверь, – недоуменное пожатие плечами и чистый взгляд невинной овечки.

– А дежурный где? Почему без доклада? – хмуро сдвинул я брови, как строгий начальник, и демонстративно поправил кобуру на поясе.

– Понятия не имею, – не убоялась она моего грозного вида и предположила: – Может он пописать отлучился?

– Куда?!

– Ну это... носик попудрить...

– Да вы и так тут всем уже носы запудрили! – взбеленился я, пролетая мимо нее. Распахнул дверь, выскочил в коридор – дежурного нет. Ну получит он у меня! Бардак какой-то устроили! Совсем распоясались! На передовую всех пора, засиделись в штабе!

Так, что-то несет меня. Не дело это, Ваша Светлость, так при подчиненных себя вести. Три глубоких вдоха, три шага назад, осторожно прикрыл дверь, вернулся к столу, сел.

Вот и славно. Вот и хорошо.

– Что ж, госпожа Климова, вы, считай, вовремя. Надеюсь, уже устроились?

– Еще нет. Сразу по прибытии к вам на доклад.

– Это похвально. Значит, так... Жить будете здесь, при штабе. Вам выделяют комнату. А сейчас хочу услышать от вас, зачем вы скрылись от провожатых и где вы пропадали?

– Простите, сэр, я думала эти суровые мальчики мои конвоиры. Не люблю навязанных мне ролей. Вот и захотелось... утереть им носы. Ну и город посмотреть. Самой. Без провожатых.

– От города до штаба не меньше часа езды. Как вы добрались?

– На катафалке.

– На чем?

– Транспорт ваш, точно гроб на колесиках, – отмахнулась она. – И трясет так же.

Я не совсем понял, что такое «гроб». В моем словаре это слово отсутствовало, к сожалению. Ну да ладно.

– Вы умеете управлять местным транспортом?

– А, да не сложнее трамвая, – улыбнулась она, вводя меня в ступор.

Что такое «трамвай» я тоже не понял. Но у нее очень милая улыбка... Так! Черте что! Тряхнул головой, избавляясь от ненужных мыслей, и встал.

– Пойдемте, устроим вас.

Она подхватила свой объемный баул с лямками, забросила его на плечо и с готовностью распахнула дверь.

Дежурный, все же, объявился. Сидел за своим столом как будто и не уходил никуда. Вскочил при виде меня, козырнул

и застыл с вытянутым лицом, провожая нас круглыми глазами. Все проглядел. Будет у меня сегодня полы драить в сортире. Разгильдяй.

Глава 3

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

– Боже мой, какой мужчина! – воскликнула я, сбрасывая на пол рюкзак и заваливаясь спиной на узкую койку. Та упруго спружинила и подбросила мою тушку вверх. – Какие глаза! Волосы! Фигура! А голос! Как наждачкой по моим оголенным нервам! Мурашки до сих пор мигрируют по телу туда-сюда, туда-сюда, волна за волной, волна за волной. Уф, аж жарко стало... Так, помыться, переодеться и за дело! Ночь впереди, работать пора.

Совещание было назначено на 9 утра. Опаздывать нельзя. Поэтому нечего разлеживаться, бегом марш умываться! Ну и что, что полночи не спала! Это работа, детка, и тебе за нее неплохо платят.

Плеснула в лицо ледяной водой из-под крана. Да, у них есть канализация, и это здорово! Потерла заспанное лицо ладонями, пощипала щеки. Еще пару раз сунула мордочку под кран. Отфыркиваясь, утерлась полотенцем и поплелась одеваться. Чего-то я совсем расклеилась. Ночь ли бессонная тому причина, многодневный перелет или эти черные глаза, что преследовали меня во сне, не знаю. Но я же профессионал! Я справлюсь.

Форму мне выделили как у всех, темно-серого цвета со стальным отливом (под цвет его волос, угу). Без знаков различия, но хотя бы по размеру. Однако ж вместо брюк мне была положена юбка, на два пальца ниже колен. Я бы предпочла брюки, а еще лучше свой любимый зеленый комбез, но... дресс-код, так его эдак!

Закрутила волосы в тугий пучок, закрепила специальными спицами из слоновой кости. Открыла коробочку с контактными линзами, выкрутила цветовой индикатор на серый, под цвет казенной формы, вставила. Все, я готова.

И решительно направилась в его кабинет.

– Черные глаза... Черные глаза. Ах, эти черные глаза-а-а, – напевала я, вышагивая по коридору. У двери Его Светлости остановилась, оправила китель, разгладила юбку, покусала губки, пощипала щечки, вздернула носик, и, походкой от бедра, вплыла в кабинет.

Наградой мне были пять пар настороженно изучающих меня глаз цвета непроглядной тьмы. Словно дула пистолетов неотрывно следят за каждым твоим шагом. Кажется, что там в глубине этих глаз притаилась твоя смерть.

Меня аж передернуло от сравнения (мысленно).

Но и мы не лыком шиты. Нас так просто не запугать!

– Доброе утро, господа. Надеюсь, я вас не задержала?

И улыбаемся, улыбаемся, ресничками машем, машем.

– Н-нет, что вы, госпожа, – промямлил самый молоденький из них, худощавый парнишка примерно моего возраста.

Я кокетливо стрельнула в него глазками, оценивая внешние данные и прикидывая, как бы он смотрелся рядом со мной.

А ничего так. Легкая небритость придает мужественности, чуть удлиненные антрацитовые волосы каскадом спадают за воротник мундира. Сексуальный мальчик. Сладкий. Может быть...

Додумать мысль мне не дали, мужчины отмерли, завозились, будто почувствовали мой игривый настрой и приосанились, в ответ на испускаемые мною флюиды.

А может так и есть? Может они эмпаты тут все поголовно, а мы, идиоты, и ведать не ведаем? Не зря же в рапорте про их сверхспособности упоминали?!

Вот черт! Спешно взяла себя в руки и требовательно посмотрела в глаза Его Светлости.

– Вы как раз вовремя. Мы вас ждали, – заявил этот сногшибательный мужчина и, повернувшись к остальным, представил меня. – Госпожа Нина Климова, наш консультант по техническому обеспечению и разведывательной и контрразведывательной деятельности.

О, да! Люблю такие моменты. Еще более шокирующей новости он им преподнести уже вряд ли бы смог.

Усмехнулась, наблюдая за их недоуменными переглядываниями. Привычные сальные ухмылки и пренебрежительные отмашки. Ну, да, девчонка. Ну, да, мелкая. А вокруг матерые самцы. Что я против них? Пшик. Разве ж будет кто воспринимать такую в серьез? Да что она может понимать?

Глупая баба, она баба и есть!

Их женщины не воют. Слишком нежны и слабовольны. Избалованы. Капризны.

Ну да и Бог с ними. Я отвлеклась, а господин Энжью тем временем представлял мне своих сослуживцев:

– Князь Хаэль Таффа, – самый пожилой из всех. Лицо чисто выбрито, но испещрено морщинами, в волосах больше стального блеска нежели у других. Но все еще подтянут и силен.

– Князь Шабри Фрейко, – еще один черноглазый красавчик, с подкрученными вверх усами. Смешной. Но смотрит голем. Местный дамский угодник? Ну тут и вкусы...

– Князь Рибьер Олмен, – это уже о моем молоденьком симпатяжке. Батюшки, и этот князь! Куда не плюнь в князя угодишь, прямо цветник общества. Пора начинать чувствовать себя ущербной. Если и последний окажется князем, ей богу, не удержусь, что-нибудь ляпну.

– Граф Симон Парро, – уф, а ведь чуть не опозорилась! Графу можно было дать далеко за сорок. Но это скорее из-за небольшого брюшка и стрижки, которая ему совершенно не шла.

Мужчина был немного одутловат, и на фоне остальных казался бледным. А еще явная отдышка и потливость, которую он старался скрыть, украдкой промокая испарину со лба. Неужто болен? А ведь еще совсем не стар.

Наконец, закончив с расшаркиваниями, Его Светлость

пригласили всех расположиться за столом с расстеленной на нем точно скатерть огромной картой местности. Бумажной, надо отметить.

Невероятная древность! В Конфедерации уже тысячу лет такими не пользуются. Там все компьютеризировано, роботизировано и автоматизировано. Там уже не двигают по столу игрушечными солдатиками, там все моделируют, причем в реальном времени, просчитывая и обыгрывая все возможные варианты событий.

Сплошные тренажеры. Нацепил шлем, вставил штекер, и ты уже в самой гуще сражения. Некоторые эстеты еще и болевые ощущения включают, чтоб все как по-настоящему было.

Князя и граф, наконец, заняли свои места за столом согласно ранжиру и приготовились внимать. Мне же досталось место в самом его конце, напротив графа Парро, но рядом с усачом.

Ну да и ладно, нам и отсюда все хорошо видно. Могли и вообще за стол не пригласить, чай не голубых кровей будем.

Я незаметно провела рукой по сиденью стула, наслаждаясь гладкостью и теплом полированного дерева. Осторожно села, услышав легкий скрип стыков древесины. Не развалится – расслабилась. Посмотрела на карту, с трудом понимая в этом многоцветии рельефы местности и очертания границ. Срочно вспоминала уроки истории и географии, где нам показывали подобные карты. Украдкой пощупала кончик ра-

ритета, провела пальцем по краю, и внезапно почувствовала чей-то внимательный взгляд.

Граф Парро смотрел на мои манипуляции с картой с легким удивлением, но не брезгливо, без высокомерия, добродушно, по-отечески, я бы сказала. Я робко улыбнулась в ответ. Контакт налажен? Было бы неплохо занять хоть одного союзника в этом мире мужского шовинизма.

Между тем пожилой князь Таффа закончил свой занудный доклад о боевых действиях на других фронтах, что было мне совсем не интересно, и Его Светлость передали слово моему соседу с закрученными усами. Шабри Фрейко, если мне не изменяет память.

Этот таракан подкрутил ус, крякнул, вставая, и, бросив на меня двусмысленный взгляд, громко, с бравадой, явно красуясь, стал перечитывать свои бумажки. И ров он вырыл хороший, и дыры в фундаменте подлатал, и посты по местам расставил, пути отступления все просмотрел, провизией все погреба затарил, город стеной обнес, солдат настропалил, лично каждому штыки надраил, портянки перестирал и вообще просто молодец.

Я его бахвальство слушала в пол уха – зацепилась взглядом за Его Светлость.

Красивый мужик. Лет тридцати с хвостиком. Не знаю, как и описать: черты лица правильные, не крупные, несмотря на высокий рост, гармоничные. Не смазливый, но мужественный. И глаза, и рот, и руки его – все притягивало мой взгляд

– не игривой сексапильностью и сиропоной красотой, а силой своей. В каждой черте чувствовался характер: в изгибе губ, во взгляде, в наклоне головы. Тут была и решительность, и уверенность в своих силах, и осознание ответственности по отношению к подчиненным. Он нес свое бремя власти не кичась, терпеливо и спокойно выслушивая других, делая необходимые уточнения, поправляя и останавливая если информация не относилась к делу. Возможно, он мне таким только показался. Возможно, я сама придумала все это, написав портрет своего героя и любуясь им – не знаю, время покажет. Но пока я хочу им любоваться, восторженно, с замиранием сердца, в эстетических целях, без пошлости и сексуальной подоплеки, как совершенством, как своим идеалом. Пока не придет закономерное разочарование.

Наконец-то досталось слово и самому молодому из князьёв – Рибьеру Олмену. Мои ушки тут же стали торчком, улавливая каждое его слово. Он докладывал последние разведанные, что напрямую касалось моей работы. А сводки были интересными и тревожными в совокупности.

– Местные жители близлежащих деревень за последние дни заметили на границе странное оживление по ночам. Будто бы бродят среди развалин разоренных приграничных деревень и заброшенных кладбищ души восставших погибших. И невинных жертв, что навстречу попадают, пожирают. Дальше цитирую: «Видели мужики огни странного зеленого цвета, что мерцали магическим светом, и вой от них

шел жуткий, нутряной, душу наизнанку выворачивающий. А уж вонь какая в тех местах, словами не передать, токмо так в преисподней воняет, когда черти шалят», – закончил свой доклад Рибьер и бросил на Его Светлость вопросительный взгляд. А вдруг как засмеет?

И засмеяли, но не Энжью, а старичок наш Хаэль закрёхал своим старческим смехом:

– Ой, чегой-то ты нам тут сказки страшные вздумал рассказывать? Чай не ночь на дворе, твои побасенки слушать. Если уж донести нечего, так и скажи, а не трать наше время попусту. Работы и без тебя хватает, – с издевкой, на мужицкий манер, отчитал он смутившегося Рибьера, чьи уши уже не только покраснели, но и задымились.

Жалко стало паренька. Молодой он еще, ранимый. Мнение свое отстаивать не привык. Авторитет хочет заработать, полезность свою доказать. А тут такие насмешки! И сам уже верит, что чушь донес.

А что же Наша Светлость? Тоже на смех поднимет? Вот уж глупость будет несусветная. Не хотелось бы так рано разочароваться в нем.

– Покажи-ка мне на карте, где, ты говоришь, мужики огни видели, – поднимаясь со своего места, попросил Энжью, бросая тому карандаш.

Тот, ничтоже сумняшеся, обвел на карте положенные места и выпрямился. Прямо на карте! Карандашом! Изверги! Это же бумага!

– Госпожа Климова, что с вами?! Вам плохо?! – парнишка отбросил в сторону свой вандальный инструмент и ринулся ко мне, едва не опрокинув свой стул. Но добежать не успел, остановился испуганно и замер потрясенно, увидев мое перекосенное лицо:

– Вы зачем карту испортили?! Она же бумажная! – возопила я, потрясая руками. – Вандалы! Это же раритет! Таких уже тысячу лет нигде не выпускают!

Ответом мне была тишина, застывшие в изумлении позы и такие взгляды, что мне стало за себя стыдно. Они бы еще пальцем у виска покрутили, для пущей наглядности. Мда, дура и есть дура, че сказать...

– Не волнуйтесь, госпожа Климова, – прозвучал серьезный баритон Его Светлости, – у нас их еще много. А если закончатся, мы еще напечатаем.

И тут его видимо посетила гениальная мысль, он вдруг просветлел и, воздев к потолку указательный палец, выдал:

– А хотите я вам ее подарю? Или даже две...

– Хочу! Две! А три есть? – ох, эти мои загребушие ручки. А вдруг откажет?

– И три есть. Но... – осадил он меня, справедливо опасаясь моего маниакального блеска в глазах, – отдам после со вещания!

– Хорошо. А нам еще долго?

ВАУ! Целых три карты! Настоящих! Бумажных! Это же огромное состояние! Я богата! Да я миллионерша! ХА-ХА-

ХА!!!

– Долго! – спустили меня с небес на землю. – Нам еще предстоит узнать, что это за таинственные огоньки такие...

– Ой, да чего там знать! – беспечно отмахнулась я, мысленно уже примеривая на себя яхту, виллу и норковое манто. – Это сигнальные огни.

– Что ты несешь, дурочка?! – взбеленился вдруг дед, и от его вопля моя яхта уплыла в закат, увы, без меня. – Какие сигнальные огни?! Что ты тут нас совсем за дураков держишь?!

– Думаешь мы тут совсем отсталые, что не знаем какие сигнальные огни бывают? – поддержал его усатый таракан.

Даже Энжю вопросительно изогнул брови, требуя пояснений.

Да ради Бога! Мы и поясним и картинки нарисуем, для пушей наглядности.

– Это сигнальные огни крианцев, одной из гуманоидных рас союза Конфедерации. У них особый спектр зрения. То, что для вас мутный зеленый огонек, для них яркое полыхание звезды.

– А вой тогда откуда? И запах адовый? – вставил свои пять копеек молодой князь. У-у-у, иуда! Я тут его защищать пытаюсь, а он с вопросиками своими каверзными влез! К дедку' подлизаться решил, не иначе. Благо у того численный перевес.

– А вой «нутряной» оттого, что газ из трубки вырывается

под давлением, издавая типичный тихий свистящий звук. И воняет серой, когда газ выгорает. Там при горении еще много чего выделяется и чем воняет. Но тухлыми яйцами больше всего.

– Но зачем кому-то понадобились такие сомнительные сигнальные огни? – подал вдруг голос до сих пор молчащий граф. – И не видно же их совсем. И уж тем более издалека.

– Кому они понадобились, это уже другой вопрос. С ходу на него ответ не найду. А на счет видно-не видно – это смотря кто смотрит. Вашему глазу – привыкшему к яркому слепящему солнцу, этот спектр практически не виден. Как туманная дымка с зеленым отсветом. Для меня, коренной конфедератки, он покажется светом фонаря, размытым, но видимым. А для крианца – яркая четкая звездочка. Вот и становится актуальным вопрос – кому же предназначался данный сигнал. И не менее важно узнать, кто его подавал и зачем. Есть соображения?

– Судя по местам, откуда подавали так называемые «сигналы», это заброшенные деревни, разоренные после военных действий. Или пустыри и кладбища, – Энжью указал мне на карту, предлагая убедиться самой. Я взглянула, трепетно прикасаясь к обведенным карандашом неровным кружочкам. Вроде бы ничего определенного на первый взгляд сказать нельзя. Хаотичный разброс. Два кружочка рядом, третий чуть правее, четвертый вообще в стороне. Там, где два кружочка – холмы, ни полей, ни поселений. Правый в дере-

веньке, практически у самой границы линии фронта. Четвертый в болотине. Я мысленно прочертила окружность, стараясь охватить все четыре точки, место на болоте не вписалось. Подхватила отброшенный карандаш, с его помощью попыталась отложить лучи к центру моей окружности. Расстояние получалось везде разное. Нет, данных очень мало. Хотелось самой посмотреть на эти места, а не гадать тут на кофейной гуще на неопределенное будущее. Что я и озвучила.

– Вы предлагаете нам самим ползать по этим болотам и кладбищам?! – взвился пожилой князь Таффа.

И чего он бесится-то? Уж и слова поперек не скажи! Авторитет его пошатнула?

– Зачем же? Вас я с собой не зову. Не хотелось бы испачкать ваш нарядный мундир. Справлюсь и сама. – полезла я на рожон за каким-то льдом.

– Да как ты смеешь, мерзавка, разговаривать со мной в таком тоне?! – вскочил на ноги князь. И сколько праведного гнева в глазах! Аж искрятся! Лицо красными пятнами пошло, руки в кулаки сжались, еле сдерживается, чтоб по мордахе мне не съездить.

Я отступила назад, зайдя за спинку стула, чтобы было место для маневра, и прикинула уже как буду этим самым стулом отбиваться ежели что. Хотя стул было жалко – деревянный все же.

– Прекратить! – жестким приказом ударил по ушам голос

главнокомандующего. – Сядьте на место и умерьте свой пыл. Оба.

Господи, от его голоса у меня аж коленки затряслись, и я еще крепче вцепилась в свой стул, боясь позорно грохнуться на пол. Кулаков деда не испугалась, а от голоса Энжью дрожь по всему телу прошла. Волоски на руках дыбом встали.

Дедок, кстати, тоже садиться не спешил – буравил меня дулами своих глаз-пистолетов. Явно убийство мое продумывал в подробных деталях. Вот же ж блин! Нажила себе врага в первый же рабочий день! Ой, дура! Тоже мне, профессионалка хренова! И язык мой – помело.

– Сядьте, я сказал! – вновь прогремел рык разгневанного главнокомандующего, и я поспешно скользнула на свое место.

Князь нехотя последовал моему примеру, но глаз с моего лица не сводил еще долго.

Интересно, он меня сразу после совещания пристрелит, или темной ночью подушкой придушит? Я имела в виду князя Таффа. Хотя если и дальше так буду себя вести, Его Светлость к нему присоединится.

– На сегодня совещание закончено. Если у кого-то будут какие-либо соображения по поводу этих треклятых огней, я буду у себя. Все свободны.

– Есть, сэр! – гаркнула я, поспешно вскакивая на ноги и звонко щелкая каблуками. Приставленная к виску ладонь почти не дрожала.

Паясничала я, знаю, но удержать себя не могла. Боялась я его жутко, оттого и бравада эта моя наигранная перла из всех щелей.

– Извольте обращаться к герцогу Энжью по титулу – Его Светлость! – сквозь зубы процедил князь Таффа, играя желваками на лице. На меня он не смотрел, пронзая взглядом стену напротив, но кулаки сжал так, будто шею мне уже сворачивал мысленно.

– Я не являюсь подданной Его Императорского Величества Кримпа Д-Энжью, и звать вас по титулам не обязана. Более того, Его Светлость, герцог Энжью, также не является моим непосредственным начальником, чьи приказы я должна неукоснительно исполнять. Я нахожусь здесь в качестве консультанта по вопросам внешней и внутренней разведки и технического обеспечения, и вольна сама принимать решения, что мне делать и кому подчиняться, до особого на то распоряжения совета Конфедерации. Всего доброго, господа.

Скупой кивок, резкий разворот на 180°, развернутые плечи, прямая спина, подбородок вперед. Чеканю шаг – раз, два, раз, два, раз, два. Все по уставу. И уже в закрывающейся двери я позволила себе выдернуть из волос опостылевшие мне за этот сумасшедший час спицы. Волосы водопадом хлынули на спину, даря немного облегчения моей больной, дурной голове.

Обед я благополучно проспала. Завтрак, кстати, с утра тоже пропустила по этой причине. И теперь мой организм бурно выказывал свой протест. Хотелось не просто есть, а жрать! Картошечку. М-м-м... Курочку. Бур-бур-бур... – подпел мне мой голодный желудок.

Столовую или ее местный аналог я нашла быстро. Там же, только в отдельной небольшой зале, столовался и офицерский состав. По случаю раннего времени залы еще пустовали, до ужина было не менее часа, но это меня не остановило. Хочу есть, прямо здесь и сейчас, и не важно что. Окинув быстрым взглядом помещение, обнаружила за стойкой скучающего халдея и притулившегося за угловым столиком графа Парро. Он сидел спиной к выходу, склонившись над разложенными на столе бумагами и меня не замечал. Да и мне не хотелось отвлекать человека от дел, поэтому я сразу же направилась к встрепенувшемуся при моем появлении официанту.

Выбрав столик у окна, я села так, чтобы можно было одновременно наблюдать и за графом, и за входом, и в окошко поглядывать, и поманила официанта.

– Простите, госпожа, но ужин еще не готов, – согнувшись в учтивом поклоне, извинился он, – рано-с.

– А с обеда у вас что-нибудь осталось? Первое? Второе? Третье? Что, и компота нет?

– Извините. Могу чай принести-с.

– У вас что и полдника не положено?

– Простите, что-с?

– Так... Чай несите. А сухарика какого к чаю у вас случайно не найдется?

Мужичок кинул беспомощный взгляд на стойку, и я совсем скисла. Кушать в миг захотелось еще больше и еще нестерпимее, хоть скатерть жуй благо соль на столах стояла, но, на крайняк, и поперчить можно, если уж совсем в глотку не полезет.

– Принесите госпоже пирожков с капустой, что вы мне в дорогу испекли, любезный, – пришел мне на помощь граф. И я его за это едва не расцеловала. Какой замечательный мужчина! – Вы позволите к вам присоединиться?

– Конечно, конечно, садитесь, – моя радостная улыбка могла поспорничать с сиянием солнца. – А что такое пирожки?

Граф вскинул в удивлении брови и вдруг засмеялся, не громко так, и даже ничуть не обидно:

– А вот сейчас и попробуете. Думаю, вам понравится. Местная кухарка дивно вкусные пирожки печет. С капустой – мои самые любимые. А у вас, простите за вопрос, что же, в Конфедерации никто пирожки не печет?

– У нас много чего не делают из того, что есть тут, – поделилась я с ним «сокровенной тайной». – Основная пища синтезированная. Искусственная, – пояснила я на его недоуменный взгляд. – Ее изготавливают на производстве. И в продажу она поступает уже на стадии полуфабрикатов. Оста-

ется только разогреть и съесть. Есть еще автоматы быстрого питания. Там тебе уже сразу готовое выдают.

– Чудно как, – подивился он. – Это же, наверное, очень удобно. Столько времени экономится!

– Быстро, да. Только искусственное – оно и на вкус искусственное. Если есть постоянно, то вкуса уже не чувствуешь. А у вас тут все натуральное, настоящее. Это как всю жизнь жевать подметки от сапог, а потом вдруг попробовать настоящий бифштекс. Понимаете? – тут нас прервали, официант принес большое серебряное блюдо, накрытое куполообразной крышкой. Расставил чашки, сливочник, сахарницу, укомплектовал ее щипчиками для сахара и принялся колдовать над заварочным чайником. Расположив над чашками мелкочаеистое ситечко, наполнил их ароматным чаем, и, с осознанием торжественности момента, снял, наконец, крышку с блюда. В нос ударил сногшибательный запах свежеспечённой выпечки, и я замерла, боясь выдохнуть и развеять этот великолепный аромат.

Граф следил за мной с улыбкой родного батюшки, наблюдающего за первыми открытиями своего малого дитяти, чуть снисходительно, но тепло, одобряюще.

– А где же капуста? – уточнила я, рассматривая похожие на лодочки румяные булочки.

– Внутри, – граф взял с блюда один пирожок и разломил его пополам, продемонстрировав мне начинку. Внутри действительно что-то было, обжаренного, нежно золотисто-

го цвета. И это капуста? А почему не зеленая? Разве морская капуста может быть такого цвета? – Попробуйте. Вам понравится.

Ну, меня дважды просить не надо. И... О, да! В этот момент мир для меня больше не существовал. Остановиться я смогла только на пятом пирожке, мысленно настучав себе по загребушим лапкам. Они же ему в дорогу их напекли, а я все блюдо в одно лицо умяла!

– Простите, – покаялась я, отодвигая от себя тарелку с последним одиноким пирожком, – не могла удержаться. Вам же их с собой приготовили, а я все съела.

– Ничего, ничего. У меня еще есть, не волнуйтесь. И все же, мне не совсем понятно, ведь Конфедерация настолько развита и богата, неужели у вас не могут изготовить натуральную пищу? Это же так просто! Посади, да полей – оно само вырастит.

– В этом-то и проблема. Чем богаче технологичный мир, тем больше людей стремится вкусить его блага. Миры Конфедерации задыхаются от перенаселения. Наши планеты похожи на муравейники, на Земле, например, уже нет места для застройки нового жилья. Идет активная колонизация близлежащих планет. Мы научились строить плавучие дома и фабрики – огромные платформы с жилыми зданиями и производством скоро покроют все моря и океаны. Наши небоскрёбы вздымаются все выше и выше, пронзая облака. Где засеять пшеничные поля? Где строить фермы и скотные

дворы? Где найти просторные луга для пастбищ? Пока нас спасают водные ресурсы. Рыба, моллюски, крабы, морская капуста. Но и это не бесконечно. Выход ищут – синтезированная пища, подземные грибные фермы, даже морское дно пытаются осваивать. Закупают продовольствие на аграрных планетах, но это дорого и доступно далеко не каждому. Животные остались только в зоопарках да на картинках. Дерево стоит как слиток золота. Бумага вообще из обихода вышла почти тысячу лет назад. Ее заменил пластик и электроника. Я птиц видела в последний раз только в кино, но и там они были смоделированы. А здесь на Зоране... Вы обладаете несметными сокровищами, но не цените их! Женщины носят меха как повседневную одежду. Деревом вы устилаете тротуары и строите дома. Бумагой вы растапливаете каминны! Бумагой! Подумать только! У вас столько природных ресурсов, но вы не знаете им цены. Глина – это грязь под ногами. Земля – это пыль. В лесах полно дичи. Огромные территории пастбищ, на которых пасутся стада, СТАДА! жирных коров. Горная порода полна руды и драгоценных камней. Но вы не знаете этому цены, разбазаривая все это богатство за гроши. Не цените – потому что у вас этого много! Пока еще много.

В своей пламенной речи я как-то даже не заметила, что у нас появились свидетели. А между тем приближалось время ужина и народ начал потихоньку подтягиваться к столовой. Тут уже были и князь Фрейко, задумчиво накручивающий

пальцами свой завитой ус, и старый Таффа, с каменным лицом рассматривающий унылый пейзаж за окном. В дверях застрял молодой Олмен, пронзая меня жгучим взглядом. Не хватало только Его Светлости. Но мне и так зрителей достаточно. Что-то разошлась я не на шутку. Как бы в сочувствии повстанцам не обвинили. Пора заканчивать этот спектакль, других дел полно.

– Прошу простить меня, господа. – вставая, сказала я. Одернула юбку, кивком попрощалась с графом и направилась к выходу, вынудив посторониться застывшего в проходе князя Олмена.

Выйдя из столовой, со злостью запахла на груди свою куцую куртешку, на чем свет стоит костеря собственную глупость. Плохо, очень плохо! Что же со мной не так? Отчего меня так заносит, что я теряю контроль? Где мой профессионализм, черт побери?! Железный самоконтроль, холодный расчет? Разоралась так, что не заметила полный зал слушателей. Эта планетка выводит меня из себя! Я с ума тут сойду, с этими аборигенами.

«Ветер Свободы меня пьянит...»

Холодный, промозглый «ветер Свободы» бросил в мое разгоряченное лицо пригоршню снега с дождем и, раздув парашютом капюшон за спиной, умчался дальше.

Спрятав намокший нос в поднятый воротник, я направилась к штабу.

– Госпожа Климова! – неожиданно остановил меня голос

графы Парро. Я обернулась.

Зажимая подмышкой папку с наспех собранными бумагами, мужчина поспешил меня догнать. В кулаке он держал что-то небольшое, завернутое в полотняную салфетку. – Вот. Я тут вам завернул. Вечером проголодаетесь, съедите.

– Что это? – в ладонь мне ткнулся сверток, не позволяя отказать от подарка, и я поспешно его развернула. Там был пирожок. Тот самый, последний, что сиротливо лежал на блюде и все время притягивал мой жадный взгляд. – Спасибо. Честное слово, большущее вам спасибо. Если бы не ваши пирожки, до ужина я бы не дожидка.

Он отмахнулся от моей искренней благодарности, сменив тему:

– Вы в штаб? Позвольте вас проводить?

Я кивнула, давая свое согласие, и мы неспешно побрели навстречу колючему ветру. Граф был без пальто, но несмотря на холод на бледном лице его выступили лихорадочные красные пятна, а лоб покрылся мелкими бисеринками пота. Он был болен – я понимала это. Но понимает ли это он?

– Что с вами? – в лоб спросила я.

– О чем вы? – не понял он.

– Вы больны. Вы знаете об этом?

– Нет, что вы! Я просто торопился, бежал за вами, вот и вспотел немного, – стал он усердно врать. – Теряю форму. Пятый десяток, знаете-ли, пошел. Не молод уже, – как бы извиняясь за свою старость, развел он руками.

Ну-ну...

– Не отпирайтесь. Я же вижу. И возраст тут ваш совершенно не причем. Сорок лет не повод ложиться в гроб по собственной глупости. Так что с вами? К врачу ходили? Какой диагноз он вам поставил?

– Да тише вы, балаболка! – граф ухватил меня за рукав и оттащил в сторону, скрывшись от посторонних глаз за углом жилой штабной пристройки. Ну да, время ужина, кроме дежурного внутри, тут никого нет. – Что ж вы так кричите на всю улицу?

– А почему вы скрываете, что больны? – тут же перешла я на заговорческий шепот. – Это что, заразно?

– Было бы заразно, уже давно бы тут всех перезаражал! – отбрыкнулся он от моих обвинений. – Не в этом дело. Если узнают, что я серьезно болен, живо погонят взащей. А мне семью содержать. Ведь пять девчонок у меня! И всем приданное собрать нужно.

– Что значит погонят взащей? А как же больничный? Выходное пособие? Пенсия за выслугу лет? Инвалидность на крайний случай оформить?

– О чем вы, госпожа Климова? Какое пособие? И до пенсии еще далеко.

– То есть и к врачу вы не обращались, потому что огласки боитесь?

– Он обязан будет доложить.

– Ясно... Ну и порядочки тут у вас! Вкальывает, вкальывает

человек всю жизнь, а как заболел, то пошел нафиг, ложись и помирай, и лекарство-то тебе купить не на что. Ну вы хотя бы лечитесь чем-нибудь? – требовательно спросила я, пытаюсь поймать его убегающий в сторону взгляд. – Ага, понятненько. А знаете, что, Ваше Сиятельство, ваша смерть вряд ли поможет вашему пятью дочерям с приданным. Просто уверена в этом. Давайте сделаем вот что: я никому не сообщаю о вашей болезни, а вы за это сегодня вечером... скажем, часиков в девять, заглянете ко мне на диагностику.

– На что?

– В комнату ко мне придете. Анализы соберу, симптомы проверю, диагноз уточню. А там подумаем, как вас лечить. Договорились?

– Да зачем вам такая возня со мной?! Не стоит, право слово!

– А если не придете, то я сама к вам приду! А будете сопротивляться, докладную напишу!

– Ладно, ладно, шантажистка! – граф примирительно вскинул руки, и я победно заулыбалась.

– Так значит, жду вас у себя в 9 часов. До встречи господин граф! – попрощалась я и вышла из своего укрытия, шагнув на крыльцо. Меня в комнате ждал теплый плед и...

– Ой! – вскинулась я, заметив на крыльце чью-то тень.

Герцог Энжью собственной персоной. Стоит монументом, брови хмурит, руки на груди кренделем сложил. Куртка кожаная распахнута, ворот меховой дыбом торчит, волосы вол-

нистые ветром встрёпаны, хоть и стрижены на висках коротко. И видно, давно уже стоит. А много ли он слышал из того, о чем мы секретничали с господином графом? Сейчас карать начнет? – Добрый вечер, сэр.

– Госпожа Климова. Граф Парро, – «монумент» отмер, обозначив приветствие легким кивком. – Вы уже отужинали?

– Да, мы только что из столовой, – ответила я за нас обоих. Думаю, граф не в обиде за это.

– Что ж, – Энжью неторопливо отошел с прохода, галантно уступив мне дорогу, – тогда не смею вас задерживать. Доброго вечера.

– Доброго, – бросила я, проскальзывая мимо него в помещение. Уф, неужто пронесло?!

До девяти вечера я штудировала медицинские справочники, пытаюсь соотнести симптомы графа с наиболее распространёнными человеческими заболеваниями. Список получался слишком обширный. Мне катастрофически не хватало данных. Вот если бы у меня были на руках его анализы, тогда еще можно попытаться... Так, стоп! У меня же есть анализатор!

Граф был сама пунктуальность. Я встретила его во всеоружии – в своем любимом спортивном костюме и с планшетом в руках.

– Проходите, граф. Присаживайтесь за стол. И расскажи-

те мне подробно, что же все-таки вас беспокоит. Слабость, тошнота, головокружение, отдышка, озноб. Мне важно знать все-все ваши ощущения, чтобы точно установить, чем вы больны и как вас лечить.

По мере того, как мужчина озвучивал свои симптомы, я вбивала их в поисковик мед. справочника, постепенно сокращая список предполагаемых заболеваний. Вот уже что-то похожее вырисовывалось.

– Граф, я возможно, обращусь к вам с очень нескромной просьбой, но не могли бы вы раздеться? Нет-нет! – поспешила успокоить его я, видя его недоумение и смущение. – Не переживайте, совращать и насиловать вас я не собираюсь. Ваша честь не пострадает! Достаточно будет, если вы снимете мундир и расстегнете рубашку на груди. Мне нужно послушать частоту сердечных сокращений. Видите ли, при нарушениях ритма, сердце сокращается в два раза быстрее, и может не совпадать с частотой пульса...

– Да-да. Я понял, – граф снял китель, аккуратно повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку. – Мне сесть?

– Как вам будет удобно, – отозвалась я, выставляя на планшете таймер.

– А как вы будете слушать? – уточнил он.

– Ухо приложу. Увы, других инструментов у меня нет.

– Тогда я лучше постою, чтоб вам было удобнее.

– Угу, – буркнула я, прикладываясь ухом к его груди, – Вы, главное не волнуйтесь. Постарайтесь расслабиться. Предста-

вить что-нибудь хорошее...

Раз, два, три...

– Тук-тук-тук.

...четыре, пять...

– Что здесь происходит?!! – раздался взбешенный рык от двери.

Я аж подскочила от неожиданности. Чуть макушкой графу по подбородку не съездила. Стою, соплю возмущенно и брови хмурю.

Ну вот зачем же так рычать?! И вообще, какого черта ему здесь надо? Это моя комната, что хочу, то и делаю! Ему-то что за дело?

– Я спрашиваю, что вы здесь вытворяете?!! – Его Светлость явно пребывал в ярости (непонятно только, что его так взбесило). Но разве ж меня это остановит?

– А на что это похоже?

– На разврат!

– Хм...

– Граф Парро немедленно оденьтесь и покиньте комнату госпожи Климовой. Через полчаса мне на подпись прошение об отставке.

– Что?! Это за какое же преступление?! – это все я выступаю, граф же с застывшим взглядом застегивал на груди рубашку. И его молчаливая покорность меня поражала – не пытается оправдаться, объяснить все. И эта обреченность в опущенной голове меня просто добила. Стало безумно его

жаль. Вот подставила мужика!

– Здесь, госпожа Климова, не вертеп. Это штаб восточного фронта. За разврат и совращение графа ждет отставка.

– Так это... А это не он совращал! Да! Это я его совратила. И разврат тоже я устроила. А граф ни в чем не виноват. Это официальное заявление. Я всю вину беру на себя. Но, поскольку я не ваша подчиненная, то отправить в отставку вы меня не можете! Вот так-то! – победно заявила я.

Глаза у Его Светлости стали совсем страшные, губы поджал так, что они побелели, образовав тонкую линию.

– Вот как. Хорошо. Утром я отправлю в совет Конфедерации требование отозвать вас с Зораны, – процедил он сквозь зубы, облив меня презрением с ног до головы. – Шлюхи нам здесь не нужны.

– Что-о-о-о!!! – миг, и моя рука летит навстречу его щеке (честное слово, это не я, это она сама!), еще миг, и ее перехватывают стальные пальцы. А в следующий миг между нами вырос стеной миротворец граф.

– Ваша Светлость, позвольте мне объясниться! Госпожа Климова тут совершенно не причем. Это все моя вина, и я ее полностью признаю.

Я с силой выдернула из чуть ослабевшего захвата свою кисть, прерывая нашу дуэль взглядов и отошла к столу, стараясь незаметно растереть ноющее запястье.

– Утром рапорт на моем столе. И прошение об отставке. Послышались шаги – герцог Энжью собрался уходить.

Черт, если он сейчас уйдет, то все пропало! Потом ему уже фиг чего докажешь.

– Господи, граф! Да признайтесь вы ему уже наконец! – мой требовательный выкрик заставил всех замереть и обернуться. – Неужели такая позорная отставка для вас предпочтительнее?

– Так, так. Это что еще тут у нас за тайный заговор? – Энжью развернулся ко мне всем корпусом, и, решительно шагая к столу, уселся на стул. Закинул ногу на ногу, скрестил на груди руки, и смотрит так насмешливо, скептически скривившись. Невозможный человек!

– Да, вы правы, – опустил голову, тихо сказал граф. – Скрывать дальше уже бессмысленно. Госпожа Климова оговорила себя... она просто пыталась мне помочь.

– Вы женатый человек, граф. Если вам потребовалась помощь такого рода, возьмите увольнительную. Отдохните дома пару дней. Или навестите потаскушек в городе, они будут рады оказать вам любую помощь, какую только пожелаете.

– Черт возьми! Дайте же ему договорить! – не выдержала я.

– Слушаю.

– Помочь мне требовалась не в этом. Проблема другого рода...

– Проблемы у госпожи Климовой? Это ей потребовалась помощь подобного рода? Я слышал, как она назначала вам свидание за углом.

Мне захотелось его ударить, честное слово. В челюсть. Или в глаз. Или вообще апперкотом, чтоб на пол рухнул вместе со стулом. А еще можно с разворота ногой в грудь, чтоб уж прямо в стену впечатало, желательно головой, чтобы мозги вправились.

– Как я погляжу, Ваша Светлость, весьма любит делать поспешные выводы. И, увы, упорствовать в них. Может прекратите строить нелепые предположения и позвольте графу объясниться? – процедила я. От моего зубовного скрежета едва зубы не раскрошились.

Хорошо, что дальше препираться со мной он не стал, взмахом руки позволил графу продолжать, сосредоточенно рассматривая при этом кончик своего сапога. Иначе, честное слово, мы бы подрались.

– Да, проблема в том, что я... болен. – Все же выдавил из себя признание граф. – И последний месяц мне все хуже и хуже...

– Почему не обратились в госпиталь?

– Вы же знаете правила, Ваша Светлость! Если врачи признают меня не годным к службе, меня спишут. А у меня семья, девочки подрастают... Замуж скоро...

– Так, хорошо. Допустим. Но каким образом тут замешана госпожа Климова? Или столь тесное общение с ней, как-то поможет вдруг вылечить эту вашу неизвестную болезнь? Кстати, что за болезнь?

– Да какое тесное общение?! – опять не сдержалась я. – Я

у него сердце слушала!

– Э-м-м... Зачем?

– А чтобы выяснить, что это за болезнь такая неизвестная! – передразнила я.

– И что? Выяснили?

– Нет! В этот момент как раз ввалилась Ваша Светлость и устроила здесь балаган!

– Я?

– Да!

– Эм... Ну, хорошо. Выясняйте дальше.

– Что, прямо сейчас?

– Ну, а чего? Раз начали, надо заканчивать. Быстрее выясним, быстрее спать пойдем.

– Что, прямо при вас?

– А что? Я вам не помешаю. Я тут в сторонке посижу, – и он демонстративно отставил стул в самый дальний уголок, усаживаясь на него в прежней своей позе нога на ногу.

– Но зачем? Дуэньей будете при графе? Так за его честь переживаете?

– Вы выясняйте, давайте. Не отвлекайтесь, – отмахнулся от меня Его Светлость.

Хм, что вообще происходит, может мне кто объяснить?

– Расстегните рубашку, пожалуйста. Начнем все сначала, – бросив на Энжю косой взгляд, обновила на планшете таймер и вновь прижалась ухом к груди графа, стараясь сосредоточиться только на ударах его сердца, а не на раскочи-

вающимся вверх-вниз герцогском сапоге.

– Прекратите раскачивать ногой! Отвлекает.

– Извините, – само «Покаяние» в голосе.

Так, соберись. Третья попытка. Прижала ухо, закрыла глаза и начала отсчет...

Глава 4

Нина Климова, штаб главнокомандующего восточным фронтом, час спустя.

– Граф, прошу вас! Все, что мне нужно, – это несколько капель вашей мочи. Совсем чуть-чуть. Вот столечко! – показала я пальцами размер.

Уже битые полчаса я пыталась уговорить этого упрямяца сдать мне анализы, а он?! «Это неудобно!», «Это неприлично!», «Вы же дама, как можно?!».

– Всего-то и нужно, что пописать вот в эту баночку! – тут граф вообще пошел пунцовыми пятнами, а притихший в своем углу герцог вдруг неприлично громко хрюкнул. – Да я же не прошу вас это делать при мне! Вон туалет. Сделаете все там, а потом мне принесете.

– Госпожа Климова, это же МУЖСКАЯ моча!

– И что? – захлопала я ресницами.

– А вы будете к ней прикасаться.

– Да не буду я ее трогать! Капну из пипетки лишь несколько капель – вот сюда, на экран анализатора.

– Но вы будете на нее смотреть! Как можно, госпожа Климова?!

ГОСПОДИ, как все запущено! Я страдальчески закатила глаза... и тут меня осенило!

– Хорошо. Не буду я смотреть на вашу мочу. Господин

герцог возьмет у вас несколько капель вот в эту пипетку и капнет на анализатор. А я уже потом посмотрю результат. Так вас устроит? – и с ехидной улыбочкой я вручила опешившей от моей наглости Светлости пипетку. А вот нечего было тут сидеть и ржать! Концерт ему тут устроили бесплатный, понимаешь. – Давайте, давайте, Ваша Светлость! Нам еще у него кровь брать и диагноз ставить. Надеюсь, хоть с кровью-то у вас никаких заморочек не будет? Я еще поспать сегодня хочу.

Всучив графу чистую баночку, а герцогу – пипетку, я затолкала их обоих в ванную комнату и, захлопнув дверь, прокричала:

– Запомнили? Вымыть все с мылом, тщательно прополоскать, первую и последнюю порцию мочи слить в унитаз, а остальное пописать в баночку.

– Госпожа Климова! Сколько раз нужно промыть баночку с мылом?

– Какую баночку?! – распахнула я дверь. – Да не баночку вымыть с мылом, а этот... – я ткнула пальчиком в сторону графского паха, и граф поспешно прикрылся герцогской спиной. – ... пенис! – нашлась я, и вновь скрылась за дверью.

– Госпожа Климова! Как отделить первую и последнюю порции?

– У-у-у, – распахнув дверь, я влетела в ванную, – вот смотрите, допустим кран это...

– Пенис, – подсказал Энжью.

– Да, спасибо, – открыла вентиль, хлынула вода. – Вот вы писаете. Первую порцию мимо, потом подставляете баночку, – выхватив у графа баночку я подставила ее под струю и налила примерно на 1/3. – Наполняете ее примерно на столько, а остатки писаете в унитаз, – закрутила я кран. – Понятно?

Для наглядности еще раз продемонстрировала весь процесс от начала и до конца, и, всучив графу баночку, покинула ванную комнату.

– А если у меня не будет столько? – обеспокоенно спросил он.

– Да сколько будет, пишите все! Мне нужно лишь несколько капель!

Наконец все смолкло, и минут через пять дверь ванной распахнулась и из нее вышел герцог, держа на вытянутой руке наполненную пипетку.

– Наконец-то! Капайте вот сюда пару капель, – указала я на анализатор.

– Госпожа Климова, а с баночкой и остальным что делать? – взволнованно спросил граф из ванной.

– Вылейте в унитаз, – великодушно разрешила я. – Только баночку потом с мылом помойте. Два раза! – предотвратила я его следующий вопрос. Сама же уже с интересом вчитывалась в результаты анализа, параллельно сравнивая его с мед. справочником.

Его Светлость прямо-таки следовал за мной по пятам,

езде засунув свой любопытный нос, походу заваливая меня массой отвлекающих вопросов: «А что такое «инфрасеть»?», «Как работает планшет?», «Что значит «сенсорный»?», «Что такое «анализатор»?» «А по какому принципу он работает?», «Может ли он распознавать яды?», «Занесены ли в мой медицинский справочник все известные болезни людей?», «Болеют ли люди в Конфедерации?», «Какая у нас в среднем продолжительность жизни?», «Какое еще медицинское оборудование используют в Конфедерации?», «Умеем ли мы клонировать людей и воскрешать мертвых?», «Являются ли наши лекарства панацеей?», «Можно ли Зоранам принимать лекарства Конфедерации без опасений?», «Не заразна ли болезнь графа?», «А как пользоваться наушниками от планшета?». И замолчал лишь после того, как я посоветовала ему ознакомиться с подробной инструкцией в инфрасети.

Вручив графу тюбик с пилюлями из личного запаса, я уверила мужчин, что болезнь его не заразна, и если все принимать строго по вот этой вот инструкции, то и вполне успешно излечима, я наконец-то выставила всех за дверь, и с облегчением завалилась спать. На часах был третий час ночи.

А с утраца, на девятичасовом штатном совещании я с удовлетворением отметила невыспавшуюся помятую герцогскую физиономию. Ну не все же мне одной страдать от его нападок? Пусть тоже помучается.

– Есть у кого какие-либо соображения по поводу наших таинственных зеленых огоньков? – Его Светлость обвел нас всех своим мутным взглядом, подолгу остановившись на мне и молодом князе. Как на самых перспективных в этом вопросе? Ну, надеюсь мы его не разочаруем.

– Если исходить из данных, что сигнал подавали крианской сигнальной свечой, то логично предположить, что подавали его именно крианцу, – взял слово молодой князь Олмен. – Можно попытаться выяснить, не прилетал ли на Зорану крианский корабль или какой другой с крианцем на борту.

– Да это как иголку в стоге сена искать! – возразил усач.

– И что нам это даст? Ну найдем мы этого крианца, и что? Он нам сразу же выдаст координаты логова Бриана? – высказался более умудренный дедок.

– Логово Бриана мы и так знаем где. Вот только достать мы его там не можем. Если только горы перелететь. Как птички, фьют-фьют! – помахал руками-крыльями князь Фрейко.

– Но это единственная зацепка что у нас есть! – не сдавал свои позиции Олмен.

– Да мы лет десять будем этого крианца искать! А он тем временем или улетит с нашей планеты обратно на свою Крианию, или за горы к Бриану убежит, – дед тут был абсолютно прав.

– Господа, – поднялась я, привлекая к себе внимание, – а вы не предполагали, что те, кто использовал крианские сиг-

налки, мог использовать и специальную оптическую аппаратуру, меняющую видимый спектр, например, под глаз Зоранца, или Конфедерата?

Ну и зачем я это сказала? Выпендрилась, тоже мне. И чего они теперь на меня все так пялятся?

– Думаю, нужно не иголки искать, а задаться вопросом, откуда у повстанцев подобное оборудование. Где они его взяли на закрытой для свободной торговли планете? Как провезли его мимо таможи Конфедерации? Чем они за него расплатились? И самый главный вопрос: для каких целей они пользовались его на территории, подконтрольной императору Кримпу? Подготовка к диверсии? – Я пошла ближе к столу, и, взяв карандаш, указала на обозначенные вчера князем Олменом кружочками места, где видели зеленые огни. – По моим данным, ни здесь, ни здесь, ни здесь и ни здесь никаких важных стратегических объектов нет. Все эти точки контакта находятся далеко от населенных пунктов, в местах, где вероятность встречи с человеком практически равна нулю. И значит, тем, кто подавал сигнал, требовалась скрытность. Возможно, были и еще места контактов, о которых мы с вами ничего не знаем. Например, вот здесь и здесь, – очертила я карандашом еще пару предполагаемых мест. Последнее было далеко, пришлось потянуться. И только сейчас заметила, как косят глазами на мою обтянутую юбкой попу князя, только дедок высокомерно поджал губы, а граф старательно отводит глаза.

Эй, это им тут что, стрип-шоу бесплатное?! Ну, знаете ли!

Содрав со стола изрисованную карту, придирчиво рассмотрела обклеенные обоями стены, нашла наиболее подходящую, сняла с нее чей-то портрет (видимо, любимого императора, вон как у всех лица перекосило), и нашла гвоздь торчащий сиротливо на сиротливо торчащий гвоздь. Подколола обвисшие края булавок из своего стратегического запаса и отошла, любуясь результатом. Готово, мальчики, наслаждайтесь!

– Эм... – первым отошел от шока герцог, – а почему именно в этих местах?

– Предполагаемых местах, – поправила я Его Светлость и карандашом, как указкой, стала водить по карте. – Места, равноудаленные от обжитых районов. Труднопроходимые (для нас, не для местных, знающих тропы). Вероятность встретить разумное существо – нулевая. Так почему бы и нет? Открытым для нас остался вопрос, что же там так тщательно прячут повстанцы? Думаю, выяснить это мы сможем, только если побываем на месте сами.

– Так что? Готовить солдат для прочесывания? – вылез со своей инициативой молодой Олмен.

– НЕТ! – единогласно заявили мы с герцогом, и я, смущенно потупив глазки, отступила. Ну да, он же у нас тут главнокомандующий.

– Операцию проведем тайно, чтобы раньше времени не спугнуть и успеть проверить все предполагаемые места. Выдвигаемся послезавтра. У нас два дня на подготовку.

На подготовку мне хватило трех часов. Я даже по коридорам штаба успела пробежаться в разгрузочном жилете, нехило напугав этим дежурного. И обед не проспала, решив отложить столь богоугодное дело (сон, я имею в виду) на послеобеденную сиесту. А оставшееся до ужина время я планировала посвятить самосовершенствованию, ибо нет ему пределов!

И вот, смачно похрустывая сочным спелым яблочком, я, выспавшаяся и бодрая, легкой трусцой обежала вокруг штаба пару кругов для разминки и отправилась на полигон. Рвы и грязевые ямы, полоса препятствий, стены, перекладины, канат, манекены для отработки ударов, мишени для стрельбы, стенды для метания ножей. Вот к этим двум последним я и поспешила, опробовать местное громоздкое, тяжелое и громкое оружие. Пользоваться им я вообще-то не планировала, у меня и свое есть, легкое, тихое и удобное, но чем черт не шутит, мало ли как жизнь обернется? Ибо как в учебнике говорится, настоящий разведчик должен уметь пользоваться любым подвернувшемся под руку оружием.

Отметившись в тире у дежурного, я получила в награду свой комплект винтовок и ливорверов... нет, риворверов... тьфу ты, язык сломаешь! пистолет, короче, и пару коробок с патронами, и пошла к мишеням, знакомиться со своими сокровищами. Знакомство я начала с того, что раза три разобрала и собрала свои игрушки, пара деталей оказались лиш-

ними, мда...но я не унывала! Примитивное оружие, на то и примитивное, что в нем всегда много лишнего бывает, главное, чтобы стреляло. Однако тут меня ждало разочарование. Отдача была такой, что я все плечо себе отбила, раз за разом выбивая в молоко. Хотела уже бросить это гиблое дело, но тут заметила соседа.

Молодой князь Олмен за соседним столом развлекался с точно такой же винтовкой, что и у меня. Вот он послал патрон, передернул затвор, прижал приклад к плечу, нажал спусковой крючок. Выстрел. В десятку! Скопировала все его действия досконально, прижала к плечу, прицелилась. Выстрел. Отдача едва не выбила плечевой сустав. Мимо! У-У-У-У-У!!! Гадство!

– Позвольте? – Олмен протянул руку, забрал у меня винтовку, чего-то там повертел, щелкнул и вернул обратно. – Теперь должно быть лучше.

– Спасибо, – я пристроила винтовку на плечо, прицелилась и...

– Нет-нет, не так. Держите винтовку здесь и здесь. Вот так, – князь подошел ко мне вплотную, и, встав за спиной, поправил положение моих рук. – Прикладом упритесь в плечо. Вот сюда. Плотнее прижимайте. Теперь цельтесь. Следите за прицелом. Как только поймаете цель, стреляйте.

Прицелилась. Выстрелила, приклад легким толчком отдачи ткнулся в мягкие ткани. Попала? Да! Пусть не в десятку, но и не мимо – уже прогресс. Обернулась к князю, одарила

его радостной благодарной улыбкой. Он же в ответ усмехнулся одним уголком губ. А непроницаемые глаза смотрели на меня пристально и серьезно.

– Постарайтесь расслабиться, – руки мужчины опустились мне на плечи и сжали их, едва массируя. – Вес перенесите на правую ногу. Чуть-чуть вперед. Поза должна быть свободной, чтобы при выдохе мушка естественным образом подводилась под цель. Приложите голову щекой к прикладу и слегка наклоните ее вправо. Да, так, – рука князя скользнула вниз и легла на мой живот. – Пресс не напрягайте. Дышите ровно, спокойно, медленно. Стреляйте на выдохе, задержав дыхание на 5-6 секунд...

И началась работа. Упорная дыхательная гимнастика, расслабление тела, прицеливание, выстрел. И опять тренировка дыхания... и так, пока у нас не кончились патроны.

– Вам раньше не доводилось стрелять из такого оружия? Все же винтовка для вас тяжеловата.

– Нет, – усмехнулась я. – Наши «пукалки» легки и просты в использовании. Сами все за тебя делают, только курок нажимать успевай.

– «Пукалки»? Какое странное название...

– Ха-ха! Нет, это обзывалка такая. Вот, посмотрите, – выхватив из кобуры свою обсидиановую игрушку, я, рисуясь, покрутила ее на пальце и, почти не целясь, выбила в десятку. – Хотите попробовать?

И теперь уже я в роли инструктора учила князя стрелять

и своего оружия. Вряд ли этот навык ему когда-либо пригодится, но все-же так трудно было ему отказать, видя неподдельный ребяческий восторг от обладания новой блестящей игрушкой. Дела у молодого князя шли не в пример лучше моего обращения с винтовкой, тут уже чувствовался талант снайпера, впору завидовать.

Я же тем временем занялась изучением револьвера, очень уж меня позабавил его барабан. Наигравшись в «собери-разбери», начала прицеливание. И опять руки князя на моих плечах, спина плотно прижата к его груди, макушка упирается в подбородок, дыхание чуть шевелит волосы на голове, его тонкие сильные пальцы ложатся поверх моих на рукоять пистолета, вторая рука, соскользнув с плеча, обнимает за талию. Тепло, уютно, приятно...

– Корпус разверните влево, – ворвался в мой уютный мирок его мягкий баритон, – ноги на ширине плеч, рука прямая...

И понеслась... А потом мы метали ножи на счет и на скорость. Тут уж я не оплошала, показала высший класс. Даже в шутку предложила ему занять место у мишени и обтыкать его со всех сторон ножичками, как делают циркачи для увеселения публики. Но к мишени он не встал, горячо заверяя меня, что поражен моим мастерством и равных мне в этом деле нет. А потом мы вспомнили, что уже время ужина и чуть ли не бегом рванули в столовую.

В зал мы ввалились раскрасневшиеся и запыхавшиеся,

чем вызвали немало удивленные взгляды всего офицерского состава. Ой-ёй-ёй, вот только этого мне не хватало! Еще одних подобных нелепых обвинений я не вынесу! Мне и графа хватило.

Да только молодой князь о моих терзаниях ничего не знал, и галантно отодвинул для меня стул, предлагая присесть. Отказываться от предложения было бы странным, и я покорно заняла свое место. Олмен устроился напротив меня и подозвал официанта. А потом я выпала из реальности, в полной мере наслаждаясь процессом поглощения и разнообразием предложенных блюд.

– Госпожа Климова, – отвлек меня от смакования вопрос князя, – можно задать вам вопрос?

– Зовите меня Нина. А то госпожа Климова звучит как-то уж больно официально. Думаю, что после нашего с вами столь тесного общения мы уже можем себе это позволить... ОЙ! – я поспешно зажала ладошкой рот, поняв какую оплошность я сейчас совершила. Энжью и так нахохлившимся коршуном сидит за своим столом, не сводя с меня хищного прищуря, а тут я еще ему поводы даю для подозрений.

Князь же улыбнулся своей фирменной улыбкой, приподняв один уголок рта и кивнул:

– Рибьер.

Ему идет это имя, красивые глаза, брови вразлет, высокие скулы, тонкий прямой нос, и волосы цвета антрацита.

– Так что вы хотели спросить?

– Нина, скажите, – князь вдруг понизил голос и, наклонившись ко мне через стол, прошептал: – а у вас в Конфедерации все пользуются такими «пукалками», как у вас или это особенное оружие?

– Ну вот, – захихикала я, – ляпнула на свою голову. Видимо, с моей легкой руки это глупое прозвище так и приживется, – и тоже наклонилась вперед, перейдя на заговорческий шепот: – Это обыкновенный табельный пистолет. Уже далеко не последней модели, но весьма надежный. Подобными пистолетами оснащена основная часть вооруженных сил Конфедерации. Легкий, удобный, маленький. Емкость батареи рассчитана на 150 выстрелов. Но самое интересное в нем то, что батареи можно заряжать от солнечного света или от сильного жара. Что весьма удобно для использования на вашей Зоране, учитывая интенсивность солнечного излучения.

– То есть у него бесконечный запас пуль? – видимо тема оружия очень интересовала Рибьера, вон как глаза азартом горят.

– Он стреляет не пулями, а энергетическим импульсом. Отстрелял 150 зарядов, сменил батарею, а старую на солнышко положил заряжаться. Пара часов и полный заряд.

– А если пасмурно или дождь?

– Ну, тогда часа три-четыре.

– А ночью?

– Можно в угли горячие закопать.

– Здорово! – парень восторженно откинулся на спинку стула и мечтательно закатил глаза. – А у вас второго такого пистолета с собой случайно нет?

– Такого нет. Но у меня есть кое-что получше! Только оно у меня в комнате.

– А можно мне посмотреть?

– Пошли, – кивнула я, и отбросила в сторону салфетку.

Глава 5

Колин Энжью, офицерская столовая, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

Да за этой пигалицей глаз да глаз нужен! Сначала граф Парро, теперь мальчишка Олмен. И чего они там шепчутся все? Что на этот раз? Еще один неизлечимо больной?

Я наострил уши, пристальнее присматриваясь к князю. Вид у него действительно какой-то нездоровый. Дышит неровно, глаза блестят, на щеках румянец лихорадочный. И руки подрагивают мелко. Да и вообще нервный какой-то весь, ерзает постоянно. А чего ерзает? Может у него геморрой?

Так, а куда это они собрались? Геморрой проверять? И как они его собираются проверять? Я красочно представил себе эту удивительную картину: князя со спущенными штанами в характерной позе, и стоявшую позади него госпожу Климову, натягивающую на руку резиновую перчатку, и едва не зарычал. Вот чертова bestия! Допрыгается она у меня!

Отшвырнув салфетку, выскочил из-за стола, едва не опрокинув стул. Плевать! И на зрителей с их вытянутыми физиономиями тоже плевать! Халдея прочь с дороги! Путается тут только под ногами. Куда они там направились? В комнату к госпоже Климовой? Ну она у меня сейчас получит! Не комната, а проходной двор, ей богу!

– Ого, какая красавица! – услышал я возглас князя Олмена, чуть приглушенный закрытой дверью. – Маленькая, легкая, изящная. Девочка, ты просто прелесть! Хочу тебя попробовать...

Это он о ком? О госпоже Климовой?! Убью!

Не стучась, резко распахнул дверь, врываясь в комнату и... первое, что я увидел, это князя, целящегося из странного оружия прямо мне в живот. Дальше инстинкты сработали сами за себя: резкий уход в сторону с линии выстрела, кувырок вперед, подсечка, заломить руку, выбить оружие, болевой захват, обездвигить, уткнув противника лицом в пол. Олмен – хороший снайпер, но в рукопашной слабоват.

– Черт возьми! Да что ж это такое-то?! – и столько праведного возмущения в женском голоске!

– Вот и я хотел спросить, что у вас тут творится?! Я думал, вы тут геморрой лечите, а вы?!

– Какой геморрой?! – задушено возмутился князь, взбрыкивая подо мной.

– А что мы?! А даже если и геморрой, чего вы все время врываетесь ко мне без стука?! – стоит вся в негодовании, руки в боки, глаза сверкают, ножкой по полу постукивает.

– Да нет у меня никакого геморроя! – задергался сильнее князь, и я вынужден был его отпустить.

– Нет – и замечательно, – заключил я, отряхивая брюки и подбирая с пола странное оружие. Видимо, из запасов нашей белокурой красавицы. Интересно, что это? Раньше мне

подобное видеть не приходилось. А что еще у нее тут припасено?

– Это все оружие Конфедерации? – уточнил я, разглядывая разнообразный, сверкающий черным глянцем арсенал, разложенный на столе. Помимо огнестрельного оружия, тут еще присутствовал набор метательных ножей с копьеобразной формой клинка, остро заточенные на концах шестеренки с дыркой посередине и странные диски величиной с ладонь. – Вы позволите?

Не обращая на меня внимания, девушка отмахнулась от меня и, подхватив под руку потирающего ушибленное плечо князя, потащила его в ванную. Зашумела вода, стукнула дверца шкафчика, послышалась небольшая возня, затем дверь ванной открылась, и госпожа Климова вышла. Одна. Бросила на меня рассерженный взгляд и плюхнулась на кровать, уткнувшись локтями в колени и подперев подбородок. Злилась. Ну, я тоже был не в особом восторге от всего этого.

– И вы всем этим умеете пользоваться?

Тишина. Меня игнорируют?

– Ну, да. Признаю, глупый вопрос. А это что? – я взял со стола странный диск и подбросил его на ладони.

– Дайте сюда! – девушка пружиной взвилась на ноги и, подскочив, выхватила у меня диск. – А то еще без руки останетесь. А я опять во всем виновата буду.

– Хм... Хорошо. Я, видимо, должен извиниться. Я опять сделал поспешные выводы. Виноват. Простите меня?

Девушка, не глядя на меня, кивнула и начала аккуратно собирать разложенное на столе оружие в многочисленные кармашки своей странной пятнистой куртки.

– Скажите, почему вы решили, что у князя Олмена геморрой? – вдруг задала она неожиданный вопрос.

– Э-э-эм. Наверное, потому что он, как и граф Парро, шептался с вами о чем-то. И... ерзал.

– Ерзал? – удивленно повернулась она. – Вы предположили, что у князя геморрой, только по тому, что он ерзал???

Ну а что я могу сказать? Ну да, дурак! Я покаянно развел руками. И она прыснула. Потом захихикала. А потом уже и захохотала. Громко, заливисто, заразительно.

– Вы... Вы меня поражаете! – немного успокаиваясь, проговорила она.

И именно в этот момент взъерошенный и мокрый князь вышел из ванной. Девушка бросила на него косой взгляд, потом на меня, потом опять на него и вновь залилась своим удивительным веселым смехом. Я тоже не сдержался, усмехнулся в кулак, пряча улыбку. Князь же, смутившись, покраснел, и, прочесав пятерней встрепанные волосы, буркнул:

– Мы еще на полигон собирались. Пострелять.

– Точно! – воскликнула Нина, утирая выступившие от смеха слезы. – Вы с нами, господин Энжью?

Естественно! Уж очень мне было интересно посмотреть, как стреляет оружие Конфедератов.

Князь первым подскочил к двери и распахнул ее настежь,

придерживая ее в ожидании нас. Жестом я пропустил девушку вперед и закрыл за собой дверь. Олмен, с независимым видом вышагивал впереди всех, обиженно вскинув подбородок. Нина же чуть приотсталала, и, поравнявшись со мной, зашептала, прикрывая ладошкой рот:

– Вам не кажется, что у князя немного странная походка?

– А что с ней не так? – насторожился я.

– Какая-то она у него слишком напряженная. Посмотрите, какие скупые движения. Бедняжка, видимо ему очень сильно геморрой мешает! – и, захихикав, рванула от меня прочь, догоняя князя.

Чертова девчонка! Теперь она мне это долго будет припоминать.

Оружие Конфедератов было выше всяких похвал. Особенно мне понравилась та винтовка, что так приглянулась Олмену. Вот уж воистину он был прав – легкая, изящная, удобная. Просто прелесть! И эти шестеренки со скошенными острозаточенными краями, как их там... «сюрикэны» весьма интересны. Нужно будет взять на заметку. Но самыми любопытными из всего арсенала мне показались диски. Это оказалась взрывчатка. Не столь мощная, чтобы взорвать здание, например, но подорвать автомобиль вполне способна. Достаточно лишь прикрепить ее к объекту, нажать на центральную выпуклую часть, и через определенное время она сработает. Нина даже пожертвовала одной такой игрушкой,

чтобы продемонстрировать нам ее принцип действия. В результате мы лишились одной из мишеней, устроили переполох, потом долго всех успокаивали и разгоняли по местам, а то любопытных-обеспокоенных набежало до жути.

– Госпожа Нина! – позвал девушку Олмен. Он уже давно отошел от обиды, отвлеченный забавными игрушками, но с винтовкой так и не расстался, любовно оглаживая ее поверхность. – Скажите...

– Просто Нина. Без госпожи, пожалуйста! – перебила его девушка.

– Нина, скажите. Есть ли хоть малейшая возможность закупить у Конфедерации подобное оружие?

– Хм... – задумалась она.

– Исключено, – ответил за нее я. – На оружие наложено эмбарго.

– Но почему? Будь у нас такое оружие, мы давно бы уже покончили с этими повстанцами.

– Вот именно поэтому и наложили запрет, – отозвалась девушка. – Чтобы не нарушать естественный ход истории. Чтобы сохранить равновесие сил. Чтобы ваше развитие шло по собственному пути. Чтобы вы сами стремились развиваться, а не ждали подачи от развитых миров.

– Поздно уповать на равновесие сил и ожидать от нас естественного развития, когда наши заводы построены по технологии Конфедерации, а по орбите летают ваши спутники, – возразил я. – И наложенное эмбарго на ввоз оружия не ме-

шает ему попадать на Зорану. Вспомнить опять же те самые крианские сигнальные огни. Как они попали на планету?

– Нелегально, – Нина собрала в кармашки куртки свои «сюрикэны» и запихала в кобуру пистолет. – Либо таможенники бездарно просмотрели груз, либо им заплатили, чтобы они закрыли на это глаза.

– То есть если и мы предложим таможенникам определенную сумму, и нам можно будет достать партию ваших винтовок? – не оставил свою голубую мечту князь.

– Боюсь тут одним подкупом не отделаться, – девушка отобрала у парня его «любимую» и пристроила в магнитные крепления за спиной. – Здесь замешана целая цепочка. Для того, чтобы Бриан получил свои «сигналки», у него должен был быть союзник в Конфедерации. А это может быть кто угодно: власть, торгаши, пираты. Либо те же самые крианцы, которые, как и Конфедерация, стремятся наложить свою загребушую лапу на ваши ресурсы. Эта ваша гражданская война – вообще весьма выгодное предприятие для всех. Под это дело можно столько всего вам загнать! И цену набить на торговле военными технологиями и «новейшим» оружием. Причем платит и император, и повстанцы. А Конфедерация освобождает склады от старого, никому не нужного хлама и просроченных товаров. Может быть, и «сигналки» эти тоже на утиль пора было за истечением срока годности. А тут Бриан подвернулся и скупил все радостно.

– Может, потому они и мутные были и воняли так, что

испорченные были? – припомнил Олмен свой доклад.

– А фиг его знает! – развела она руками. – Возможно, они ему не только «сигналки» продали... Ведь могли и еще чего из «новинок» загнать. Очень хочется мне взглянуть, что же они там прятали... Кстати, Ваша Светлость, мне нужно ваше разрешение с компьютером поработать. Позвольте?

– Вы хотите этим заняться прямо сейчас?

– А почему бы и нет?

Вообще-то я планировал еще бумаги разобрать да спать лечь пораньше, памятью прошлую бурную ночь, но ладно:

– Пошли.

Глаза мои слипались нещадно. Я уже и голову кулаком подпер, чтоб не падала, и бумажки перебрал по пятому разу. Подписал все приказы, перечитал все указы, отдал все распоряжения, проверил дневального, оценил чистоту сортира, выпил три бокала крепкого чая, составил список необходимого в походе, начистил оружие и теперь с завистью наблюдал, как бодрая девица резво щелкает клавишами на компьютере, закивая на свой планшет снимки поверхности планеты со спутника и карту местности, отмечая на ней попутно те места, где жители видели зеленые огни.

И уж, видимо я совсем заснул, ибо привиделось мне что-то ну совершенно невероятное. Девушка вдруг бросила в мою сторону быстрый взгляд, затем встала из-за компьютера, попутно запихав за пазуху свой планшет, тихо-тихо под-

кралась к столу, не сводя с меня хитрого взгляда, протянула руку и, как котенка, едва касаясь волос, погладила меня по голове. Лицо ее вмиг смягчилось, легкая улыбка тронула губы, глаза смотрели на меня с нежностью, так ласково, по-доброму, с чувством. Тонкие пальчики коснулись лба, сдвигая упавшую мне на глаза прядь волос, скользнули вдоль скулы и замерли на губах, едва касаясь их. Такие чуткие, такие мягкие, такие теплые...

Моя отяжелевшая голова медленно сползла со своей подпорки-кулака и упала на грудь. Я дернулся, вскидываясь, проморгался, мутным взглядом окидывая свой пустой кабинет: нету ее. Просто приснилась. Жаль... Провел пятерней по лицу, стирая морок приятного сна, и поплелся в смежную комнату, где у меня была оборудована спальня.

Глава 6

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт, пятый день.

Всю предыдущую ночь меня преследовало видение чувственно приоткрытых губ герцога. Понимаю, что со стороны, это звучит жутко, но не для меня. Для меня они были невероятно притягательны и желанны. Они то приближались, и я ощущала их тепло на своей коже, то отдалялись, и уже я стремилась их догнать и поцеловать. Эх, жаль вчера вечером я так на это и не решилась, теперь вот буду мучиться и страдать от упущенного шанса.

Мучилась и страдала я вплоть до утреннего совещания, а потом моя мечта обрела реальность. Четкий абрис губ, таких нежных, таких мягких, они притягивали мой взгляд. Они слегка изгибались в приветственной улыбке, источая столько очарования и желания к ним прикоснуться, что я невольно облизалась, представив, как его губы накрывают мой рот. Уф-ф-ф...

– Госпожа Климова! – эти прекрасные губы сердито поджались, немного поблекнув и вытянувшись в тонкую линию. Я нервно вздрогнула и кинула на герцога испуганный взгляд, пальцами стирая со своих губ призрачный поцелуй.

– Да? – голос мой даже не дрогнул. Ай, да молодец!

– Вы меня совсем не слушаете! – заявил он очевидные ве-

щи. – На это задание я отрядил вам в помощь пять своих ребят. Думаю, этого будет достаточно. Большой отряд привлечет ненужное внимание.

– «Всего-то» пять ребят?! Да на что они мне вообще сдались?! Одна я работаю гораздо эффективнее. А эти ваши ребята будут меня только тормозить да под ногами путаться, – разразилась я протестами.

– Их физическая подготовка на высшем уровне. Ребята выносливые, опытные. За плечами много боевых вылазок. К тому же лучше вас знают местность и смогут договориться с населением, взять проводника, к примеру. И доверие к ним больше, нежели к инопланетной девице, – сразил он меня аргументами. – Ну и снаряжение помогут вам нести, в конце концов.

Я сморщила носик от досады. Вот же ж блин! Всю прогулку мне испортил. Пять человек, конечно, мелочь – а все равно неприятно.

– И случись с вами что, кто поможет? – продолжил он гнуть свою линию и быстро добавил, видя мою скептически скривившуюся мордашку и заломленную бровь: – Вдруг на вас зверь какой нападет? Кто вас прикроет?

– Саблезубая мышь? – ухмыльнулась я. Но он только философски пожал плечами, разводя руки в стороны. Ай, черт с ним, уговорил! – Ладно. Но тогда Рибьер пойдет со мной!

– Кто?

– Князь Олмен, – широким жестом фокусника я указала

на ошарашенного моим заявлением молодого князя.

– Вот как... – Энжью наградил князя хмурым взглядом и спросил: – Позвольте спросить, зачем вам понадобился князь Олмен?

– Думаю, ему не помешают полевые тренировки. Мальчик засиделся в штабе. Пусть развеется, опыта полевых работ наберется, – важно заявила я, складывая кренделем руки на груди.

– Мальчик?! – возмущенно вскинулся молодой князь, и запыхтел, но никто, увы, не обратил на него внимания.

– Вы хотите научить его сажать картошку?!

– При чем тут картошка? – я недоуменно сдвинула брови, а потом расхохоталась. Языковые выверты, специфическая терминология, и вот тебя уже никто не понимает. – Нет, под полевой работой я имела в виду, что ему нужно развивать свои навыки в реальных боевых условиях. Работать с конкретным противником и по существу. Пока я здесь, у него есть хороший шанс посмотреть, как работают другие разведчики и научиться чему-то новому. Вы не согласны?

Энжью задумался на минуту и вдруг выдал:

– Я иду с вами.

– Что? Зачем?! – этого мне только не хватало!

– Это хороший шанс посмотреть, как вы работаете, и научиться чему-то новому, – отбил он и ехидно улыбнулся. – А что? Бойтесь за мой мундир?

– Ну... опасаясь, – осторожно ответила я. Не хотелось его

обижать, если честно.

– Не бойтесь, я его сниму, – и он действительно его снял. Причем так быстро и ловко, что я не заметила, когда он только успел его расстегнуть. Ну и остался в одной рубашке, свободной, конечно, но такой тонкой и мягкой, что она просто липла к телу, обрисовывая все его контуры. И плечи у него вдруг стали шире, и грудь мускулистей, живот с рельефом кубиков, и бицепсы-трицепсы образовались. Блин... Ну что за мужик! – пустила я голодную слюну. Ведь нарочно дразнит. Мстит мне за вечер?

– Мда, – слюни я подобрала, в руки себя взяла, взгляд в сторону отвела, голос прочистила и... поняла, что, чтобы я не сказала, он волен сам решать, идти ему или нет. А то, что заранее в известность поставил, что ж... спасибо ему за это. – Пойду готовиться. Только у меня к вам будет одна просьба.

– Слушаю.

– Пообещайте, что будете во всем слушаться меня?

– Ну, во всем-всем-всем – пообещать не могу, мало ли какие ситуации возникнут, я все же главнокомандующий. Может, будем смотреть по обстоятельствам?

– Отлично! Договорились! – о большем я и не мечтала.

Глава 7

Нина Климова, восточный фронт, шестой день.

Вышли мы на рассвете, еще затемно. Я и семеро козлят... ой, мужчин.

– Капитан Кривник, Лейтенант Бредли, Старший сержант Девон, Сержант Аллэр, Рядовой Матин, – представил мне своих мальчиков князь Олмен. Колоритных таких мальчиков, с котомками за плечами, в кирзачах и ватниках, увешанных оружием, аки новогодняя ель.

На мою разгрузку косились с недоумением, на пестренький камуфляж комбеза ухмылялись, при виде веточек и стельков на капюшоне покрутили пальцем у виска, а вот высоким ботинкам со шнуровкой на удобной резиновой подошве завидовали однозначно. Однако ухмылки с их лиц исчезли быстро, как только мы залегли в высокой бурой траве, недалеко от первой намеченной нами цели, где я слилась с окружающей флорой уже в нескольких метрах от ребят.

Подав сигнал оставаться на месте, я быстрыми перебежками подобралась к группке невысоких корявых деревьев, смазываясь неясным пятном в своем крутом камуфляже на их фоне. Навигатор яркой красной точкой сигналил, что мы на месте, однако ничего необычного в округе не замечалось. Овражки, наполненные водой, кусты колышут лысыми ветками, низкорослые деревца стайками жмутся друг к другу,

тихий щебет птиц, шуршание ветра в траве, журчание ручья и ни души вокруг. Покрутила навигатором, настраивая на различные режимы сканирования – чисто. Кроме нашего отряда – никого. Странно как-то.

Махнула ребятам, чтоб подходили ближе и, уже не таясь, выпрямилась во весь рост, в оптику осматривая границу далекого леса. Может, там кто в засаде окопался. Следит за нами, выжидает, думает, что с нами делать. А то вдруг мы просто мимо проходили.

– Что здесь? – раздался над ухом голос Энжью.

– Понятия не имею, – недоуменно пожала я плечами. – Надо бы осмотреться. Может, место не то указали...

– Да нет, – отозвался князь Олмен, остановившись чуть левее нас, скинул на землю свой вещмешок и присел на корточки, шевеля рукой высокую траву меж кустов, – сведения точные. Местные мужики сюда частенько ходят зайцев ловить. Вот, смотрите...

И он показал нам спрятанную в траве искусно сплетенную ловушку на ушастых из проволочных петелек и связанных между собой тонких палочек.

– Значит будем искать, – сделал заключение Его Светлость, и требовательно протянул руку к моей оптике. – Разбить местность на квадраты и тщательно все прочесать. Действуйте осторожно, тут могут быть ловушки не только на зайцев.

Схрон ребята нашли чуть ниже по ручью, искусно замас-

кированный под плотину бобров. И когда вытащили из воды притопленные герметичные контейнеры и вскрыли их, в шоке пребывали не только мальчишки, но и я.

Чего там только не было! И пулеметы, и минометы с гранатометами, и даже осадное стрелковое оружие (правда в разобранном виде, но с подробнейшей схемой сборки). И все новейшего образца! Подобными экземплярами еще даже не все миры союза Конфедерации были оснащены, не то, что сбывать его на Зорану. Один только квантовый камуфляж на основе технологии «стелс» чего стоил!

Мы с главнокомандующим сначала долго тарасились на все это богатство и чесали репу, что со всем этим делать, а потом стали наперегонки примеривать все это барахло на себя. В результате оделись мы все по последнему слову техники, щеголяя в пестро-буреньком камуфляже и новеньких ботиночках. Даже режим невидимости опробовали, маскируясь то под траву, то под водную гладь в ручье, то прикидываясь кустиком.

Подобрали себе и оружие, кому что приглянулось, распахали все по разгрузкам, как я показала. Побаловались с рациями и навигаторами. А потом закусив все сухпайком, устроились на ночлег, определившись с часовыми.

– Я вот что думаю, – подтащил ко мне поближе свой спальник Рибьер, – надо нам побыстрее с этими тайничками разобраться, пока повстанцы не прочухали.

– Угу, – согласилась я, забираясь в свой спальник.

– Вы представляете, сколько там еще этой красоты у них припрятано!

– Угу, – застегивая молнии по бокам спальника, согласилась я.

– Вот бы нам его себе все прибрать! Мы бы с таким оружием быстро бы с этой войной покончили!

– Угу, – буркнула я, переплетая на ночь косу.

– И где они его только достали? Как Конфедерация смогла пропустить такой груз? Это ж не пуговица, в кармане не спрячешь!

– Угу, – поддержала я разговор, устраиваясь поудобнее.

– Это же, наверно, целый космический корабль битком набить нужно, чтобы столько ящиков перевезти! – Олмен, наконец, справился со своим спальником и полез внутрь.

– Угу, – да я просто оратор! Сколько красноречия было в моем угуканье!

– А как они его разгружали? Это же столько машин нужно! Колонну целую! Как же таможенники наши такое просмотрели?

Мда. Видимо угуканьем от него не отделаешься. Эх, не видать мне покоя. Откинув край спальника, я села, уперлась руками за спиной, сдула с глаз выбившуюся прядку волос и вздохнула:

– А давайте мы это у господина герцога спросим?

Ну а чего? Чего мне одной-то отдуваться? Пусть тоже участвует в просветительской работе молодого поколения:

– Ваша Светлость! Скажите нам, пожалуйста, не прилетали ли за последние несколько недель к вам грузовые корабли Конфедерации?

– На сколько мне известно, в последнее время было только два корабля, ваш пассажирский и транспортник, на котором нам станки для патронного завода привезли, – отозвался Его Светлость с другой стороны костра, откладывая в сторону мой оптический прибор, который он едва не разобрал на запчасти. Подарить ему его, что ли?

– А на орбите в данный момент сколько у вас кораблей крутится?

– Три... Нет, два. Один улетел пару недель назад.

– Класс кораблей помните?

– Конечно. Малый военный крейсер. Военный корвет. И грузовой корабль типа «Сиреневый кит».

Вот это память! Завидую.

– Это тот самый, на котором станки были?

– Нет, тот отгрузился и сразу же обратно, он у нас проездом был.

– А «Сиреневый кит» сколько у вас уже на орбите висит?

– Месяца три примерно.

– Так это на нем это оружие привезли?! – воодушевился князь.

– Это маловероятно. «Сиреневый кит» на планету не спускался. Запрос на посадку не делал. Таможню не проходил, – охолодил его пыл герцог.

– Да ему и не обязательно, – высказалась я. – Они могли челноками все перевезти. Прямо к месту назначения. Челнок маленький, вашей аппаратурой его не засечь. Они могли и мимо таможни проскочить. Или на лапу им дать.

– Что дать? – на пару переспросили они.

– Взятку дать. Подкупить. Или у них там свой человек есть, который просто закрыл глаза на груз.

– То есть у повстанцев есть свой человек в Конфедерации? – уточнил князь.

– А каким еще образом повстанцам удалось договориться о таком количестве специфического груза?

– Интересно, чем же повстанцы с «Сиреневым китом» расплатились за такое количество оружия, если мы только за рваный спутник едва по миру не пошли? – задумчиво протянул Энжью, стянул ботинки и забрался в свой спальник.

– Так это что же получается, если Конфедерация в курсе, что у повстанцев такое оружие, это значит они с ними заодно? – всполошился Олмен.

– Это вряд ли. У Конфедерации своя выгода. И свое видение ситуации. Скорее всего это оружие на Зорану попало нелегально и правительство Конфедерации даже не в курсе, что здесь твориться, – пояснила я.

– И как такое можно проверить? – поинтересовался господин герцог.

– Пираты, например. Или частные торговцы. Может быть кто-то из элиты союза Конфедерации решил нагреть руки на

вашей планете и ее богатствах. Особенно если повстанцы им пообещали отдать долю от производства полезных ископаемых на Зоране.

– Последний вариант вероятнее всего. Нету у повстанцев столько денег, чтобы с пиратами и торговцами расплачиваться, – выдвинул предположение князь.

– Это вполне в духе Бриана, – усмехнулся Его Светлость, – делить шкуру еще не убитого медведя. Он что угодно готов пообещать лишь бы получить желаемое. Поскольку обещать – еще не значит сделать.

– Так давайте и мы тоже что-нибудь пообещаем конфедератам? Может они нам корабль космический подарят! – воодушевился парень.

– Спице, князь, – утихомирил его господин герцог, затем посмотрел на меня долгим взглядом, шепнул «Спокойной ночи» и отвернулся.

А утро встретило нас туманом. Я зябко ежилась и тряслась, плескаясь в холодном ручье. Шибко не увлекалась, так лишь в гигиенических целях кое-где, но и этого мне хватило, чтоб окончательно замерзнуть и, стуча зубами, по-быстрому влезть в свой утепленный комбинезон. Молодой князь галантно укутал меня поверх своим ватником и пошел следить за тем, как ребята затапливают в ручье заново упакованные контейнеры с оставшимся барахлом и оружием. Там уже давно бродил Его Светлость, собственноручно прицепляя к каждому их ящиков маячок, чтобы потом вызванный

нами отряд мог легко их найти и вывезти все в штаб, либо проследить их путь, если хозяева схрона все же навесят свой тайник.

Следующая точка на карте мне не нравилась совершенно. Кладбища, склепы, могилки – вообще не подходящее место для молодой и впечатлительной девушки. Скелетики, зомби кровожадные, мертвые с косами вдоль дорог. Я, честно говоря, вообще мертвяков боюсь (спасибо современному кинематографу с их полным погружением в реальность), но никогда и никому в этом не признаюсь. Тем более толпе здоровенных мужиков, так и пышущих во все стороны своей брутальностью.

Да еще и Светлость Его за ногу дери, решил переться туда на ночь глядя. Не иначе удаль свою молодецкую показать, да гоголем выставиться перед другими, а вовсе не из соображения скрытности, как он всех нас заверял. Ну и понятно, послушаться никто не посмел. Я тоже вякать поперек не стала, а то б еще на смех подняли, знаю я их.

Кладбище было старым, заросшим мелким кустарником и замшелым. Вообще оно было странным на мой взгляд. Ни крестов, ни привычных холмиков за оградкой, ни цветочков в вазочках. Могилы громоздкие, глубокие, обложенные изнутри светлым камнем, прикрытые сверху плоской плитой песчаника с надписями на местном языке. Одна на всю семью что ли? Такие мини-склепы подземные. И походу тут

уже неоднократно похозяйничали и мародёры и падальщики. Плиты у многих склепов были расколоты или сдвинуты в сторону, открывая темные провалы глубоких ям, на дне которых наверняка сохранились залежи белесых скелетов.

Скелеты и черепушки. Толпы скелетов. Ох ты ж, батюшки! Я понимаю, что разведчик ничего и никого не боится, но это ж упыри и вурдалаки! Это же... Ой! МАМА!!! Что это там шевелится?!

Уф, черт, это же князь Олмен с рядовым Матином в обход пошли. Остальных господин герцог с левого фланга отправил, оставив нам центральный проход. Эх, надо было с Кривником пойти, он большой – с ним не так страшно, да и видно его издалека.

Мои сотоварищи уже давно скрылись где-то в темноте, а я все еще сидела под кустом, пугливо озираясь вокруг. Вскоре Энжью заметил мое отсутствие и оглянулся, махнул мне рукой: мол, догоняй, но я замотала головой, не двигаясь с места. Пришлось ему вернуться.

– Что случилось? – спросил он тихо, склоняясь ко мне.

– А давайте я тут на стреме посижу?

– Зачем?

– Вдруг вы кого проглядите или упустите, а тут я их встречу! – воодушевленно предложила я.

Энжью задумался, посмотрел на меня с легким прищуром, и спросил:

– Вы что, кладбища боитесь?

– Кто? Я? Да ни за что!

Он еще раз взглянул в мои круглые от страха (но честные!) глаза и кивнул:

– Угу. Хорошо. Спрячьтесь получше. И следите в оба. Особенно за проходами.

– Да-да-да! – усердно закивала я, зарываясь поглубже в грунт.

Его Светлость бросил на меня еще один долгий взгляд, поправил рюкзак и, развернувшись, быстро исчез в темноте.

И тут вдруг протяжно заскрипела над головой ветка – я вздрогнула. Порыв ветра взьерошил сухую листву в траве – я задрожала. Где-то слева вскрикнула птица, и сорвалась в полет – я зажмурилась, вцепившись побелевшими пальцами в ствол винтовки. А потом какое-то большое и наглое насекомое уселось мне на макушку, и я чуть не заорала истошно, заголошнно отмахиваясь от него.

Вскочила, завертелась на месте растерянно, и со всех ног рванула в ту сторону, где скрылся герцог. Едва не налетела на него с перепугу, нарвавшись на его ответную контратаку, и зашептала горячо и сбивчиво, оправдываясь:

– Я тут с вами похожу... просто... это... спину вам прикрою. Она у вас такая... – и я развела руки в стороны, показывая какая у него спина.

– Широкая? – ухмыльнулся он самодовольно.

– Открытая! Вдруг на вас сзади упырь нападет!

– Упырь?!

– Ага.

– На меня нападет?

– Ага.

– А тут вы.

– Да.

– Он испугается и убежит.

– Ага, – машинально поддакнула я, и возмущенно засопела. – Эй! Я же серьезно!

– Про упырей?

– Про спину.

– А кто-то вообще хотел идти один эти тайники осматривать, – уел он меня.

– Ну так не ночью же, да на кладбище! – возразила я, едва ли не в полный голос.

– Трусишка, – едва слышно усмехнулся он и, пригнувшись, перебежал к другой могиле под укрытие дерева, присел там на корточки и махнул мне рукой.

Да пусть хоть горшком назовет, главное, что прочь не гонит и то хорошо.

Так мы и перебирались от могилы к могиле, прячась за плитами и прислушиваясь к малейшему шороху в темноте. А потом Его Светлость вдруг сдвинулся в сторону и куда-то внезапно пропал. В один миг – был и нету! Вот, черт! Ой, зря я о черте на кладбище помянула.

– Эй! – шёпотом закричала я. – Ваша Светлость!

Тишина. Вслушалась в доносившееся слева шуршание и

замерла, вытаращив глаза и втянув голову в плечи. Уф, всего лишь ветер сухими листьями шебуршит.

А куда Его Светлость подевалась? Как сквозь землю провалился, ей богу! Сделала пару осторожных шагов в ту сторону, где видела его в последний раз, и чуть не заорала в голос, когда моя нога провалилась в темный провал склепа. Да и заорала бы, если честно, да только рот мне успели закрыть широкой мужской ладонью, которую я тут же на радостях и укусила, извиваясь в крепких объятиях. Мужик зашипел, прижал к себе еще сильнее и утащил в яму целиком, под тень плиты.

– Да тише вы! – на ухо мне выругался господин герцог, и потряс укушенной ладонью.

Ах ты ж, демон! Чуть не описалась от страха!

– А что, трудно было предупредить, что это вы? Зачем сразу затаскивать меня в эту могилу? – шепотом возмутилась я. – Тут же, наверно, трупы лежат!

– Упыри, – поддакнул он.

И тут под ногой что-то подозрительно хрустнуло.

– Ой, мамочки! – взвыла я и, обхватив Его Светлость за шею, попыталась вскарабкаться по нему как можно выше.

– Что с вами? – изумился он, подхватывая меня под попу и удерживая на весу.

– Там кости хрустят!

– Да нет тут никаких костей. Ветка хрустнула.

Врет же, честное слово! Ветки так не хрустят. И уж было

я собралась уличить его во лжи, как он вновь закрыл мне рот своей большой ладонью и шикнул, кивком головы указывая направление. Посмотрела куда он показал и нахмурилась. Какое-то невнятное зеленоватое свечение чуть в стороне от нас: по правую руку. Там как раз еще одна могила была, и плита на ней с отколом так, что провал образовался. Так вот в этой дыре темной то ли грибница светится, то ли зеленоватая дымка. Ничего не разглядеть в такой темноте! Сползла с Его Светлости, осторожно переступая ногами, чтобы опять там не дай боже чего не хрустнуло, навалилась на край могилы. Далеко, не разглядеть... Ой, совсем забыла, у меня ж такой девайс классный есть! Потерла глаза, настраивая контактные линзы. Так, тепловидение – не то! Увеличение – не то! Лазерный прицел – не то!

– Ох, ты *** !!! – вдруг разразился бранью господин герцог, и испуганно шархнулся от меня, вжавшись спиной в стенку ямы.

– Вы чего?

– У вас глаза... светятся! – вытаращился он на меня, едва не выпрыгивая из склепа.

Хех, а я и забыла, что в этом режиме у меня глаза, как алые зенки вампиров. Эво как мужика-то напугала, заикаться бы не начал чего доброго. А говорил упырей не боится. Вруша!

– Это линзы контактные, – пояснила я, прикрывая веки и настраивая их на ночной режим видения. Темный размытый мир тут же преобразился, наливаясь красками и четки-

ми контурами окружения.

– А. Ага. А линзы – это что? – успокоился он и приблизился на пару шагов.

– Ну, это как очки, только без оправы. Их в глаза вставляют – на зрачок.

– Зачем? – Энжью уже совсем осмелел и с интересом заглядывал мне в лицо, пытаясь разглядеть эти самые линзы.

– Чтобы лучше вас видеть, – отшутилась я, вспомнив сюжет одной поучительной сказки. – Вы их сейчас не увидите. Они прозрачные. У них еще много разных режимов есть, не только цвет менять. Могу ночью видеть, могу днем от вашего солнца защищаться, могу увеличение подкрутить, могу еще и прицел настроить. А вон там, например, вижу, что в соседней могиле труп светится. И судя по строению его скелета и характерному зеленоватому свечению костей, это и есть наш с вами крианец.

– Инте-е-ре-е-сно, – протянул он и, подпрыгнув, взобрался на край плиты, и выбрался из могилы. Потом протянул руку и помог вылезти мне.

К могиле крианца мы подкрались вместе. Энжью заглянул в проем и осмотрел труп, что просвечивал зеленоватым отсветом костей сквозь оголенную плоть. Подивился причудливому строению тела гуманоида: колченогого, тощего как щепка, с вертикальным разрезом глаз, и, осмотрев его плоский затылок, увидел там дырку от пулевого ранения. Кто-то его походу просто пристрелил, да и припрятал в могилку до-

тлевать. Кому и чем он мог помешать? Свидетелей лишних убивали?

Вот пойдешь ты на кладбище днем, труп бы этот нипочем не нашли. Только благодаря зеленоватому отсвету, что хорошо виден в темноте, господин герцог его и заметил.

– Надо будет потом забрать его в штаб, изучить получше, – выдвинул предложение этот начинающий патологоанатом и, взяв меня за руку, как ребенка, повел дальше. А и пусть себе ведет на здоровье – мне-то что? Мне-то вот даже и хорошо. Тепло, уютно, и, главное, не страшно.

А потом впереди раздались выстрелы, и мы с Его Светлостью синхронно пригнулись, едва не распластавшись по земле. Чуть правее послышались вопли, ругань, и завязалась перестрелка. Это Кривник, вероятно, наткнулся на часовых повстанцев и выдал себя. Плохо. Теперь о скрытности можно забыть. Но и в открытое столкновение нам нельзя. Неизвестно, сколько здесь боевиков: человек двадцать или тридцать, всяк не меньше.

Переключив линзы с ночного режима на тепловидение, осмотрела окрестности. Увидела метрах в ста впереди два смазанных движением светлых контура. Указала герцогу вперед, туда, где я заметила движение. Показала на пальцах что там противники: два. Он кивнул, принимая информацию, взгляделся в темноту, но ничего не увидел. Однако мне доверился и оружие достал. Жаль только, что тепловизор не отличает своих от чужих, а то б я быстро сейчас всех покро-

шила.

Переключилась вновь на ночной режим и короткими перебежками стала подбираться к цели. Его Светлость от меня не отставал, шел след в след и замирал, когда я тормозила, растянувшись рядом.

Потом я увидела Кривника, притаившегося за плитой, и указала на него. Энжью тут же рванул к нему, а я стала обходить слева, где засел противник. Враг меня не заметил, занятый выискиванием притаившегося бойца, выглядывал из-за плиты с разных сторон и быстро прятался обратно, опасаясь выстрела. Я сняла его пулей в затылок, тихо.

Однако перестрелка не прекратилась, ребята вступили в бой, выйдя на основные силы противника.

Мне с этой точки обзора было плохо видно где они засели, и помочь я ничем не могла. Вернулась к Энжью и Кривнику, узнать, как дела у последнего.

Тот был в порядке, если не считать простреленной штанины и каблука у ботинка, из-за чего парень сокрушался больше всего. Ну, еще бы! Новые же совсем были!

Дальше мы пробирались уже втроем, рассредоточившись, но продолжая держать друг друга в поле зрения. Когда добрались до тайника, встретились с Олменом и Матиным. Этим удалось положить четверых, к счастью, без потерь для себя и одежды.

Остальных ребят нагнали чуть позже, помогли им расправиться с остатками повстанцев и вернулись к тайнику счи-

тать убитых и раненых. С нашей стороны ранен был один, сержант Аллэр: щеку оцарапал и ногу подвернул в темноте. Убитых было двенадцать боевиков повстанцев. Неплохо.

Как выяснилось позднее, скрытность наша позволила подобраться к противнику очень близко. Они не ждали нападения и не заметили первых потерь. Только Кривнику не повезло, столкнулся с боевиком нос к носу, и тот успел открыть огонь, первой же очередью срезав нырнувшему под прикрытие могильной плиты парню каблук на новом ботинке.

Как только рассвело осмотрели тайник, под который повстанцы использовали несколько расположенных рядом могил, углубив и расширив их еще на метр вниз и в стороны.

Трупы повстанцев оттащили подальше, и тоже свалили все в одну общую могилку, прикрыв ее сверху песчаником.

Пока Матин разводил костер и кашеварил, Энжью занялся ревизией схрона, Кривник – починкой своего обмундирования, а я прикорнула, забравшись с головой в свой уютный спальник. Остальные же, видимо, пошли по грибы да ягоды, что после покидали в похлебку щедрой рукой. Ягоды были крупные и кислые, а грибочки сморщенные и коричневые. Какие-то неприглядные и не аппетитные, прямо скажем. Да еще и с кладбища.

Я тайком от остальных, чтоб не обижать ребят, тихонько выплюнула кусочек гриба на браслет наручного анализатора: вдруг ядовитый и мне не подходит. Но тот как-то неуверенно мигнул один раз, а потом засветился бодреньким зеленым

светом, давая добро. Ох, как бы не аукнулись нам потом эти грибочки галлюциногенные.

Ну я ночью отыгралась на ребятах за эти грибочки, когда притащила им на спине светящийся труп крианца, подсвечивая себе путь лазерными прицелами контактных линз. Они потом долго не решались вернуться на стоянку, бегая от меня по кустам и матерясь. Будут теперь знать, как всякие грибочки на кладбище жрать.

К следующей цели мы вышли спустя трое суток.

Заброшенная деревушка на границе чахлого леса встретила нас пустыми окнами просевших домов, покосившимся подгнивающим плетнем, заросшими бурьяном огородами и погостом, наполовину затопленным расползающимся зловонным болотом. Подобное запустение вызвало у меня стойкое уныние и тоску, которые вскоре передались и другим. Тащится в таком состоянии через болото, да еще и на ночь глядя, не захотел никто, поэтому решили заночевать в одном из заброшенных домиков, выбрав тот, что покрепче, да с крышей над головой.

Печурка весело потрескивала огнем, а я, обнимая ладонями жестяную кружку с горячим чаем, замороженно смотрела на пламя, примостив свой зад на невысокую деревянную чурку. И было мне в этот момент так уютно и тепло, что я ни за что не променяла бы этот миг даже на мягкую постель.

Рядом расположился молодой князь. Огромным тесаком

он обтачивал палку, срезая с нее лишние ветви. Готовился к завтрашнему переходу через болото. Две такие же жерди стояли рядом, ожидая своей очереди, прислонившись к печи рогатистыми верхушками.

Энжью пристроился на лавке в углу, и, кое-как смахнув с кособокого стола мусор, копался в навигаторе, то и дело задумчиво поглядывая на нас с князем и зависая на несколько минут, зацепившись взглядом за танцующее в печи жаркое пламя. Остальные ребята расползлись по комнате, попивая несладкий чай и тихо переговариваясь между собой, а то и похрапывая безмятежно.

Прикрыла отяжелевшие веки и я, уплывая грезами в даль... И виделось мне будто обнимают меня нежно сильные мужские руки, и тепло от них расходится по всему телу, заполняя самые сокровенные места, от чего я таяла и растекалась, постанывая от удовольствия. И хотелось потереться щекой, как кошка, о твердое надежное мужское плечо, и мурчать сладостно, выпуская коготки и царапая мягкую плоть...

Но плечо надежное моей ласки сокровенной не оценило, дернулось, сбрасывая с себя мою разомлевшую тушку, но тут же чьи-то заботливые руки подхватили мое тельце, не давая торкнуться носом в пол, и я вскинулась. Осоловело похлопала глазками, что-то буркнула извинительное молодому князю, потирающему свое исцарапанное мною предплечье, и, сдвинув на край лавки Его Светлость, разлеглась на ней, вытянув

ноги. Может, голову ему на колени еще положить для лучшего комфорта? Я наглая, я могу...

Глава 8

Колин Энжью, деревня Свяжичи, граница восточного фронта.

Болото расплзлось на многие километры вокруг. Обходить его – значило увеличить путь еще на пару-тройку дней, что было весьма и весьма нежелательно. Придется искать брод вслепую: проводника в этих землях теперь днем с огнем не сыщешь.

И черт меня дернул ввязаться в эту авантюру?! Сидел бы сейчас в штабе, кофейком бы баловался, да указы раздавал, как другие делают. Но нет! Стираю тут пятки в кровавые мозоли, люблюсь девичьим веснушчатым носом, да ревную к молодому Олмену, лишь изредка урывая минуты нежности. Как вчера, например, когда она пристроила свою белокурую головку на мои колени. Так и тянуло погладить шелк золотых волос, еле дождался пока уснет, чтоб воплотить мечту в жизнь.

Ребята особого энтузиазма штурмовать болото не проявляли, но и идея обхода вызвала бурный протест. Значит, пойдем напрямик, по старинке, методом «тыка» определяя путь, ориентируясь на разведданные Олмена.

Весьма сомнительно, чтобы повстанцы устроили свой схрон в непроходимых местах. Контейнеры не пушинка, в кармане не пронесешь. Значит, должна быть найденная

тропа через болото. Главное ее нащупать.

Для чего повстанцам понадобилось делать схроны вдоль нашей линии обороны, догадаться было не трудно: они планировали масштабное наступление по всему восточному фронту. Места здесь глухие, до столицы далеко, есть где разгуляться и оттяпать себе приличные кусочки территории. А уж с таким-то вооружением, что было в контейнерах, они просто накроют наши войска массовым залпом, не приближаясь и на километр.

Подозреваю, что подобных схронов у них гораздо больше, нежели мы обнаружили. По возвращении нужно будет отдать приказ обследовать местность вдоль всей линии фронта, может еще что подозрительное найдем.

Мда... вот вам и сказочки про зелененькие огоньки...

Пробираться по болоту приходилось осторожно и медленно. Отряд растянулся цепью, стараясь ступать след в след впереди идущего, постоянно ошупывая дно слегами. Опытные ребята перекинули вещмешки и оружие на загривок, крепче перешнуровали ботинки, опасаясь навсегда оставить их в трясине. Только наша легкая девочка козочкой скакала с кочки на кочку, не опасаясь за свое обмундирование.

Но тут удача ее подвела. С громким бульком очередная «надежная» коряга выскользнула у нее из-под ноги, девушка ойкнула и, раскинув руки, плюхнулась в воду. Черная болотная жижа тут же сомкнулась над ее головой, скрывая под водой светлую макушку.

– Допрыгалась, козочка, – высказал я вслух всеобщее мнение и, запустив по локоть руку во взбаламученный кисель ила, мха и ряски, за шиворот выдернул нашу русалку из воды. Встряхнул как следует и поставил на более-менее сухой бугорок перед собой. Оглядел со всех сторон на наличие повреждений и не смог удержать улыбки.

– Да нет, госпожа Климова, вы – не русалка, вы – кики-мора болотная.

Ох как недобро сощурились ее глаза! Соскребла свисающие с макушки белесые волокна какого-то гниющего растения и швырнула в меня оскорбленно. Промахнулась, конечно, кто бы сомневался, но хотя бы пар выпустила и дальше уже шла спокойно, без выкрутасов.

В таком темпе мы продвигались примерно с час, как вдруг головной поднял вверх ладонь, подавая сигнал остановиться. Мы замерли, напряженно вслушиваясь в тишину, но ничего, кроме привычных болотных звуков, не услышали. И тут со стороны будто бы дымком потянуло. Справа раздалось шуршание сушняка и тихий всплеск. Это могла быть и живность, но мы все равно натянули на головы маскировочные капюшоны, активируя режим «стелс».

Знаками велел замыкающему разведать обстановку, и осторожно стал обходить подозрительное место слева, склоняясь как можно ниже к воде. Остальные спешно укрылись в зарослях камыша и за корягами, ожидая команды.

Долго ждать не пришлось, тишину разрезал сухой треск

автоматной очереди, глухой вскрик, плеск воды и встревоженные голоса. Вот и хозяева схрона обнаружились.

«Берем в кольцо», – условным знаком отдал я соответствующий приказ.

Ребята рассредоточились, расползлись по сторонам, замыкая круг. Они свою задачу знают, обстрелянные уже. Олмену тоже дело нашлось: найти хороший обзор повыше, закрепиться и вести отстрел противника, не ввязываясь в ближний бой.

Пигалицу нашу белокурую вообще собирался за собой потащить, чтоб и под ногами у ребят не путалась, и под прищмотром была, но она, сломя голову, ломанулась на выстрелы напрямик.

– Да, твою ж... Вот зараза! Не убьют – сам придушу! Но сначала выдеру... Свалилось же счастье на мою голову, теперь покоя нет ни днем ни ночью... – ругался я вполголоса, осторожно продвигаясь вперед, попутно отслеживая по трофейному навигатору перемещение своих бойцов.

За правым плечом раздался одиночный выстрел. Негромкий вскрик и всплеск воды подтвердили, что пуля свою цель нашла. Олмен работает. Отлично.

Выбравшись из воды на небольшой островок с одиноким чахлым деревцом в центре, огляделся. В метрах двухстах по прямой находился довольно обширный сухой участок земли, на котором повстанцы и оборудовали свой тайник.

Подкрутив оптику, разглядел установленные друг на дру-

га штук двадцать-двадцать пять уже знакомых мне контейнеров, укрытых маскировочной сетью и ветками. Около них притаилась парочка боевиков с автоматами. А остальные где? Левее располагался еще один островок, и еще один боец, спешно заливавший дымящийся костерок. Итого насчитал троих, четвертого снял Олмен. Маловато для вывоза такого количества груза. Или это только охрана, а остальные подтянутся потом?

И тут я вспомнил о навигаторе, как пару дней назад Нина учила нас пользоваться им и, в частности, увеличивать радиус действия радара. Подкрутил колесико: на экране тут же стали вспыхивать красные точки одна за одной, так быстро, что я едва успевал отследить их положение. Ого! Девятнадцать целей. Много.

Просигналил своим по цепочке, указав направление движения и устремился вперед, туда, где настойчиво мигал зеленым маркер раненого бойца, и куда так целенаправленно пробиралась наша неугомонная пигалица.

Я понимал, что не успею догнать и прикрыть ее отход, и ей придется вступить в бой с двумя... тремя... ах ты, черт! уже с четырьмя боевиками одной. Четверо на одну маленькую хрупкую девчушку, не многовато ли? И куда ее понесло?! Спасительница, мать твою! Саму бы кто спас!

Не заботясь о скрытности, я рванул туда. Главное успеть отвлечь их на себя.

Сквозь кусты я увидел мелькнувший камуфляж повстан-

да и снял его короткой очередью. Тут же сменил местоположение, уходя влево. В ответ раздались беспорядочные выстрелы, взрывая фонтанчики земли и грязи на моей прежней позиции. Постоянно перемещаясь и отстреливаясь, я постепенно приближался к сухостою, где засела Нина. Я уже видел, как она, подхватив раненого под мышки, пытается стащить его в воду под прикрытие кустов. Но зачем она, черт ее дери, отключила свой камуфляж?!

Додумать и развить эту мысль мне не дали: в траве мелькнули макушки повстанцев, и я пальнул туда. Девушка обернулась, выискивая стреляющего, не увидела под маскировкой и сверилась с навигатором. Кивнула, повернулась ко мне, махнула рукой, показывая свое направление движения и высунулась из укрытия, чтобы оценить обстановку.

Тут же, как черти из табакерки, метрах в двух от нее выскочили те двое в чьи макушки я так и не попал.

Вскинул автомат, целясь, но на курок нажать не успел: с разницей в доли секунды оба рухнули в воду. Это постарались ее «сюрикэны». Правому загнала звездочку в лоб, пробив череп, а левому перебила гортань, поэтому он еще пару секунд похрипел, прежде чем затих навсегда.

В несколько прыжков я преодолел разделяющие нас метры и, схватив ее за предплечье, развернул к себе.

– Почему действуете без приказа?! Почему без камуфляжа?! – прорычал я, хмурясь и делая страшные глаза.

Мои подчиненные всегда бледнели и ежились при виде

моей угрожающей физиономии, поэтому всегда старались четко выполнять все мои распоряжения, лишь бы лишний раз не видеть этой жуткой рожи. Но эта бестия не утрашилась, улыбнулась в ответ тепло, с нежностью, протянула руку, легкими прикосновениями стрела с моей щеки грязь, больше лаская, нежели вытирая, и все мои ругательства застряли в глотке.

Ну как, скажите на милость, можно на нее ругаться, когда она ТАК на тебя смотрит?! Но все равно отшлепаю... когда-нибудь.

– Его энергоблок разнесли вдребезги, – показала она на раненого Девона. – Пришлось вставить свой. Не могу же я оставить его без защиты? Без него он долго не протянет.

В этом она была права: парню весь бок изрешетило, даже бронежилет не спас. При таком ранении вообще долго не живет. Только благодаря трофейной экипировке с огромным количеством встроенных технических средств и устройств он еще дышит.

– Запасной где?

– В рюкзаке.

– А рюкзак?

Она махнула рукой куда-то в сторону болота, где видимо и утопло так необходимое сейчас устройство.

– Зацепилась им за корягу. Едва на дно не утащил. Да ничего, – беспечно отмахнулась она, – я место запомнила, потом достану.

– Так, держите пока мой, – я выдернул из кармашка разгрузки свой запасной энергоблок и сунул ей в руку, – и уходите на юго-восток. Там чисто. Здесь я сам дальше разберусь.

К счастью, спорить она не стала, кивнула в знак понимания и, вопреки моим словам, бросилась в противоположную сторону.

– Куда?!

Черти задери эту девку! Куда ее на этот раз понесло?

– Сюрикэны свои заберу. Я мигом!

Убедившись, что она действительно собралась куда надо, я помог ей спустить в воду раненого, и понаблюдав с пару секунд, как они отходят-отплывают, стал обходить островок справа, где, как показывал мне навигатор, ближе всего находился противник. Огнестрельное решил не использовать, чтоб не привлекать преждевременно к себе внимания, вытащил нож.

Подкрасться со спины было просто. Не зря нас в академии гоняли до седьмого пота. Мы там не только на солдат орать учились.

Зажал рот, чтобы не пискнул, резким движением перерезал трахею. Уткнул лицом в землю, прижал коленом, подержал пока не затихнет. Вытер о его плечо лезвие, огляделся.

К следующему незаметно подкрасться не удалось: он заметил мое смазанное маскировкой движение периферийным зрением, но я успел швырнуть нож до того, как он спустил

курок. Пока возился со вторым, к нам подоспел третий. Увидел возню своего сотоварища с размытым пятном (то есть мною), но не стал стрелять, побоявшись попасть в своего. Однако брошенный мною нож отбил прикладом автомата еще на подлете и сразу пошел в рукопашную. И началась потеха.

Жаль, длилась она не долго. Не до игр сейчас. Это тебе не на тренировочном плацу зеленых юнцов гонять. Вон как Олмен работает, только и слышны его далекие щелчки один за одним. Да еще с противоположной стороны перестрелка завязалась.

Посмотрел на навигатор, убедиться, что все живы-здоровы, да чертыхнулся. Пять повстанцев веером продвигались в юго-восточном направлении, туда, куда я отправил Нину с раненым. Видимо их передвижение привлекло внимание боевиков. Надо их как-то отвлечь на себя.

Ничего, кроме как пострелять, с ходу в голову не пришло. Ну и выпустил пару одиночных. Не шибко-то это и помогло. Бойцы упорно продвигались вперед, как ослы за морковкой. И тут мне пришла в голову еще одна, не иначе как «гениальная» идея. Отрубив режим невидимости, я стал продираться сквозь кусты и сушняк, как лось через бурелом. Треск стоял такой, что вся живность перепугалась. Сработало. Три красных метки из пяти отделились от общего строя и потекли ко мне. Трое – это ничего. Трое – это так, для разминки. Пошумев еще немного для верности, я стал искать местечко для

засады и едва не угодил в бочаг. Пока выбирался и отплеывался, время упустил.

– Брось оружие и руки за голову! – раздался за спиной требовательный голос, и для острастки, чтобы я не вздумал рыпаться, стрельнул очередь в землю, прошив кочку в паре сантиметров от моей ноги.

Ладно, уговорил. Отбросив винтовку в сторону, я поднял руки, стал разворачиваться, прикидывая позицию и ракурс для удара, и тут же получил прикладом в висок.

Сколько я был без сознания, точно сказать не могу. Минут пять, максимум десять. Очнулся уже в другом месте, связанный по рукам и ногам. Мои «похитители» стояли в сторонке и что-то бурно между собой обсуждали вполголоса, бросая на меня частые оценивающие взгляды. О чем они там шептались, я разобрать не мог, голова болела адски да висок разбитый саднил. Но, судя по их ухмыляющимся рожам, они меня признали и бурно радовались успеху. Уже, видимо, медали себе на грудь примеряли. Ну-ну.

Покряхтев и постовав погромче да пожалобнее, всем своим видом показывая, как мне невыносимо плохо, я заерзал, пытаясь принять наиболее удобную позу для внезапного броска. Но как только мне удалось более-менее вытянуть из-под себя затекшие ноги, что-то вжикнуло, перерезая путы на моих щиколотках и воткнулось в землю в сантиметре от моих яи... штанов.

Ох ты ж пакость какая!

Я и дернуться не успел, как второй сюррикэн воткнулся в затылок одному из повстанцев. Секунда замешательства – и я уже на ногах. Разделаться с двумя ошеломленными противниками даже со связанными руками – не проблема. Но эта девчонка все равно уделывает меня по очкам! Поэтому последнего боевика я убил особенно красиво, за что и приписал себе сразу пять очков.

С помощью ее звездочек я избавился от пут на руках и зарычал, заметив ее приближение:

– Ты зачем вернулась?! Я тебя куда отправил?

– Да идите вы туда сами! – огрызнулась она. – Я тут спасаю вашу... э-э-э... честь мундира! А вы все послать меня не знаете куда!

– Ай. Да тьфу ты, чертова баба! Вернемся в штаб, отшлепаю, ей богу!

– Обещаете? – лукаво ухмыльнулась она, окидывая меня призывным взглядом. И я опешил. Она что, серьезно хочет быть отшлепанной? По-моему, она меня нарочно провоцирует. Эх...

Подобраться ближе к контейнерам с грузом нам не удалось. Едва мы выбрались из сухостоя, как раздался взрыв, и вся пирамидка из ящичков разлетелась в разные стороны, едва не похоронив наш отряд под обломками. Повстанцы взорвали свой схрон. Случайно ли так получилось или у них был на то приказ, спросить уже было не у кого.

– Пострадавшие есть? – спросил я, когда подтянулись остальные.

Выяснилось, что кроме тяжелораненого Девона, серьезных повреждений никто не получил. И это радовало. Нам еще предстояло выбраться из этих гиблых мест, и по возможности постараться проверить оставшиеся тайники.

Жаль, что этот груз нам не удалось захватить. С таким количеством новейшего оружия, техники и амуниции можно было бы оснастить роты две-три, а то и больше. Но я все равно приказал установить маячок на объект и организовать вывоз оставшегося груза. Возможно, что-то из оборудования еще можно починить и использовать.

На болотах в результате мы проторчали еще сутки. Ужасно не хотелось терять драгоценное время, но нужно было дожидаться прибытия отряда эвакуации, а для этого решили вернуться в деревню, где провели прошлую ночь. Раненого сплавляли на надувном спальнике. Постоянная подпитка лекарствами стабилизировала его состояние, но он все еще находился без сознания.

Полагаю, до руководства повстанцев уже дошел слух о наших налетах на их схроны. Потому оставшиеся они будут маскировать и охранять особенно тщательно. Боюсь, дальше нас будут ждать «веселенькие» сюрпризы. Надо быть осторожнее.

Глава 9

Колин Энжью, деревня Свяжичи, восточный фронт, седьмые сутки в пути.

Ночь, вопреки моим опасениям, прошла спокойно. Утро выдалось ясное, что в такое время года большая редкость. Щурясь на солнце, я спустился с крыльца. Прошелся по заросшему палисаднику, сбивая с высокой травы капли росы, махнул рукой Олмену, который заступил на вахту на рассвете, и отправил его отдыхать. Сам же разделся до пояса, голыми плечами ощущая последние крохи тепла осеннего солнца, умылся колодезной ледяной водой и принялся за разминку.

Да видимо, не мне одному приглянулось ясное осеннее утро – из дверей высунулась светлая девичья головка и, соблазнительно потягиваясь, щуря от яркого света глаза и морща курносый носик, поплелась к колодцу. Бросила на меня мимоходом любопытный взгляд и отвернулась, озаботившись утренним туалетом. Щедро побрызгала холодной водой в лицо, намочила волосы, встряхнула ими, рассыпая вокруг себя серебряные капли, заскользила влажными ладонями по телу, омывая открытую шею и руки. Вода стекала по ним, срываясь с кончиков пальцев и проторяя дорожку в ложбинку между грудей, и я вдруг осознал, что под этой открытой и откровенной маечкой на ней ничего нет. Бога-

тое воображение тут же красочно нарисовало, как ее мокрая майка липнет к коже, четко обрисовывая плавные линии груди, как просвечивают сквозь тонкую ткань ареолы ее твердых сосков, натягивая трикотаж, как плавно и возбуждающе скользят по груди ее руки, как призывно светятся глаза, приглашая меня присоединиться...

Р-Р-Р-Р-Р! Я сердито тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли, и отвернулся, с особым усердием отработывая удар и блок с уходом влево. Однако краем глаза заметил, как, плеснув в лицо последнюю пригоршню воды, девушка отжала влажные волосы и скрылась за углом дома. Уф, вот и отлично!

Однако радость моя была недолгой, спустя минут десять я вдруг заметил ее у себя за спиной, точь-в-точь повторяющей все мои комбинации уходов, блоков и контратак. Я даже сбился, не доведя серию ударов до конца, и бросил на нахалку возмущенный взгляд. Ну что за клоунада, честное слово! Что ей теперь от меня надо?!

– Вы не отвлекайтесь, господин герцог. Продолжайте, продолжайте! – жестом поторопила меня эта бессовестная особа, и наклонилась вперед, низко-низко.

Главное не смотреть на грудь... Не смотреть, я сказал!

– Госпожа Климова, а вы не могли бы найти себе для разминки другое место?

– Отчего же? Мне и здесь нравится. Солнышко светит, травка уже примята. Хорошо. Опять же, такой мужчина ко-

лоритный тело свое демонстрирует. С чего бы мне вдруг куда-то уходить? Ой, ну что вы опять хмуритесь! Будто я тут на вашу честь девичью покушаюсь! Ну посмотрю я на вашу мужскую красоту, ну выучу пару ваших фирменных приемчиков, разве вам жалко? Может вы еще и в травке меня поворачиваете...

– В травке вас поворачивать?! – я охере... офигеваю от этой девицы!

– Ага! – она призывно улыбнулась и, встав в боевую стойку, поманила меня ладошкой.

Собственно, отчего ж не поворачивать, коли так просят?

Валял я ее долго, знатно и со вкусом. Однако упорная девица сдаваться не собиралась, вскакивала раз за разом и вновь кидалась в атаку. На ее месте, да тот же Олмен, например, давно бы уже спекся, а эта нет. Пот со лба смахнет, головой тряхнет, отбрасывая волосы, и опять в бой. Техника у нее была интересная, я с такой раньше не сталкивался. Много обманных приемов, быстрых ударов, рассчитанных не свалить противника одной мощной атакой, а ошеломить и потом уже добить. Но я быстро научился предугадывать ее обманки, укладывая красавицу на траву вновь и вновь. А потом она, распластанная подо мной, вдруг обвила мой торс ногами, не давая подняться, обхватила руками шею, прижалась всем телом, тяжело дыша и... замерла.

Ее глаза цвета летнего неба были так близко, что я мог рассмотреть расходящиеся от зрачка темно-синие лучики

радужки. Ее прерывистое дыхание обжигало мне губы. Высоко вздымающаяся грудь прижималась ко мне упругими горошинами сосков. Нас разделяла только тонкая ткань ее майки. Эта чертова майка! Розовый язычок скользнул по приоткрытым губам совсем близко... Еще чуть-чуть, и я накрою их своими. Сожму в объятиях, вдавливая в землю всем телом, и уже черта с два она уйдет от меня теперь...

– Трава сегодня мокрая, – раздался с крыльца басок Аллера, и я с досадой понял, что мы уже давно не одни. Оттолкнулся руками от земли, поднимаясь на ноги, помог встать растерянной девушке и, прибрав ладонью растрепавшиеся волосы, резко сдернул с перил свою рубаху. И чего я, собственно, злюсь? Что чуть не поцеловал или что нам помешали?

Нина медленно подошла к колодцу, зачерпнула ведро воды и одним махом вылила его себе на голову (видимо, ее тоже накрыло выбросом гормонов).

Ну вот и сбылась моя мечта полюбоваться высокой девичьей грудью, обтянутой мокрой маечкой.

Эвакуатор за раненым приехал ближе к обеду. Ребята были обеспокоены тем, что Девон до сих пор не пришел в сознание, однако госпожа Климова объяснила им, что специально держит его на снотворном, опасаясь, что, очнувшись, он ненароком может себе навредить, начав метаться или попытавшись встать.

– Как бы раны на боку не разошлись, – высказала она свои опасения. – Он и так много крови потерял.

– Если бы вы, Нина, вовремя не остановили кровотечение, он бы и до утра не дотянул, – влез со своими слащавыми комплиментами подхалим Олмен, глядя на девушку преданными глазами.

Она же в ответ пожала плечами и сказала:

– Я просто испугалась. На автомате все делала. Как нас в разведшколе учили нормативку сдавать на время. Боялась не успеть. Только об этом и думала. Так что никакой я не герой, и не смотрите на меня так.

В мою сторону с самого утра она так больше и не взглянула.

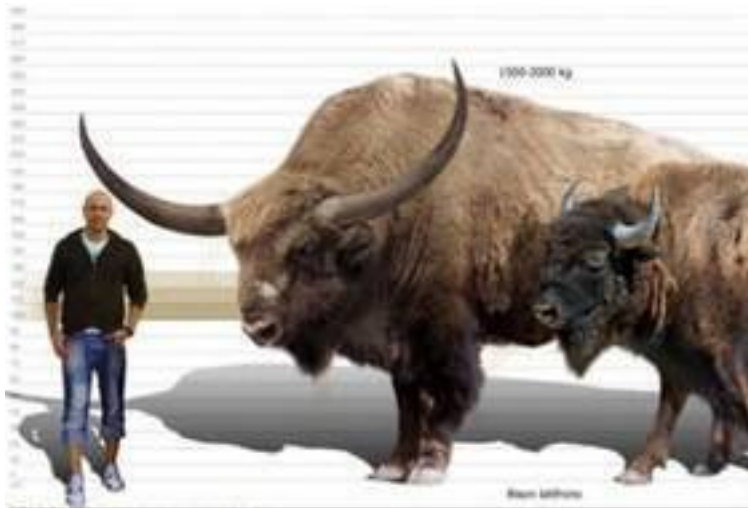
Глава 10

Нина Климова, восточный фронт, седьмые сутки в пути.

Покинули мы столь гостеприимную нам деревню сразу же после полудня. Путь наш лежал на север к растянувшейся вдоль линии фронта невысокой горной гряде.

Судя по снимкам со спутника, места там были весьма живописные. Вообще говоря, вся эта планета была очень мне симпатична. Даже эта деревенька со своими полусгнившими домами и всеобщим запустением. И домик наш маленький. И палисадник с примятой травой. И глаза Его Светлости, и запах его кожи, и сила его тела, и твердость в паху... Так, не о том думаешь, кошка блудливая! Я вообще-то о красоте здешней природы говорила, а не о... Ох, видимо еще долго я буду вспоминать это ясное утро, домик на окраине и примятую травку.

Шли мы вдоль дороги уже часа два, ныкаясь за реденькой лесополосой, как вдруг из оврага на противоположной стороне показались огромные рога, а затем огромная бычья голова, а затем вылез и весь бычина, такой же огромный, как и все остальное: в полтора человеческих роста в холке, и, видимо, такой же древний как мамонт, потому что был весь покрыт свалявшейся шерстью с проплешинами на боках.

То ли зубр, то ли бизон, то ли вообще овцебык с рогами буйвола, не знаю даже, как и назвать. Короче, был он огромный, волосатый и рогатый до жути, и вонял соответственно. А за ним следом выползла телега с гордо восседающим на ней мужичком. Дедок был под стать своему животному: такой же плешивый и облезлый, если только не рогат (хотя кто его знает...). Заросший весь так, что лица не разглядеть, бородища лопатой, нечёсаная, душегрейка драненькая, шапка на голове замызганная, оторочка меховая поистерлась на затылке и клочками торчит. Сапоги стоптанные – каши просят, так он их еще и проволокой кое-как обмотал, чтоб подметка совсем уж не отвалилась. Нищета страшная, я таких у

нас в мирах Конфедерации даже в трущобах не видала. Как он зиму переживет в таких обносках – не представляю!

Шли мы с ним параллельным курсом примерно минут десять, он по дороге ехал, скрепя своей раздолбанной телегой, мы по лесочку трусили. Хорошо ветер был не в нашу сторону, а то я б задохнулась с непривычки. И тут, видимо, нашему начальству гениальная идея в голову пришла. Подозвал он к себе Кривника и стал о чем-то с ним перешептываться. Тот, вроде как соглашаясь с начальством, кивнул ему пару раз и, скинув свой вещмешок, стал быстро переодеваться в свой ватник и штаны, натягивая их прямо поверх комбинезона. Минута – и вот он уже в гражданской одежде ломанулся сквозь лесок наперерез медленно ползущей телеге.

Завидев несущегося к нему со всех ног здорового мужика, местный крестьянин с перепугу сиганул с телеги и рванул в противоположную сторону, но его быстро нагнали, остановили, болевым захватом руки за спину уговорили вернуться и не бросать свое имущество.

Кривник заговорил с ним о чем-то, с такого расстояния не разобрать было, видимо успокоил, ибо тот рыпаться перестал и отвечать даже что-то начал. Головой замотал, шапку сдернул – на груди мнет. Вскоре и вовсе раскрепостился, стал руками размахивать, что-то горячо втолковывая Кривнику. Тот его послушал-послушал, видимо, принял какое-то решение и махнул нам рукой: мол, идите все сюда.

– Пошли, – отдал короткий приказ Его Светлость и, от-

ключив режим невидимости, первым вышел на дорогу.

Увидев такую толпу странно одетых людей, мужик опять струхнул не на шутку, но убегать уже не решился, прижался только спиной к своей скотине, руками нащупывая обвисшие вожжи.

– Залезай, ребята, – махнул нам Кривник и первым запрыгнул в телегу, подавая пример остальным. – Чего ноги топтать, когда ехать можно.

– И то верно, – на разные лады согласились остальные и, побросав на присыпанное сеном дно телеги свои рюкзаки, забрались следом.

– Давайте, Нина, я помогу вам, – Олмен галантно подсадил меня, помогая перебраться через высокий борт, и взобрался сам, устраиваясь рядом со мной на задке телеги, подалее от вонючей скотины и его хозяина.

Подложив под спины и головы свои мешки, ребята полусидя-полулежа расслабленно развалились на сене, блаженно прикрыв глаза. Его же Светлость взобрался на телегу последним, устроившись спереди, рядом с возницей, и завел с ним беседу в полголоса, выясняя как дела в округе, не видать ли тут где поблизости повстанцев, и как вообще оно житие-бытие у народа.

Я поначалу прислушивалась, но «переговорник» улавливал их тихие слова через раз, переводя порой сухую абракадабру, и я бросила это дело, переключившись на сидящего рядом молодого князя, который, шурясь, покусывал кончик

вытащенной из сена соломинки, да покачивал ногой, свесив ее с края борта.

– По моим подсчетам, нам еще два дня пути, – завела я «светскую» беседу с князем.

– Да, примерно сутки будем добираться до холмов, и еще столько же придется карабкаться вверх-вниз. Местность там живописная. Холмы все зеленью покрыты, лесочек небольшой, да кустарник по весне цветет. Красиво. Только людей нет почти. Земля каменистая, неурожайная, вот никто и не селится в предгорьях.

– Вы там уже были? Так красочно все описываете, – улыбнулась я.

– Нет, – усмехнулся он в ответ. – Снимки со спутника видел. Я их даже скачал себе на планшет. Хотите посмотреть?

Снимки-то я и сама видела, но зачем же парню отказывать. Давай поглядим, может что интересное увидим, что я пропустила. И склонив друг к другу головы, мы уткнулись в планшет. О чем там за спиной беседовал Его Светлость с мужичком, мне уже было не интересно.

– Эх, вот были бы у вас самолеты...

– Самолеты? Что это?

– Это такие летательные аппараты. Они и людей, и грузы перевозить могут. И главное – быстро. А у вас тут еще не изобрели ничего подобного?

– Ну... Есть кое-какие наработки. Даже запустили в небо аэростат один пару лет назад. Но он маленький был. Вот та-

кой примерно, – и он руками показал его размер: с большой такой арбуз. – Но практического применения им не нашли, и проект вроде как закрыли. Ха! Да на нем и мышонка-то не поднять было, не то, что людей и грузы!

– Ну почему же, вот, например, мини-камеру можно было бы прикрепить и запустить в воздух.

– Зачем? Чего там в воздухе снимать-то? Облака что ли?

– Как это? Можно с высоты птичьего полета снимать ландшафт. Красиво. Вот как со спутника снимки, только это дешевле будет. Или погоду определять, где дожди или грозы пройдут. Бурю предсказать. Или воздушная разведка. Например, вражеские позиции рассмотреть. Или проследить за кем. А если еще и микрофон прицепить, то и подслушать можно, что говорят. Вообще эти штуки в шпионаже незаметны. Их же можно и совсем крошечными сделать, как муха. Или, наоборот, огромные дирижабли, чтобы грузы перевозить с людьми. Быстро и удобно получается. Можно еще и бомбы сбрасывать сверху врагу на головы. Весьма эффективная штука. Разрушительная.

– Ё-маё! А у вас такие есть?

– У нас уже дроны давно летают...

– Чего?

– Ну это такие маленькие летательные аппараты. Беспилотники. А есть и большие. Такие людей перевозить могут. Час-два и ты уже на другом конце света! Вот будь у вас вертолет, не пришлось бы нам тут неделю грязь пешком месить.

Загрузились бы в штабе и в паре километров от цели высадились бы. А может, и вообще без высадки бы обошлись, с воздуха все разведали бы. За день пару схронов осмотреть успели бы. Или раненого нашего эвакуировали бы за пару часов, а не сутки машину ждали.

– Послушайте, а у вас есть чертежи этого вертолета? Может, мы сами его построим? Как он хоть выглядит-то? – и столько мольбы было в его щенячьих глазах, и заёрзал на месте нетерпеливо, и за руки меня схватил, сжимая пальцы в ладонях.

Сжалилась я над парнем, достала свой планшет, закопалась в архив. Где-то там у меня были фотографии вертолетов и чертежи парочки дронов, покажу ему. Может, он великий инженер, сообразит, как это работает и сконструирует что-либо похожее. Вот будет сюрприз конфедератам!

И так мы увлеклись с князем этим занятием, что еще часа полтора примерно бурно обсуждали, нафига вертолету две пары лопастей и винт на хвосте. А потом, отдав Рибьеру свой планшет на растерзание (пусть дальше сам со своими вертолетами разбирается), незаметно как-то уснула под тихий скрип колес и щебетание птиц.

Разбудил меня грозный рык Его Светлости. Я вскинулась, сбрасывая со своего плеча тяжелую голову прикорнувшего на нем молодого князя, и огляделась, ища глазами опасность. Олмен тоже подскочил, ошалело похлопал ресницами, наткнулся на сердитый вид своего главнокомандующего

и поспешно соскочил на землю, оправляясь и вытягиваясь в струнку. Герцог смерил его неприязненным взглядом с головы до ног и прорычал что-то злое, от чего у меня по всему телу мурашки повыскакивали. Олмен же покраснел, потупился, бросил на меня косою извиняющийся взгляд и рванул прочь, в сгущающиеся сумерки.

Куда это он его послал? А что сказал-то? Ах черт, «переговорник» отрубился!

Почесала за ухом, включая свой переводчик, и побежала за герцогом, что решительным шагом направился в сторону леса вслед за князем.

– Куда вы его отправили? Что вы ему сказали? – возмущенно воскликнула я в удаляющуюся напряженную спину. Но он даже не оглянулся. – Эй!

Ускорившись, я ухватила его за рукав, вынуждая остановиться, и встала перед ним, требовательно глядя в глаза. Голову пришлось задрать очень высоко. Черт, и почему я такая маленькая?! Ну кто будет воспринимать всерьез такую малявку?! Сейчас стряхнёт мою руку, сдвинет походя в сторону и дальше пойдет, не обращая на мои воробьиные подскоки никакого внимания.

Но он стоял не шелохнувшись, только челюсть сжал так, что желваки ходуном заходили, да глядел поверх моей головы, зло сощутив глаза.

– Да что случилось-то? Что мы с князем такого натворили? Объясните же! – требовательно топнула я ногой, и он,

наконец, перевел на меня свои почерневшие от гнева глаза. Смотрел долго, пристально, изучая каждую черточку, будто вырезая в памяти мой портрет. И взгляд его постепенно смягчался, тускнел, наполняясь грустью. Я и шелохнуться боялась под этим взглядом. Стояла как завороченная, пусть бы он смотрел на меня так вечно: я совсем не против.

– Скажите, Нина, – нарушил он, наконец, затянувшееся молчание, – вам нравится Олмен?

Что? Какой странный вопрос...

– Ну... прикольный парнишка, – сморгнула я, и опустив голову, потеряла затекшую шею.

– Прикольный парнишка? – переспросил он, и мне вновь послышались в его голосе рычащие нотки.

– Ну да. А что такое?

– Этому «парнишке» скоро тридцать стукнет. Это взрослый половозрелый мужчина.

– И что? – я вообще не «догоняла», к чему он клонит и при чем тут половозрелость князя.

– И то, что он не может быть просто «прикольным парнишкой». Он либо вам нравится, либо нет. И если он для вас просто «прикольный», то зачем вы его поощряете? Зачем строите ему глазки и заигрываете с ним? Зачем даете ему надежду?

Ах, вот оно что! Герцог, видимо, всю дорогу наблюдал за нашей с Олменом эмоциональной беседой и сделал соответствующие выводы. Он вообще склонен к поспешным выво-

дам, я заметила. Да еще этот наш совместный сон в обнимку. Герцог, по-видимому, решил, что мы с князем... Так он что, ревнует?!

– А если нравится, то что? – решила я подлить масла в огонь и с вызовом посмотрела в его черные глаза.

– В таком случае должен вас предупредить: пока Олмен носит погоны, дальше интрижки ваша связь не пойдет.

– Это еще почему? Вам-то откуда знать, как далеко пойдет наша связь? Может я еще и замуж за него выйду! Что нам может помешать?

– Я не знаю ваших законов в Конфедерации, но у нас на Зоране высшим военным чинам жениться запрещено. По крайней мере до тех пор, пока они находятся на службе у императора.

– Чего?! Что за варварские законы! – возмутилась я, скривившись.

– Может быть, – пожал он плечами. – Но учтите одно: князь еще молодой, и его карьера военачальника только начинается. Успешная карьера, к слову сказать. Вот и подумайте, готовы ли вы разрушить блестящее будущее всего лишь «прикольного парнишки» или удовольствуетесь ролью любовницы на неопределенное время.

Я растерялась, не зная, что и сказать. Не думала я, что у них тут все так серьезно. Энжью же, видя мое замешательство, обошел меня стороной и пошел дальше в глубь леса, туда, где ребята обустроивали лагерь для ночлега.

Так он что, считает, что я лягу под каждого, кто проявит ко мне хоть малейший интерес? Да за кого он меня принимает?! Да у меня и в мыслях не было строить Олмену глазки! Ну пофлиртовала немножко, было дело, натура бабская такая, чтоб Энжью поревновал, но... Ах ты черт! Герцог, конечно же, был прав, но как же неприятно это осознавать.

Да я этих князьев за пять верст обходить теперь буду!

Предаваясь этим грустным мыслям, я еще с полчаса побродила по округе, пиная шишки, а потом от костерка вкусно потянуло печеной картошечкой, и я поспешила на запах. А то как бы без меня все не сожрали, оглоеды двухметровые.

Картошку мужики нашли у нашего невольного попутчика в телеге. Нарыл, говорит, в поле общественном, да на огородах заброшенных пошарился. У него там еще и репка была припрятана, но ребята совсем уж грабить его не стали. Вообще мужичок, если честно, в накладе не остался, расплатились с ним хорошо. Почитай весь комплект одежды ему отдали. За одни только сапоги он чуть ли не ноги бросился всем целовать. Мог бы и побольше картошечки отсыпать, между прочим.

Выковыряв из углей пару крупных картофелин, я уселась на поваленном дереве чуть в стороне от остальных и предавалась тяжким раздумьям, сдабривая их поздним ужином. И что-то все грустно так выходило. Вот понравился мне мужик, серьезно понравился, так, что о будущем задумалась. Планы строить начала, прикидывать. А тут облом: на боль-

шее, кроме как стать подстилкой, и не рассчитывай. Ни семьи с ним мне не видать, ни детей... с его глазами. На этой мысли я совсем уж сникла, даже носом хлюпнула пару раз. Ну за что мне все это?! Ну чем я так Бога прогневала, что в бабском счастье мне отказал?!

– Можно? – Энжью подошел очень тихо, застав меня врасплох с сопливым носом и покрасневшими глазами. Но я все же кивнула, позволяя ему присесть рядом. – Нина, я должен перед вами извиниться за свою грубость. Простите, что так вас расстроил. Но... я обязан был предупредить вас. Вы не знакомы с нашими законами и традициями, в отличие от князя, и по незнанию могли попасть в неприятное положение. Мне бы этого не хотелось.

– Не хотелось бы, чтобы я стала любовницей князя или чтобы попала в неприятное положение? – не сдержала я злого ехидного вопроса.

– Это одно и то же.

«Ну да,» – кивнула я головой, соглашаясь, – «Быть всего лишь любовницей – весьма неприятно уже само по себе.»

– А как же граф Парро? – вдруг вспомнила я. – У него же семья и пятеро дочерей!

– Он всего лишь граф. К тому же снабженец. Его военный чин низшего класса. Ему можно заводить семью. Он не столь ценный кадр для императора.

– Ну, насчет ценности я бы еще поспорила, но... Мда, как у вас тут все запутано...

– Возможно со стороны это кажется сложным для понимания, но таков императорский указ. Мы живем по этим законам уже не одну сотню лет. Императору нужны люди, что всецело могут посвятить себя службе на благо родины. Чтобы ничто не отвлекало офицера от его обязанностей. Чтобы у офицеров не было слабых мест, которыми мог бы воспользоваться враг. Императору нужны люди, что головой и телом преданы только ему.

– То есть любовница офицера от службы не отвлекает? И детей, что она ему родит, он любить не будет? Да что за извращенная логика! А на мой взгляд, человек у которого есть семья, будет лучше защищать свою родину и свой дом. Потому что ему есть, что терять. И жена любимая и дети – это не слабость, это его сила! Это те люди, которые будут любить его всегда, вопреки всему, и ждать его всегда, как бы долго его не было. И поддерживать во всем, и помогать, когда возникнут проблемы, и утешать, когда ему плохо, – высказав все это, я замолчала: а ну как опровергать начнет, или вообще пристрелит как изменника, он же там вроде как родственник этому их императору. Но Энжью молчал. Вертел в руках ветку, подбрасывая ее в ладони, и смотрел в землю, думая о чем-то своем. Долго молчал, а потом вдруг предложил:

– Хотите, я расскажу вам одну историю?

Энергично закивала в ответ головой. Конечно хочу, кто бы сомневался! Вообще люблю сказки на ночь. Да еще в таком исполнении.

– Это история моей семьи. Был у моего отца по молодости друг, с которым они дружили еще со школьной скамьи. Закончили вместе кадетскую школу, а потом их дорожки разошлись. Мой отец поступил в военную академию, а князь женился, поэтому военная служба для него окончилась, не начавшись. Но жил в браке он недолго, жена молодая умерла при родах, оставила его с мальчиком на руках. И как только мой отец узнал об этом несчастье, приехал к князю, навестить, утешить и уговорить его вернуться на военную службу. Но князь был человеком упертым, отказался. Хотел быть рядом с сыном, воспитывать его сам, а не разъезжать по гарнизонам, навещаясь домой пару раз в год в лучшем случае. Но мой отец тоже был упрям и попыток своих не оставлял, поэтому наезжал к князю чуть ли не ежемесячно.

Однажды он приезжает к другу в гости, собираясь в очередной раз уговорить его поступить на службу, и вдруг узнает, что князь себе в помощь нанял для сына гувернантку, молоденькую еще, сразу после гимназии, неопытную совсем, но очень умную, добрую и красивую. Девушка была начитана, образована, весела и жизнелюбива. И нет ничего странного в том, что оба мужчины втайне друг от друга полюбили ее. Но никто не решался связывать свою судьбу с этой девушкой, ведь она всего лишь гувернантка. Это страшный мезальянс. Особенно для моего отца. Он как-никак – младший сын императора. К тому же брак с ней грозил его военной карьере.

И вот спустя год внезапно умирает старый император, и

его старший сын, Кримп Д-Энжью, по праву престолонаследия занимает его место. Однако многие были этим недовольны. Молодой император затеял реформы, которые не всем пришлись по душе. Пошел слух, что Кримп специально отравил своего отца, чтобы занять трон. Началась смута, и император призвал своего младшего брата (моего отца), ко двору. Ему было приказано объехать все гарнизоны с инспекцией и подготовить войска на случай бунта. Но перед своим отъездом отец решился и признался той девушке в своих чувствах, зная, что это их последняя встреча и больше он ее никогда не увидит. И был безумно счастлив узнать, что его чувства взаимны. Девушка прекрасно понимала, что он не может на ней жениться, а он, как благородный человек, не мог запятнать ее репутацию внебрачной связью. На том они и расстались, навсегда. Оба несчастные, но верные закону и своей чести.

Однако, через пару месяцев девушка отыскала военную часть, где в тот момент находился мой отец, и приехала к нему. Папа был страшно удивлен и счастлив, конечно, пока она не сказала ему, зачем приехала. Оказалось, что тот самый князь, старый друг отца, решился и сделал ей предложение. Ей бы радоваться такой удаче – «из грязи в князи», как говорят, но она предпочла бы стать любовницей моего отца, чем выйти за нелюбимого.

К такой жертвенности с ее стороны отец был не готов. В нем боролись и долг перед родиной, и собственная честь, и

законопослушность, и любовь к этой девушке, и желание ею обладать. Тогда он раз за разом задавал себе простой вопрос: сможет ли он жить, если... его карьера военного закончится? Так ли его влечет военная служба, что ради нее он готов пожертвовать счастьем с любимой? На свете есть много других занятий, кроме как играть в войну. Дело он себе найдет – не пропадет. А сможет ли он жить, если нарушит закон, тот самый, что придумали еще его прапрадеды в своих эгоистичных целях? И ответил: сможет, если рядом будет его любимая, которая его понимает и не осуждает за это. Потому что ее мнение для него единственно важно. И опять же, сможет ли он жить, если возьмет эту девушку в любовницы? Как будут воспринимать ее окружающие? Презируя и плюя в лицо? Или ей придется всю жизнь скрываться от людей и их осуждения? А кем будут его дети? Всеми презираемая безотцовщина без роду и племени? Такой участи он хочет для своей любимой?

Отец долго думал как ему поступить, потом вызвал служку и провел обряд венчания. Тайно. Когда император узнал об этом, он сильно бушевал и грозил отцу отречением, но на то он и брат императора, чтобы ему в конце концов все простили. Однако маме запретили появляться при дворе, да она туда, собственно, и не стремилась никогда. Живет себе тихо в нашем имении, о внуках мечтает... – он вдруг осекся и посмотрел на меня. Сжал губы, нахмурился, отбросил в кусты свою изломанную ветку, проследил за ее полетом, встал. –

Знаете, я рассказал вам эту историю, надеясь вас утешить и сказать, что если ваши чувства взаимны и сильны, то все разрешимо. Возможно, у вас с Олменом все получится. Не отчаивайтесь.

Я сидела, опустив голову, и украдкой вытирала мокрые щеки. Ну спасибо, Ваша Светлость, утешили так, что слов нет! Неужели я ему настолько безразлична, что он с легкостью готов отдать меня другому?

Сползла с бревна, запрокинув голову засмотрелась на звезды. Какие же они здесь яркие, близкие! Домой хочу. Там мне не было так больно.

– Спасибо, вам, господин герцог, за вашу историю. И за предупреждение. Я постараюсь впредь держаться от князя как можно дальше. Я не хотела давать ему ложных надежд. Не думала, что мое легкомыслие дало ему повод воспринимать все всерьез. Рушить его карьеру не собираюсь. Он и правда очень хороший и умный парень. Но вы нас неправильно поняли – князь Олмен мне нравится, но как друг или брат. Не более. Присмотритесь к нему, возможно в будущем он немало удивит вас своими уникальными открытиями. Доброй ночи, Ваша Светлость, – кивнула я и, развернувшись, поспешила к своему спальнику. Хотя вряд ли я сегодня усну.

Глава 11

Нина Климова, предгорья Арзанара, граница восточного фронта.

Проводник, один из местных мужичков, уверенно вел нас по видимой только ему одному тропе вверх по склону. Холмистая местность была щедро усыпана валунами, изрезана оврагами да колючим мелким кустарником. Пробираться по этим козым тропам было тяжело. Но, сверившись с навигатором, я успокаивала себя тем, что цель уже близко, а там и желанный отдых, и вкусный обед. Еще километров шесть-семь – и мы на месте.

Я взглянула на уставшие лица мужчин и пожалела, что у меня нет с собой стимуляторов. Мелкий холодный дождь то и дело щекотал кожу и норовил забраться за шиворот. Видимость была отвратной. Было сыро и промозгло, от чего люди хмурились и ежились еще сильнее.

Идущий чуть впереди Энжью споткнулся, выворачивая каблук из земли камушек величиной с кулак. Тот весело покатился вниз, увлекая за собой небольшой камнепад из мелкой гальки. Поднимавшиеся вслед за мной ребята из нашего маленького отряда остановились, пропуская камни мимо себя, устало расползлись по сторонам.

Олмен поднимался правее, его ботинки то и дело оскальзывались на мокрых камнях, и он цеплялся руками за ко-

любие ветки шиповника, тормозя свое скольжение. Мелкие иголки впивались в кожу и под ногти, и он шипел, встряхивал рукой, и пытался натянуть на кисть рукав куртки. Помогало слабо.

Продвигались мы медленно. Вторая неделя в пути, люди устали и мечтали уже поскорее вернуться в штаб, отъесться до отвала и отоспаться в теплой мягкой постельке. Это был наш третий схрон. Самый труднодоступный.

Проводник, не оглядываясь, бодренько семенил впереди, ловко маневрируя среди кустов и камней, продвигаясь вперед чуть боком, помогая себе палкой и расчищая путь от веток. Его невысокая скомканная фигура почти скрылась за белесой завесой мороси и тумана, и идущий за ним следом разведчик остановился, окликнул его. Его окрик подхватило эхо и вернуло назад с сухим шорохом каменной осыпи. Парень ругнулся и затоптался на месте, не зная, то ли догонять проводника, то ли ждать остальную группу.

А потом раздался тихий характерный щелчок. Паренек резко остановился, глянул себе под ноги, побелел и в панике оглянулся на нас.

– ЛОЖИСЬ!!! – раздался в стороне вопль Олмена, и в следующий миг меня снесло рухнувшим сверху телом Его Светлости.

Медвежьи объятия сдавили меня со всех сторон, не давая шелохнуться. Удар о землю выбил из легких весь воздух. Нас закрутило и понесло вниз по склону, швыряя на камни

и кусты.

Грохот близкого взрыва саданул по ушам, оглушая. А за ним еще и еще один. Мины! Чертовы мины взрывались одна за другой, осыпая нас мокрой землей, обломками ветвей и каменным крошевом. Цепная реакция. Принцип домино.

Зацепившись растрепанной косой за куст, я заорала, оставляя на ветках изрядный клоч светлых волос, но крика своего не услышала, заглушенная очередным взрывом.

Нас ощутимо потрянуло, переворачивая в воздухе, и швырнуло спиной вперед на замшелый валун. Я завывала, изгибаясь от тупой боли в ребрах, расставила ноги, уперлась каблучками ботинок в землю, взрывая фонтаны каменной крошки, и наконец-то затормозила наши с герцогом нещадные кувыркания.

Расслабленное и в разы потяжелевшее тело Энжью вдавливало меня в землю непомерной тяжестью. Его голова безвольно дернулась, стоило мне толкнуть посильнее в попытке выбраться из-под него. Я испуганно заерзала и напряглась, переворачивая его на спину. Прислушалась к дыханию, нащупала пульсацию сонной артерии. Жив! Слава Богу, жив! Но контужен и ранен. Надеюсь, не критично. А что с остальными?

За спиной, чуть ниже по склону, раздавались стоны и мат на разные голоса. Отлично, если есть силы так материться, значит, жить будут.

А как там дела у князя Олмена? Он был ближе всех к ис-

точнику взрыва, хоть и в стороне.

О том, что случилось с проводником и тем бедолагой, что наступил на мину, я в тот момент старалась не думать. Их останки я рассмотрю позднее.

– Эй, ребята, вы там как? Все живы? – крикнула я, осторожно карабкаясь вверх по склону и чуть сдвигаясь вправо.

– Да ниче, госпожа Климова, жить будем, – раздался сдавленный сиплый ответ, и я удовлетворенно кивнула.

– Поднимайтесь выше, там Его Светлость без сознания. Оставайтесь с ним. А я пока князя поищу, – отдала я приказание и осторожно перебралась на соседний камушек. Здесь еще могли остаться не взорвавшиеся мины.

Подобрала палку и, осторожно ощупывая ею подозрительные участки, стала медленно пробираться дальше.

Чуть выше заметила валяющийся рваный сапог с торчащим из него окровавленным обрубком ноги. Сердце ушло в пятки от дурного предчувствия. Но потом я вспомнила, что в сапогах у нас в группе был только проводник, и отлегло. Так ему и надо, иуде! Специально вывел нас на это минное поле. Теперь мне стала понятна и его странная походка, и шебаршение палкой по земле, и то, что сбежал от нас в тумане, да только не учел, что мины его нагонят. Эх, все мы сильны задним умом! Нет, чтобы мне раньше насторожиться!

– Князь!.. Олмен!.. Рибьер!.. – орала я, лупя палкой по несчастным кустам, срывая на них свое зло на себя. Дура, как есть дура! Расслабилась тут на «примитивной отсталой»

планетке. Чуть целый отряд не сгубила! Парнишку, головного, жалко. А я даже имени его не помню. А если еще и князь? Дьявол!

Князя я нашла гораздо ниже, нежели предполагала изначально. Возможно, его отбросило взрывом, возможно, сам успел отбежать – не суть, главное, что он был жив, хотя и без сознания. Пока осматривала его на наличие повреждений, парень пришел в себя, застонал, пытаюсь открыть глаза.

– Тише, тише! Не шевелись. Болит где? – я стерла салфеткой комки размокшей грязи с его лица, осмотрела голову. Шишка на затылке, бровь рассечена, кожа на ухе содрана.

– Голова...

– Сейчас, потерпи немного, – всадила ему обезболивающего, обождала пару минут и помогла подняться на ноги.

– Как остальные? Все живы?

– Живы, более-менее. Головной погиб.

– Бредли... – выдохнул он.

Да, точно, Бредли, так его звали. И как я могла забыть?! Идиотка! Чертова идиотка!

Ох-хо-хо, походу истерика подкатывает. Надо бы успокоительного вколоть, пару укольчиков сразу.

К ребятам мы вернулись примерно минут через двадцать. Я все еще опасалась, что в округе могли остаться неразорвавшиеся мины, поэтому, отдышавшись и подсчитав раны и ссадины, решили поступить следующим образом: я иду впер-

ди (как самая бестолковая и бесполезная, и не надо со мной спорить!), проверяю тропу на наличие мин и других ловушек, остальные поднимаются за мной, след в след. Наименее пострадавшие несут Его Светлость. Добираемся до того холма, потом перекур пять минут и опять в том же порядке. Два-три перехода, и мы на месте. А там уже решим, что делать дальше.

До места мы доползли не за два-три перехода, а за пять. И вымотались все соответственно. Пещерку, заваленную камнями и прикрытую ветками, обнаружил глазастый Олмен. Туда мы и ввалились всей толпой после моей тщательной проверки на ловушки и растяжки.

Первым делом занялась господином герцогом, попросив ребят помочь мне его раздеть. Как я и предполагала, больше всего повреждений досталось его рукам, плечам, спине и ногам. На голове обнаружила небольшое рассечение, которое тут же затянула пластырем. Сверившись с диагностом, вколола лошадиную дозу препаратов первой помощи. Будем надеяться, что его контузия пройдет в легкой форме и все обойдется без последствий. Но на всякий случай внимательно осмотрела глаза и уши. Кровоизлияний и разрывов барабанной перепонки не обнаружила. Обработала многочисленные мелкие порезы на его руках и ногах. Смазала мазью все ссадины и синяки. Ощупала ребра и конечности на возможные переломы, по счастью ничего страшного не нашла, и приложив холод к ушибу на голове, велела осторожно за-

вернуть его в термоодеяло и уложить в спальник.

Пока я занималась Энжью, Олмен назначил караульного и отправился в глубь пещеры осматривать найденные контейнеры.

Вернулся он не скоро, притащив запасной комплект одежды для Его Светлости и большую аптечку. Это хорошо, лекарств у нас практически не осталось. Я как раз занималась своими ушибами, зажав в зубах подол майки, чтобы не мешал, и подсвечивая себе фонариком, пыталась смазать огромный кровоподтек на спине. Походу ребро треснуло, отдавая тупой болью при движении.

– Вам помочь? – князь сложил в стороне принесённые вещи и подошел ближе, осматривая мою поврежденную спину. – Давайте я вам смажу. Вам же неудобно самой.

– Нисево. Спявьюсь, – отмахнулась я. Главное не давать надежду и не строить глазки! Надеюсь, он не думает, что я тут его соблазнить хочу синюшными ребрами в кровоподтеках?

– Чего-чего?

– Тьфу ты! – выплюнула я пожеванную майку. – Вот фонарик лучше подержите, а то в этой темноте ни черта не видно.

– Надо повязку наложить тугую. Больно, наверное.

– Да надо бы...

– Тогда держите, – и злополучный фонарик опять перекочевал в мои руки.

Повязку он мне на ребра наложил мастерски, плотно, до-

статочно туго и, главное, не болело нигде. Еще вчера, за такую работу я бы его чмокнула в щечку, например, но сейчас отделалась безличным «спасибо» и, расстелив свой спальник, улеглась рядом с герцогом, чтобы чуть что сразу среагировать на малейшие изменения в его состоянии.

Глава 12

Колин Энжью, предгорья Арзанара, граница восточного фронта.

Тьма никак не хотела рассеиваться, как бы я не старался. Стоило мне только увидеть просвет, как тут же накатывала чудовищная боль и я с облегчением опять нырял в спасительную темноту, прячась там, словно мягкотелая устрица в своей раковине. Это было недостойной слабостью, и я должен был с ней бороться, но почему-то все время отступал, сдавая свои позиции, и уговаривал себя, что это еще не конец, что вот сейчас я сожму волю в кулак, соберу все свои силы – и тьма отступит. И в конце концов она начала отступать, видимо, уже устав ждать от меня ответной реакции и заскучав.

На смену тьме пришли состояние невесомости и сюрреалистичные видения окружающего меня пространства (это уже потом я понял, что подобные видения были вызваны огромным количеством наркотических медикаментов, что вкололи мне от больших щедрот). А в тот момент меня окружали розовые волны всемирного океана, и все вокруг вспучивалось и перетекало друг в друга, постоянно меняя свои очертания. Иногда мне слышались голоса, женский и мужской, нежный перелив спорил о чем-то с грубоватым рыком. Я еще, помню, подумал тогда, что это ангел и демон спорят

между собой, не поделив мою грешную душу. Надеялся, что ангел победит.

Но когда, наконец-то, открыл глаза, то понял, что я в аду. Над головой нависал низкий, темный свод пещеры, ощути-мо воняло гарью от одежды и дымом от костра, а в тени за головой о чем-то тихо переговаривались хриплыми басками черти.

– Ваша Светлость! – вдруг позвал меня один из них, и я малодушно прикрыл глаза (может, отстанут?). – Ваша Свет-лость!

Да что ж он настойчивый такой! Приоткрыл один глаз. О, князь! Что, тоже в ад попал?

– Ваша Светлость, как вы себя чувствуете? – Олмен при-сел рядом на корточки и склонился ко мне, сверля внима-тельным взглядом.

– Паршиво, – просипел я. – Где мы?

– В пещере, Ваша Светлость. Помните, мы на мины напо-ролись?

Какие мины в аду? И тут я вспомнил: тихий щелчок; вопль Олмена; секундное замешательство; Нина за спиной; свой отчаянный прыжок и взрыв...

– Нина! Жива?! Где она? – вскинулся я и невольно за-стонал, спину пронзила острая боль. В голове зашумело, пе-ред глазами закружились черные мухи, сознание поплыло. Ну нет! Только не сейчас! Теперь я не сдамся! Осторожно лег обратно на свой спальник и зажмурился, прогоняя мель-

тешащий рой перед глазами. – Как остальные? Все живы?

– Бредли погиб... И проводник тоже, – сокрушенно качнул головой князь. – Нина полагает, он специально нас на минное поле завел. Говорит, походка у него была характерная, и землю щупал постоянно. Потом вообще сбежать хотел, но не успел.

– Где Нина? – я осторожно повернул голову, памятуя прошлую попытку резво вскочить, и осмотрелся. У костра кашеварил Аллэр, помешивая там что-то тошнотворное палочкой (нет, на самом деле это была овсянка, но меня от нее все равно тошнило). Матин мялся у входа в пещерку, своей могучей спиной перекрывая практически весь проем. – А Кривник где?

– Кривник местность осматривает. Мы тут давеча на отряд повстанцев нарвались. Человек семь было. Видимо, тайник свой пришли проверить. Уложили всех.

– Сколько же мы тут сидим?

– Четвертые сутки, Ваша Светлость.

– Ох ты ж, Ёшкин кот! – изумился я и снова попытался подняться. Князь тут же услужливо кинулся мне помогать и, подсунув под спину вещмешок, помог сесть.

– Вы трое суток без сознания были. Только вчера впервые пошевелились. Мы уж испугались, что сильно вас контузило. Трогать боялись.

– А Нина где? – в очередной раз задал я свой вопрос.

– Как вы себя чувствуете, Ваша Светлость? Не болит чего?

Может попить дать? Или еще какая надобность есть? – засуетился он вокруг меня. Ну сейчас еще одеяло подоткнуть осталось и бульоном из ложечки накормить. Мамаша заботливая. А чего это он, собственно, все суетиться-то? И от вопроса опять уходит. Какого хрена?! Что с Ниной?

– Встать! – скомандовал я хриплым голосом, и, вздрогнувший князь, тут же вытянулся по стройке смирно. – Где госпожа Климова? Что с ней? Ранена? Отвечать!

– Ушла, Ваша Светлость!

– Что? Куда ушла?

– Не могу знать, Ваша Светлость! Велела ждать здесь и ушла.

– Что значит велела ждать? Вы кому подчиняетесь? Или вам напомнить о субординации?

– Никак нет, Ваша Светлость! Виноват!

Какого черта здесь твориться? Куда она ушла? Что за самодетельность?! Нужно быстрее вставать на ноги и разбираться самому, а то полный бардак тут устроили, куда хочу – туда иду, что хочу – то и ворочу.

– Как давно она ушла?

– Два дня назад, Ваша Светлость!

– Когда вернется?

– Сказала через два-три дня, если ничего не случится.

Не случится, как же! Да она просто магнит для неприятностей! Злости на нее не хватает, честное слово!

– Значит так, ждем еще сутки, затем выдвигаемся к по-

следней цели.

– Но как же так?! – всполошился князь, забывая о дисциплине. – Вам же еще нельзя! У вас контузия! Да вы и на ноги еще не встали!

– Встану. У меня в запасе еще сутки. Кстати, – вспомнил я, откидывая одеяло (ты только глянь, даже трусов не оставили!), – одежду мою принеси. И что у нас тут с грузом? Что обнаружили? Маячки поставили? Отряд для отгрузки вызвали?

Ну а что? Выспался за два дня контузии, пора и за работу браться, пока все дело на корню не загубили, бестолочи.

И пока Олмен мне докладывал, я пытался одеться. Самым трудным во всем этом оказалось натянуть штаны на бедра. Пыхтел от усталости, скрипел зубами от злости, морщился от боли, но натянул. Ботинки зашнуровать даже не пытался, сунул голые ноги так. После шнурки завяжу, как голова кружиться перестанет. Вот сейчас встану на ноги, продышусь и завяжу.

Встал с трудом, цепляясь за стену пещеры, князь тут же кинулся ко мне, поддержать, но я отмахнулся от него, пошел к выходу. Шаг, другой, и тьма накрыла меня. Я думал, она насовсем ушла, но она, оказывается, поджидала в засаде удобного момента.

Нина вернулась на закате вторых суток. Мы, естественно, за это время с места так и не сдвинулись, несмотря на мой

категоричный приказ. Ибо кое-кто особо самоуверенный и упертый (не будем некультурно тыкать пальцем) провалялся в отключке едва ли не двенадцать часов, а потом еще столько же приходил в себя.

И вот теперь злой как черт, с напряженной неестественно прямой спиной, опасаясь шевельнуться лишний раз, чтобы не вспугнуть утихшую на время боль, я сидел на ящиках и строчил донесение Его Императорскому Величеству.

Ее маленькая фигурка закрыла от меня свет закатного солнца, и я вскинул голову, всматриваясь в ее усталое и исцарапанное лицо. Растрепанная косичка, грязный комбинезон, хмурые бровки. Где же она пропадала все эти дни, что так вымоталась?

Она сбросила свой рюкзак на землю и подняла голову. Увидела меня, улыбнулась так тепло и радостно, будто светом озарилась. Рванулась ко мне, забыв об усталости, звонким девичьим голосом огласив своды пещерки:

– Ваша Светлость! Вы уже встали? Как вы себя чувствуете?

– Госпожа Климова, – на полпути остановил я ее радостный порыв, – потрудитесь объяснить, где вы все это время были.

Она резко затормозила, будто на стеклянную стену налетела, улыбка тут же потухла, губы поджалась, в глазах промелькнули обида и разочарование. Я даже на миг почувствовал себя сволочью. Но я был зол. Чертовски зол.

– Мне вам объяснительную в письменном виде предоставить? – съязвила она.

– Непременно. Но сначала доложите устно. Итак? Почему вы самовольно покинули местоположение отряда?

– А иначе что? Расстреляете за дезертирство? Или под трибунал за самоволку?

– Госпожа Климова! – начал я свою отповедь, резко поднимаясь. Голова взорвалась острой болью от миллиарда раскаленных игл в черепной коробке, черный мушиный рой ослепил глаза. Карандаш хрустнул в моем кулаке, я едва устоял на ногах, до боли в пальцах вцепившись в установленные штабелем контейнеры. Вот только грохнуться в обморок мне еще не хватало! Как изнеженная девица, ей богу.

Девушка тут же подлетела ко мне, поднырнула под руку и обхватила за талию, придерживая на ватных ногах. Глаза с тревогой заглядывали мне в лицо. Сочувствует, переживает, беспокоится обо мне. Такая маленькая и такая хрупкая, но до чего же упрямая и своенравная! Что же мне с тобой делать? Как удержать тебя, птичку своевольную? Как защитить? Как спрятать?

Я обхватил ее за плечи, прижимая к себе одной рукой, не сколько опираясь, сколько обнимая. Я вдыхал запах горного ветра с ее волос, я смотрел в ее серые, затемненные линзами глаза, видел застрявшую былинку в темных пушистых ресницах, тревожную морщинку на лбу, чуть приоткрытые бледные губы, сухую травинку, запутавшуюся в косой челке,

поблекшее от пыли золото волос.

Что же ты со мной делаешь, девочка? Веревки ведь вьешь. Слабость ты моя...

– Нина, где вы были? – сдался я, перестав строить из себя строгого командира. В интонации отчетливо слышалась вся тревога, что я испытал за последние двое суток переживаний.

– Сядьте, пожалуйста, – она легонько подтолкнула меня к ящикам, вынуждая сесть обратно. – Рано вам еще вставать. С такой контузией месяц отлеживаться нужно, а вы уже вскочили.

Она отошла от меня и, пристроилась рядом, присела боком на краю высокого контейнера, качнула ногой и, опустив устало голову, сказала:

– Я, собственно, потому и ушла. Вы раненый, ребята тоже пострадали. Куда вам в таком состоянии идти? Отлежаться нужно, а времени нет. Моя вина, что так случилось. Недосмотрела. Мне и исправлять. Поэтому я решила проверить последний схрон самостоятельно. А там отряд повстанцев. Человек пятнадцать было. Захватить тайник – ни шанса, пришлось взорвать. Но координаты засекла и маяк на месте оставила. Как вернемся, отправите туда отряд, пусть осмотрятся. Собственно, и все, – развела она руками.

Ну что за девчонка, честное слово?! Не многовато ли ответственности взвалила за чужие ошибки на свои хрупкие плечи? Ну вот как мне с ней быть?! Разве ж только отшле-

пать, да рука не поднимается.

Возвращаться в расположение штаба решили на следующее утро. Заботливый Олмен заикнулся было остаться еще на день и дожидаться отряда эвакуации, упирая на наше и мое, в частности, слабое здоровье, но я был непреклонен. Время было дорого. Мне еще предстояло направить людей прочесать линию фронта на предмет подобных схронов, а это не быстро. Повстанцы среагируют раньше, и ищи их потом свищи в лесах и болотах до весны.

Самый трудный переход по холмам мы преодолели за сутки. Моя вина. Как бы я ни старался, но тормозил ребят здорово. Злился на себя за это, и потому загонял себя до помутнения рассудка, но все равно заставлял себя идти на чистом злом упрямстве. Рядовой Матин заикнулся было соорудить мне носилки, но я так на него глянул, что он быстро заткнулся, не успев донести своей идеи до народных масс.

Однако ж, как только мы добрались до первого жилого пункта, ребята нашли где-то телегу и тура, и дело пошло на порядок веселее. Просто увеселительная поездка загород с обзорной экскурсией.

Ночевать останавливались либо в лесу у ручья, либо на берегу речушки, либо подыскивали приемлемое жилье у населения.

Я бы так еще месяц покатался – считай отпуск. И компания приятная. Когда еще мне удастся так тесно пообщаться

с красивой девушкой?

Ее уже пожелтевший кровоподтек на пол спины я увидел не сразу. Только когда вездесущий князь, предложил ей сменить повязку. Он менял, а я зубами скрипел от злости, за то, что она не сказала, что не доверилась мне, что я не досмотрел и не спросил, как она вообще себя чувствует, что не я меняю ей эту чертову повязку, а он.

Отчитал ее, конечно, за такое отношение к своему здоровью и велел больше отдыхать. И теперь она по большей части ехала рядом со мной на телеге. Чем беззастенчиво пользовался, наслаждаясь прекрасным видом (ну, и пейзаж вокруг тоже был неплох) и любуясь курносым носиком. А чтобы девушка совсем не заскучала, завел с ней светскую беседу:

– Нина, расскажите мне о себе?

– Что именно вас интересует?

– Вообще-то, все, – улыбнулся я, – но вы же все не расскажете.

– Конечно. Скажу вам по секрету, я и сама о себе не все знаю. И не всегда себя понимаю, – блеснув лукавым взглядом, заулыбалась она. – Но ведь должна же быть в девушке хоть какая-то тайна, не так ли?

О да, тайн и непредсказуемости у нее в избытке! Не знаешь порой, чего и ждать в другой момент.

– А о чем вы сами хотели бы мне рассказать?

– Разве вы не читали мое досье?

– Много раз, – признался я. – Но разве это все? Вся ваша

жизнь в сухом абзаце послужного списка?

– Вы хотите знать что-то личное?

– Все, чем вы готовы со мной поделиться. Ну, например, почему вас отдали в разведшколу в три года? У вас так заведено? На мой взгляд, слишком рано вырывать ребенка из семьи в таком возрасте. Вы помните своих родителей?

Нина долго молчала, глядя в сторону. Потом, видимо решившись, ответила:

– Я не помню своих родителей. Их у меня нет.

Я недоуменно сдвинул брови. То есть как это нет? У всех есть родители. Сирота? Бросили?

– Я детдомовская, – пояснила она. – Я не знаю, кто мои родители. Их вообще могло и не быть.

– Не понимаю. Кто-то же вас родил?

– Ну, судя по факту, да. Но могли и в пробирке вырастить. У нас много таких экспериментов проводят.

– В пробирке? То есть вы не настоящая?!

– Еще какая настоящая! – возмутилась она. – Еще и лучше некоторых буду! Вот сейчас как дам по лбу, узнаете, какая я настоящая!

И она несильно ткнула мне кулачком в бок. Я поймал ее руку, разжал кулак, погладил тонкие пальчики. Она смутилась, вырвала свою руку, стиснула пальцы в замок и спрятала ладони между колен.

– Это вообще только предположение. Мы в детдоме часто так развлекались. Выдумывали себе разных родителей, у ко-

го круче или знаменитей. Я вот сначала мечтала оказаться потерянной принцессой. Потом эльфийкой. Я же блондинка, к тому же мелкая. Все ждала, когда у меня уши вырастут, вот такие... – показала она на большие острые уши тура и засмеялась. – А когда в разведшколу перевели, оказалось, что там таких принцесс и эльфиек – пруд пруди. Тогда я решила, что вообще буду продуктом генной инженерии и обладателем суперсилы. Только она еще спит и не раскрылась. Ну должна же я была хоть чем-то отличаться от остальных?!

– Непременно, – засмеялся я. – И как суперсила? Проснулась?

– Нет еще. Видимо, нас неправильно кормили. Они ж, эти силы, капризные очень. Им особая диета нужна. Натуральная. А у нас в Конфедерации уже лет сто никто ничего натурального не ел. Вот я у вас тут отъемся и УХ!!! Может, еще и летать начну...

– И уши вырастут, – подбодрил я ее, за что получил еще один шуточный тычок в бок. – И все же, почему так рано? Три года – это ж совсем младенец. Наши дети в три года еще у мамки на груди висят, какая уж там военная наука!

– Разведшкола – это не только обучение военному делу, это особое воспитание. Патриотизм, вплоть до фанатизма. Верность идеалам. Беспрекословное подчинение... с этим у меня всегда были проблемы, – горькая усмешка скривила ее губы. – Особое мышление. Умение довольствоваться малым, не выделяться, быстро переключаться, при-

нимать нестандартные решения, воспитывать выносливость, выдержку, развивать красноречие, память... Все это впитывается в подкорку с младенчества. Чем раньше ребенок начнет все это развивать и воспитывать в себе, тем эффективней процесс обучения. Вы не согласны?

– Бедная девочка, у вас совсем не было детства, – невольно вырвалось у меня, чем окончательно смутил порозовевшую красавицу. Она бросила на меня смущенный взгляд и отвернулась, спрятавшись за водопадом своих пшеничных волос.

– Нормальное детство. Лучше, чем в подворотне или на паперти побираться... Только нерадивая я была ученица. С дисциплиной проблемы. С подчинением опять же... Вечно со своим мнением влезу. Все по-своему норовлю. Нестабильная я. Трудная в управлении, – заулыбалась она вновь. – Поэтому ничего серьезного мне старались не поручать. Вот, к вам направили... Чтобы вы тут со мной мучились.

– О, да-а-а, – протянул я и подумал, что я совершенно не против так помучиться еще некоторое время.

И хорошо мне было в эти дни. Покойно. Будто и войны нет, и проблем, и повстанцев с их оружием, и ребята не пострадали. Будто вымылось все это из памяти на время. Приступило. Я жил с ощущением радости. Открывал утром глаза и видел ее милую сонную мордашку. Ловил весь день ее взгляды украдкой и ждал улыбки, как чуда. Слушал ее голос, как музыку. Засыпая, подолгу смотрел на ее спокойное спя-

щее личико. Сжимал кулаки, чтобы ненароком не тронуть упавший на нежную щечку светлый локон. Иногда, не сдержавшись, осторожно его сдувал, и тогда она смешно морщила носик и хмурила брови.

Но все когда-то кончается. Кончилось мое неожиданное счастье и наше путешествие. В штабе меня ждала работа и сообщение, что повстанцы взорвали наш спутник.

Мы долго совещались, пытаясь понять, как такое могло произойти. Выдвигались версии, что он просто сломался от старости, ибо подобные прецеденты не раз случались. Но радары засекли взрыв, а эксперты, осмотрев осколки, пришли к выводу, что он взорвался. Тут опять были варианты, каким образом можно было взорвать спутник, висящий на орбите?

Первый вариант: ракетой с поверхности по координатам – однако большая погрешность. Попасть трудно. Да и не обладают повстанцы необходимым оборудованием.

Второй вариант: с космического корабля лазерной установкой. Это могли сделать только корабли Конфедерации, чего они точно не делали, проверено.

И третий вариант (наиболее перспективный): самоликвидация.

Как я понял из объяснения технического специалиста, все спутники этого типа снабжались аварийной системой подрыва, с помощью которой можно было уничтожить свой спутник, чтобы он не попал в руки противника. Вероятно, этот самый код самоуничтожения каким-то образом попал в руки

повстанцев. Там, конечно, система защиты от взлома стоит и шифровальщик нужен, да компьютер не абы какой, на коленке не взломаешь, но все же проще, чем ракетой по мухам стрелять.

Так что версия вполне себе вероятная. Но тут вытекает другая проблема, как эти коды попали к повстанцам? Спутник, конечно, жалко, полказны за него отвалили. Хоть и старый был, но польза была огромной. Несоразмерно большой.

Глава 13

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт, 23:47.

Бокалы тихонько звякнули хрустальными боками, и я мысленно чертыхнулась. Высунулась в коридор, огляделась – чисто. Осторожно прикрыла за собой дверь, и, поудобнее перехватив бутылку с вином, крадучись прошмыгнула мимо клюющего носом дневального.

Какого черта я делаю?! Может вернуться пока не поздно? Ну да, спустить все на тормозах и потом полжизни корить себя за упущенный шанс. Так, соберись. Удача любит смелых!

Из-под двери кабинета Его Светлости пробивалась полоска света. Не спит. Я медленно, стараясь не скрипнуть, открыла щелочку и осмотрелась. Может он не один? Один. Сидит в кресле, склонившись над столом и что-то пишет.

«Уф... Смелее, девочка!» – подбодрила я себя и скользнула в комнату.

Он заметил меня не сразу, а увидев, удивился:

– Нина?

В ответ я смущенно улыбнулась и дала себе мысленного пинка, отлипая от двери.

– Что вы здесь делаете?

Ну что за вопрос, господин герцог?! Что еще может делать

девушка в полночь в кабинете красивого мужчины с бокалами и бутылкой вина?

И под его строгим взглядом, мне тут же захотелось спрятать руки со своими сокровищами за спину. Но вместо этого, я чуть приподняла бутылку и покачала ею, точно маятником.

– Зашла к вам, отметить удачное завершение операции, – улыбнулась я, и по-хозяйски прошествовала к его креслу. Остановилась рядом, едва не касаясь бедром его коленей, оперлась пятой точкой о край стола, и дерзко взглянула ему в глаза.

Герцог пребывал в шоке. Откинувшись на спинку кресла, он не сводил с меня изумленного взгляда.

– А что, у вас всегда принято *таким образом* праздновать удачное завершение дел?

Что значит: «*таким образом*»??? Меня царапнул его двусмысленный намек, но я состроила невинную мордашку, стараясь не обращать внимания на его тон.

– А у вас разве не так? Вы не празднуете победу или выгодную сделку? Мне кажется, наше задание завершилось весьма благополучно, что и стоит отметить. Не так ли? – с этими словами я протянула ему бокал, и, выдернув из бутылки пробку, налила нам вина на два пальца. – Мы с вами живы, почти не пострадали...

– Почти! – намекнул он на свою контузию.

– Предотвратили диверсию... почти! И, считай бесплатно, обзавелись ультрановым, ультранавороченным, ультра-

полезным оборудованием. Думаю, за это стоит выпить, – и пригубила бокал.

– Боюсь, диверсию мы не предотвратили. И найденное нами оружие лишь капля в море. Полагаю, таких схронов у повстанцев еще не один десяток по всему фронту.

– Хм... Думаю, вы правы. Глупо было бы с их стороны класть все яйца в одну корзину, – и тут же, поддавшись порыву великодушия, подцепила валяющийся рядом карандаш и развернулась к столу. – Я бы на их месте устроила схроны вот здесь... и здесь... и вот там...

Я потянулась за картой, склоняясь над столом все ниже и ниже, прекрасно отдавая себе отчет в том, какое зрелище открывается герцогу сзади. Плотная ткань юбки туго обтягивала мою попку, приподнимая подол все выше и выше, пока в разрезе кокетливо не мелькнула кружевная резинка чулочка. Ох, надеюсь он смотрит туда, а не на мое пунцовое лицо и закушенную губу.

Ну почему мне было так стыдно перед ним? Я давно уже не девочка, и не раз приходилось тесно общаться с мужчинами, как по долгу службы, так и для себя любимой. Соблазнить красавчиков для меня не ново. Отчего же с ним все не так? Может, потому что он мне нравится? Действительно нравится. Нравится настолько, что его мнение обо мне было весьма и весьма значимо для меня. Еще эти мои заигрывания с ним, на грани фола. А вдруг он посчитает меня шлюхой?

Энжью, тем временем, не долго любовался моими преле-

стями, оставив бокал в сторону, подскочил к столу, коршунном нависнув над ним. Сдвинул к себе карту и с энтузиазмом принялся изучать мои отметки, вытащив из вазочки второй карандаш. Я приуныла. Не такой реакции я от него ожидала. Мог бы хоть и поближе встать, кончиками пальцев коснуться моей руки, например.

– Полагаете, именно здесь? Почему?

– Исходя из дислокации ваших частей. Труднодоступности мест. Малонаселенности районов. Ландшафт опять же характерный, есть где спрятать.

– Хм... возможно, – пробормотал он себе под нос, еще больше склоняясь над картой. – Нужно будет проверить... Я бы еще и здесь осмотрел...

Присев на край стола, я демонстративно закинула ногу на ногу, подтянув юбочку повыше на бедра. Энжью даже глазом не повел, продолжая что-то сосредоточенно чиркать карандашом по карте. Пригубив вина, я невзначай коснулась груди, расстегивая на блузке еще одну пуговичку. Повела плечами. Поправила воротничок, открывая доступ к ложбинке между грудями... Ноль реакции.

Я начала медленно закипать. Он что, специально меня игнорирует? Я тут перед ним вся такая доступная, прямо-таки бери – не хочу! А он и глазом не косит в мою сторону, будто я для него пустое место! Глотнула вина со злости. Плеснула себе еще, попутно отметив, что к своему бокалу он так и не притронулся. Психанула. Одним махом опрокинула в себя

все содержимое. Чуть не подавилась и тут же почувствовала, как зашумело в голове. И такая злая обида накатила, что сил нет сдержаться:

– Вы что, гей?

– Что? – вскинулся он. И брови так хмурит сердито, старательно не опуская взгляда на мою грудь.

– Мальчиков, говорю, любите? – ой, зря я это сказала, вон как лицо потемнело от гнева.

– Вы в своем уме, госпожа Климова? Смотрю вино вам в голову ударило, – резким кивком головы он указал на мой пустой бокал.

– Ну а как еще понимать вашу реакцию? Я к вам пришла, сама, одна, ночью, с бутылкой вина. Пытаюсь тут вас соблазнить, а вы даже не смотрите на меня! Если вас не интересуют женщины, то что? Или вас не интересую конкретно я? Черт возьми, мне казалось... Блин, я чувствую себя полной дурой, – сползла со стола, оправила юбку. – Я так долго решалась прийти сюда. Все боялась, как вы это воспримите. Не посчитаете ли меня подстилкой, или как это у вас тут называется... женщиной легкого поведения. Переживала все, как это отразится на нашей дальнейшей совместной работе. Надеюсь, вы все-таки человек благородный и забудете этот инцидент? Договорились?

И не дожидаясь его ответа, не глядя на него, поспешила на выход. За спиной раздался непере译имый глухой рык, но я не обернулась. Распахнула дверь, скользнула взглядом по

вытянувшись в струнку, сонно хлопающему глазами дежурному, и пошла в свою комнату.

– Нина! – запоздало раздался окрик герцога, но дверь уже захлопнулась за моей спиной, ставя точку на этом неприятном унижительном эпизоде моей жизни...

00:14

...Бокалы тихонько звякнули хрустальными боками, и я мысленно чертыхнулась. Высунулась в коридор, огляделась – чисто. Осторожно прикрыла за собой дверь, и, поудобнее перехватив бутылку с вином, крадучись прошмыгнула мимо ключющего носом дневального.

Какого черта я делаю?! Может вернуться пока не поздно? Ну да, спустить все на тормозах и потом полжизни корить себя за упущенный шанс. Так, соберись. Удача любит смелых!

Из-под двери кабинета Его Светлости пробивалась полоска света. Не спит. Я медленно, стараясь не скрипнуть, открыла щелочку и осмотрелась. Может он не один? Один. Сидит в кресле, опустив голову.

«Уф... Смелее, девочка!» – подбодрила я себя и скользнула в комнату.

Он тут же вскинулся, пристально всматриваясь в мое лицо. Будто ждал меня. Догадался, что я приду? Я такая предсказуемая?

– Нина, – он приподнялся в кресле, сделав рукой пригла-

шающий жест.

– Э...

Ну же, где твоя хваленая наглость!

– Вот, зашла к вам, отметить удачное завершение операции, – улыбнулась я, и по-хозяйски прошествовала к его креслу. Остановилась рядом, едва не касаясь бедром его коленей, оперлась пятой точкой о край стола, и дерзко взглянула ему в глаза.

Он смотрел на меня прямо, буравя черными дулами зрачков и улыбался. Сдержанно. Он вообще был какой-то весь напряженный. Даже пальцы побелели, стискивая подлокотники кресла.

– Хм... А что, удачное предложение, – он неторопливо поднялся, все так же не выпуская меня из прицела своих глаз. Осторожно выкрутил из моих окостеневших пальцев бутылку и, откупорив ее, разлил вино по бокалам, на два пальца.

Он стоял очень близко, почти нависая надо мной, чуть ли не касаясь своим бедром. Я чувствовала его запах, легкий, свежий, точно воздух после дождя. Чувствовала исходящий от него жар и... **МОЩЬ**. Он подавлял меня, и я невольно сжалась, отодвигаясь от него на ватных ногах, опустила взгляд.

Уф... Сколько в нем силы, сколько власти надо мной! Я смутилась, потерялась на его фоне. Вся моя бравада развеялась прахом под его напором.

– Итак, как же принято праздновать успех у вас в Конфедерации? – он вновь настиг меня, оказавшись так близко, что моя грудь почти касалась его кителя. Ой-ой-ой, теперь главное глубоко не дышать! Я машинально схватилась за воротничок, стягивая края блузки.

– Предлагаю для начала выпить, – и как щит выставила перед собой бокал.

Он чуть нахмурился, дернул уголками губ, но тут же слегка качнул рукой, чокаясь со мной.

– За удачное завершение операции! – наигранно бодро провозгласила я и залпом опрокинула в себя все до капли. Герцог же едва пригубил, и тут же потянулся к моему фужеру, отбирая его. Это чтобы я не напилась тут от страха, как свинья? А чего, собственно, я боюсь? Я ведь и шла сюда с определенной целью. А тут такой напор... Просто пышет тестостероном. Самец. Доминатор. Нет, я понимаю, давно женщины не было, и все такое... И я вроде бы как нравлюсь ему, кажется. НО! Но зачем же так на меня давить?!

Энжью отстранился, убирая бокалы подальше на тумбочку, и тотчас же развернулся ко мне, уперся бедром в ее край, сложил на груди руки. Взгляд медленно заскользил вниз, задержавшись на кромке короткой юбки. Я вдруг вспомнила, какое на мне откровенное белье, и зарделась. Рука тут же дернулась оправить слишком короткий подол, но на полпути замерла, не решившись привлекать к чулочкам еще больше внимания. Вместо этого я стремительно ретировалась на

другую сторону стола, спрятавшись за спинкой стула.

Взгляд заметался по столешнице, натываясь на стопку исписанных листов, вазочку с карандашами, изрисованную кружочками карту и...

– О! Как интересно! – я дернула за край карты, придвигая ее к себе. Глаза мои округлялись все больше и больше. Там, помимо уже проверенных нами схронов повстанцев, были выделены размашистыми окружностями еще несколько предполагаемых мест, где можно было припрятать оборудование. – Это ведь отмечены предполагаемые места схронов?

Энжью кивком головы подтвердил мои подозрения и подошел ближе, остановившись чуть ли не за моим плечом. Но меня это уже не волновало. Я жадно разглядывала отметины на карте, понимая, что лучшего места для груза просто не найти. Я бы и сама, учитывая все данные расположения войск, ландшафт и малонаселенность этих районов, устроила тайники именно в этих местах.

– Вы сами до этого додумались, или вам подсказал кто? – спросила я герцога, оборачиваясь.

Он как-то неопределенно пожал плечами и спросил:

– Как вы полагаете, это все возможные места или могут быть еще, не учтенные нами?

Подцепив валяющийся тут же карандаш, я подалась вперед, изучая ломаную линию фронта.

– Хм... Ну если предположить, что планируется масштаб-

ное наступление, то было бы неплохо охватить и вот этот кусочек территории. Пусть он и не имеет стратегического значения, но здесь река. Удобно сплаваться, удобно держать оборону. По воде быстрее поставляют припасы и резерв.

Я так увлеклась умозаключениями, что не заметила, как герцог склонился надо мной, практически прижавшись грудью к моей спине. Его рука скользнула по моему предплечью, ладонь накрыла мои пальцы и нежно выдернула из них карандаш, коим я рисовала стрелочки и крестики на карте. От неожиданности я дернулась, вскидываясь, едва не угодила макушкой Его Светлости по подбородку, и резко отпрянула в сторону. Да какого черта! Он мне нарочно тут зубы заговаривал и отвлекал?

Мой взгляд метнулся в сторону выхода и герцог, словно почувствовав мой настрой, сместился в этом же направлении. Паника отразилась в моих глазах. А если он тут меня запрет и... Нет, я, конечно, без боя не дамся, но уровень моей боевой подготовки ничто по сравнению с его. В этом я убедилась еще там, на болоте, где он расправлялся со мной одной левой.

За всеми этими паническими мыслями я как-то уже и забыла, с какой целью вообще к нему пришла. Одна. Ночью. С вином.

– Нина! Что такое? – он был весь напряжен и в тоже время растерян. – Что не так?!

Ох, если бы я знала!

– Знаете, я, наверное, пойду, – пробормотала я, продвигаясь к выходу, по большой дуге обходя его массивную фигуру.

– Что на этот-то раз я сделал неправильно?! Ты же сама за этим ко мне пришла! – бросил он мне в спину.

Уже вцепившись в дверную ручку, я обернулась. Он был очень расстроен, плечи поникли, в глазах печаль, руки опущены, только кулаки сжаты до побелевших костяшек.

– Я не знаю. Это как-то слишком... Вы были так настойчивы. Этот напор... Я не хочу, чтобы вы думали, что я легкодоступная и мне нужен только секс... Нет, я, конечно, не против, вы мне нравитесь, но я не прыгаю в постель к тому, кто воспринимает меня как шлюху.

– Шлюху?! Нина, вы не так меня поняли...

Но я резко перебила его, не желая слушать какие-либо оправдания:

– Ваша Светлость, надеюсь этот инцидент останется между нами.

Распахнула дверь, скользнула взглядом по вытянувшемуся в струнку, сонно хлопающему глазами дежурному, и пошагала в свою комнату. За спиной раздался глухой рык и непереводаемая рассерженная тирада, но я не обернулась...

00:41

...Бокалы тихонько звякнули хрустальными боками, и я мысленно чертыхнулась. Высунулась в коридор, огляделась – чисто. Осторожно прикрыла за собой дверь, и, поудобнее

перехватив бутылку с вином, крадучись прошмыгнула мимо ключющего носом дневального.

Какого черта я делаю?! Может, вернуться пока не поздно? Ну да, спустить все на тормозах и потом полжизни корить себя за упущенный шанс. Так, соберись. Удача любит смелых!

Из-под двери кабинета Его Светлости пробивалась полоска света. Не спит. Я медленно, стараясь не скрипнуть, приоткрыла щелочку и осмотрелась. Может он не один? Один. Сидит в кресле, опустив голову.

«Уф... Смелее, девочка!» – подбодрила я себя и скользнула в комнату.

Он поднял голову, посмотрел на меня печально. Я замерла на миг, не зная, как поступить дальше. Что-то случилось?

– Нина, – прошептал он, побелевшими губами. Ему плохо? Последствия контузии сказываются?

– Вам плохо? Нужна помощь? – рванулась я к нему, забывая и про вино, и про зажатые в руке фужеры.

– Тшшш. Все хорошо, – вытянутой рукой остановил он мой альтруистический порыв и улыбнулся. – Теперь все хорошо. Голова немного кружится.

Но я ему не поверила, я видела и бледность на его лице, и поджатые белесые губы, и вымученную улыбку, и боль в глаза. Но он же Мужчина! Именно так, с большой буквы. Он не выкажет свою слабость. Не допустит, чтобы его унизили жалостью. До последнего будет храбриться и бить себя кулаком

в грудь. А коли так, сделаем вид, что ничего не замечаем.

– А я вот зашла к вам отметить удачное завершение операции, – улыбнулась я ласково и, остановилась рядом, едва не касаясь бедром его коленей. Оперлась пятой точкой о край стола, и словно маятником покачала бутылкой.

– Замечательная идея, – кивнул он и протянул руку за бутылкой. Откупорил ее, плеснул в бокалы на два пальца, оставил в сторону. Осторожно взял у меня из рук свой фужер, едва коснувшись прохладными пальцами, и тут же легонько чокнулся со мной. – У вас замечательная традиция, отмечать подобным образом удачное завершение дел.

– О-хо-хох, – выдохнула я грустно, – боюсь это наше с вами дело еще не закончилось.

– Почему вы так считаете? – удивленно спросил он, прокручивая в пальцах тонкую ножку бокала. По-моему, он так к нему и не притронулся.

– Ну посудите сами, тайников мы нашли лишь несколько. А учитывая, что повстанцы готовят массовое наступление по всей линии фронта, было бы глупо с их стороны...

– Класть все яйца в одну корзину, – в унисон со мной проговорил он.

– Э... да! – улыбнулась я, одарив его благодарным взглядом. Или нежности в нем было больше? А, не важно! – Найденные нами схроны лишь капля в море. Вот смотрите...

Я отставила в сторону свой бокал и, развернувшись к столу, подтянула к себе карту, попутно цепляя валяющийся ря-

дом карандаш.

– Я бы на их месте устроила бы тайники вот здесь и... – я ошалело уставилась на исчёрканную кружочками, крестиками и стрелочками ломаную линию фронта и меня нарыло мощным чувством дежавю.

Я не заметила, как из кресла поднялся Энжью, не почувствовала, как он подошел ко мне со спины, как склонился над моим плечом, окутывая своим неповторимым запахом, как ткань его кителя скользнула по моему предплечью, овеивая теплом. Я очнулась только тогда, когда крупная бордовая капля разбилась о поверхность стола около моей руки, забрызгивая мелкими кровавыми крапинками белую манжету моей блузки.

Чертыхнувшись, герцог резко отстранился от меня, отворачиваясь, но я успела заметить, как он зажал ладонью нос, пытаясь остановить кровотечение. Но кровь все равно просачивалась сквозь пальцы, стекала по гладко выбритому подбородку на грудь, впитываясь в темную ткань кителя.

– Что с вами? Вам нужна помощь? Мне позвать доктора?

Однако герцог меня проигнорировал. Выдернул из кармана белоснежный платок, приложил его к носу, и он тут же окрасился в насыщенный алый цвет. Ах ты, елки зеленые! Тут одним платочком не обойтись.

– Где у вас аптечка?

И тишина в ответ.

– Колин, черт тебя побери! – гаркнула я и он вздрогнул,

повернул ко мне голову. – Где у тебя здесь аптечка, спрашиваю?!

Он все так же молча махнул рукой в сторону спальни, и я, ухватив его за рукав, потащила в смежную комнату.

Уложила вяло сопротивляющегося мужчину на кровать, приподняла голову, подперев подушкой, высыпала на прикроватную тумбочку содержимое аптечки и почесала затылок. Ну и как, скажите, его лечить такими примитивными медикаментами? Могу только клизму поставить. Боюсь ему такое лечение не понравится.

Ладно, пока обойдемся подручными средствами. Вскрыла упаковку марлевых салфеток, заменила ими окровавленный платок, и строго настрого наказав лежать и не дергаться, рванула к себе за лекарством.

Распахнула дверь, скользнула взглядом по вытянувшемуся в струнку, сонно хлопающему глазами дежурному, сорвалась на бег, но на полпути затормозила.

– Так, ты! Быстро беги за док... – ткнула я пальцем в мужичка, но тут вспомнила какие у них здесь замечательные отношения с докторами и осеклась. – Быстро беги на кухню. Наберешь там миску льда и бегом сюда! Давай, пошел! Одна нога здесь, другая там!

Вот что значит командирский тон! Дежурный даже и не заикнулся, что он на посту и ему как бы и не положено бегать туда-сюда, аки мальчик на побегушках, помчался как миленький. Вот разгильдяи! Распустились тут совсем!

– Вот так, – просюсюкала я, поправляя на переносице герцога увязанный в тряпичный узелок лед. – Еще минут десять так полежите, и все пройдет. Нельзя было вам сегодня вообще вставать. После таких контузий люди месяцами в больнице проводят под капельницами...

– Нина...

– Всего неделя прошла, а вы уже пашите как вол ломовой. Нельзя же так. Случись с вами что, кто вас заменит? Никто!

– Все со мной в порядке, – вставил наконец свою реплику герцог и тут же подорвался встать. Но я настойчиво уперлась ладонями ему в грудь, укладывая обратно. Пальцы вмиг намокли и окрасились алым. Ох, блин, я и забыла, что у него еще и вся одежда в крови.

Кое как оттерла тряпицей руки и взялась за пуговицы кителя, расстегивая их одну за другой. Затем рубашку. Затем смочила водой марлю и дрожащей рукой стала вытирать с груди кровавые разводы.

Глаз на герцога не поднимала, знала, что он неотрывно следит за моим лицом и боялась. Боялась выдать свои чувства, боялась, что он поймет мое состояние и оттолкнет. Зачем ему такая сучка, что слюной исходит при виде обнаженной мужской груди? Неприятно чувствовать себя такой, но оторваться от него я не могла. Сначала обтерла влажной ветошью, затем промокнула кожу сухим полотенцем, потом рукой провела, проверяя качество работы. Раз. Другой.

– Ни-и-на-а...

Господи, какой у него густой обволакивающий голос! У меня все тело мурашками покрылось, волоски дыбом встали. Я подняла на него глаза и чуть не заскулила. Эти губы, эти скулы, нос, глаза, волосы – я хочу их. Хочу целовать их, гладить, покусывать, ласкать. Хочу запустить пальцы в эту шевелюру и не отпускать. Хочу сжать в ладонях это лицо и зацеловать его до боли в губах. Хочу проникнуть ему под кожу и раствориться в нем. Хочу слушать стук его сердца, чувствовать его руки на себе, его тепло... У-у-у-у...

Энжью вдруг дернулся, отбросил на пол узелок со льдом, обхватил меня за плечи и опрокинул спиной на кровать. Навалился сверху, не сильно, но ощутимо, только чтобы не убежала, закинул мне на бедра ногу и впился в мои губы поцелуем. Настойчиво. Жадно. Подавляя.

Но я не сопротивлялась, не менее жадно рванулась навстречу. Задохнулась от восторга. Застонала, оплетая его ногами. Огладила ладонями по груди, обняла за талию, еще крепче прижимая к себе, подтянулась вверх, царапая ногтями его спину и плечи. Отстранилась. Начала стаскивать с него китель и рубашку.

Он мне помог, быстро и ловко. А затем вновь прижал к себе, заскользил губами по лицу, опускаясь все ниже и ниже. Рванул за полы блузки, распахивая ее. Пуговички мелким горохом посыпались на пол. Его губы скользнули на грудь и наткнулись на кружево бюстгальтера. Пару секунд он любо-

вался этим откровенным сексуальным атрибутом, а затем накрыл сосок горячим ртом, прямо так, через ткань. Я вздрогнула, всхлипнула и выгнулась дугой. Еще... Еще... Заерзала, пытаясь стянуть с плеч мешающую блузку, и он помог мне избавиться от нее. Следом на пол полетел и бюстгальтер. Колин что-то рыкнул неразборчивое и накрыл мою грудь ладонями, опускаясь губами еще ниже.

Вот он кончиком языка очертил впадинку пупка, заставляя меня дрожать от каждого прикосновения, затем подул, вызвав толпу мурашек и вынудив втянуть живот. Вот его рука скользнула по бедру, задирая подол юбки. Вот его пальцы сдвинули в сторону кружево трусиков и горячие губы накрыли лоно. Ох, только не останавливайся, прошу тебя, пожалуйста, иначе я умру...

А когда он вошел в меня, я вскрикнула, разразившись слезами. И вцепилась в него руками и ногами, не давая испуганно отстраниться.

– Все хорошо, милый. Все хорошо, – шептала я, перебирая пальцами его волосы. И счастливо улыбалась сквозь слезы, вглядываясь в мерцавшие в черной глубине его глаз звезды.

Я влюбилась в него. Как девчонка. Как в первый раз. Влюбилась так, как никогда раньше. Это было новое чувство для меня, более глубокое, более восторженное, более яркое, поглощающее. И более пугающее.

Я поняла, что растворяюсь в нем, теряю себя. Что его же-

лания, мысли, чувства становятся смыслом моей жизни. Я, как преданная собачка, заглядывала ему в глаза и ждала его ласки и одобрения.

Но так быть не должно! Нельзя так всецело отдаваться своим чувствам. В конце концов у меня своя жизнь, а у него своя, и рано или поздно наши пути разойдутся. У меня есть работа и обязанности. Мы из разных миров. И когда-нибудь мне придется вернуться домой. А он останется здесь. Навсегда. И больше я его не увижу. Как мне тогда жить? Как мне жить без него?

На людях он был, как всегда, собран, сдержан, деловит. Но стоило нам остаться наедине, как он преображался. Глаза его зажигались, он был добр, нежен, ласков. Он окутывал меня любовью и заботой, был понятлив и предупредителен. А я, наоборот, страшась будущего, становилась все более капризной и нетерпеливой. Замыкалась в себе, стараясь избегать лишних встреч.

А через неделю после нашей первой ночи пришло донесение, что повстанцы взорвали патронный завод. И я поняла, что это мой шанс бежать. Бежать, пока эта любовь окончательно не затянула меня в свои сети, пока еще не так много воспоминаний, пока еще не так больно, пока еще есть силы пережить это расставание.

Энжью собрал высший состав на экстренное совещание. А я бросилась в свою комнату, лихорадочно запихивая вещи в рюкзак. Как хорошо, что их у меня не так много. Главное,

карты свои не забыть!

Пятнадцать минут, и я готова. Теперь с независимым видом пройти мимо дежурного, незамеченной покинуть штаб, угнать «катафалк» и на космодром. А там ближайшим челноком на космическую станцию и домой. Фигня. Все проще некуда! Как два пальца...

Из-за закрытой двери кабинета Его Светлости доносился невнятный бубнеж престарелого князя Таффа. Но вот Энжью резко прервал его и дал слово усатому Фрейко. У меня защемило сердце. Я должна взглянуть на него. В последний раз. Только одним глазком.

Едва сдерживая дрожь, слегка приоткрыла дверь. Совсем чуть-чуть, лишь на щелочку, как тогда в нашу первую ночь. Он сидел за столом, хмурясь, выслушивал донесения князя. Как всегда собран, деловит, серьезен. Взгляд упирается в стол перед собой. Задумчиво вертит в руках карандаш. Я смотрю на него жадно, впитываю каждую мелочь. Взглядом словно кончиками пальцев ощупываю его лицо. Я запомню его именно таким. Навсегда.

Но вдруг он вскидывает голову, поворачивается к двери, взглядывается. Он не мог меня видеть, никак не мог! Неужели почувствовал? Я испуганно отпрянула, попятилась, прячась в тени коридора.

Слышу скрип отодвигаемого кресла, шаги, и срываюсь на бег.

С крыльца слетела, не касаясь ступеней, огляделась, вы-

искивая взглядом пустой транспорт. «Катафалк» стоял недалеко. Видимо, недавно на нем кто-то приехал. Завести его – не проблема, примитивная система зажигания поворотом одного рычага, даже ключей не нужно, и ребенок справится. Охрана у ворот – тоже фигня. Я знаю пароль! Я вижу ориентир...

За спиной хлопнула входная дверь, и я рванула вперед.

– Нина!!!

– Не оглядываться! Не оглядываться! Не оглядываться! – словно мантру, шепчу я себе.

– Нина, стой!

Громкий топот за спиной, и я ускоряюсь. Ныряю в «катафалк». Поворачиваю рычаг зажигания. Нащупываю ногой педаль газа, вдавливаю ее в пол. Резкий разворот руля – и вот я уже несусь к воротам.

– ОТКРЫВАЙ ВОРОТА!!! – ору так, что сама глохну. —
ОТКРЫВАЙ, ТВОЮ МАТЬ!!! ЩА СНЕСУ НАФИГ!!!

Но охрана мешкает, видит, что Энжью несется за мной следом. Да и я уже близко – открыть все равно не успеют, лишь в последний момент прыскают в стороны, спасаясь от моего тарана.

Ворота-то хлипкие, почитай турникет, обнесенный колючей проволокой. Я сбиваю его легко. Однако от удара меня подкинуло так, что челюсть клацнула и...

... – Нина!!!

– Не оглядываться! Не оглядываться! Не оглядываться! – словно мантру шепчу я себе.

– Нина, стой!

Громкий топот за спиной, и я ускоряюсь. Успеваю пробежать полпути до «катафалка» и тут цепкий захват плеча разворачивает меня на 180°.

– Стой, я сказал!

Ага, щаз-з! Резкий рывок противника на себя, уход в сторону с захватом руки, удар ладонью по уху, чтобы ошеломить, подсечка, перекат, и я уже на свободе. Нырять в «катафалк». Поворачиваю рычаг зажигания. Нащупываю ногой педаль газа, вдавливаю ее в пол. Резкий разворот руля, и вот я уже несусь к воротам.

– ОТКРЫВАЙ ВОРОТА!!! – ору так, что сама глохну. – ОТКРЫВАЙ, ТВОЮ МАТЬ!!! ЩА СНЕСУ НАФИГ!!!

Но охрана мешкает, видит, что Энжью сидит на земле и трясет головой, приходя в себя. Да и я уже близко – открыть все равно не успеют, лишь в последний момент прыскают в стороны, спасаясь от моего тарана.

Ворота-то хлипкие, почитай турникет, обнесенный колючей проволокой. Я сбиваю его легко. Однако от удара меня подкинуло так, что челюсть клацнула и...

... – Нина!!!

– Не оглядываться! Не оглядываться! Не оглядываться! – словно мантру, шепчу я себе.

– Твою мать! – резкий толчок в спину, и я кубарем лечу под колеса «катафалка».

Мощное тело вдавливают меня в землю, заламывая руку в болевом захвате – не дернуться. Энжью рычит что-то непереводимое на своем языке: матерится, наверное. Вздергивает меня на ноги, разворачивая лицом к себе. Он очень бледный, всклокоченный и почему-то грязный, будто его мордой по земле повозили. Чем, черт возьми, они там на совещании своим занимались?!

– Нина! БРЫБРУБРЫ! Какого ГРАБРУБРЫ («суслика?» – неуверенно выдает «переговорник») происходит?! Куда ты собралась?

– Я уйду, Колин.

– Это я уже понял. Куда, черт возьми ты собралась?

– Домой, блин, я собралась! Домой! Я уйду, понял! – сорвалась я на крик.

– Почему? Что случилось? Тебя отзывают? Мне не поступало такого приказа.

– Да нет никакого приказа. Я сама уйду. Не хочу быть с тобой. Я бросаю тебя, ясно? – кидаю жестокие слова ему в лицо, разворачиваюсь и ныряю в «катафалк». Но все же оборачиваюсь, смотрю на него в последний раз. Он стоит посреди двора растерянный, одинокий, несчастный, ссутулившийся, словно в один миг постаревший на десятки лет. Смотрит на меня, хмурится, собирая морщинки на лбу и не понимая, почему так произошло, за что я его так. Больно. Подло. Жал-

ко. Сердце рвется на куски. Но по-другому никак. Потом будет еще больше.

Стираю со щеки набежавшие слезы, поворачиваю рычаг зажигания, нащупываю ногой педаль газа, вдавливаю ее в пол. Резкий разворот руля и...

... – Нина!!!

– Не оглядываться! Не оглядываться! Не оглядываться! – словно мантру, шепчу я себе.

Громкий топот за спиной, и я ускоряюсь. Ветер холодит мокрые щеки. Мокрые? Странно. Я что, плакала?

Резкий толчок в спину опрокидывает меня на землю. Острое колено вдавливают в грязь, тут же заламывая руку в болевом захвате – не дернуться. Энжью молча вздергивает меня на ноги, перехватывая мои руки. Смотрю на него в недоумении. Он очень бледный, всклокоченный и почему-то грязный. Мертвые глаза, словно дула пистолета держат меня на прицеле.

– Пусти! – дергаюсь я, но он держит крепко, молчит. Поворачивает меня спиной к себе и, подталкивая в спину, ведет к штабу. – Пусти, говорю!

Но он только сильнее сжимает свои ледяные пальцы на моем запястье.

– Какого черта ты творишь?! – не унимаюсь я.

Я совершенно не понимаю его поведения. Откуда такая жестокость? Почему он так разъярен? Почему молчит, в кон-

це концов?!

Энжью, не ослабляя хватки, втолкнул меня в свой кабинет, попутно рыком разогнав всех подчинённых. Протащил через всю комнату, ногой открыл дверь в спальню и швырнул меня на кровать.

Щелкнул замок запираемой двери, и я осталась один на один с разъяренным зверем.

– Теперь поговорим, – хрипло прошептал он.

– О чем, черт возьми, ты хочешь поговорить? О своей грубости? – я соскочила с койки, вытянулась перед ним во весь свой мышиный рост, грозная до жути. – Что случилось? Почему ты вообще напал на меня?! Из-за того, что я под дверью послушала? Тебе не кажется, что это слишком?

– Прекрати, – резко оборвал меня он. – Объясни, почему ты меня бросаешь?

– Что?! Откуда... Как ты узнал?! – сказать, что я в шоке – ни сказать ничего. Как он вообще мог узнать об этом, если я сама решила на побег только сегодня утром? Мысли мои прочитал, когда я в щелку его кабинета подглядывала? Телепат? Да ну, нет! Что за бред!

И тут я вспомнила тот насмешивший всех донос, что на Зоране члены королевской семьи имеют сверхспособности, но какие именно – не знает никто. Так что, выходит, он и правда телепат? Ох, ты ж, боженьки!

И тут опять я вспомнила эпизод недельной давности, здесь в спальне, когда я с ума сходила, мечтая, чтобы он на-

конец-то меня поцеловал и... все остальное. И он понял тогда чего я хочу!

Точно телепат! Как же теперь быть? Что же делать? Что делать-то, говорю?!

– Объясни мне, почему ты решила уйти? – вновь повторил свой вопрос Энжью, сжимая кулаки. – Что не так? Я чем-то обидел тебя? Чего-то не сказал? Не дал? Не сделал? Я не знаю ваших традиций, возможно, я что-то упустил. Если так, то это не со зла, пойми. Объясни мне в чем моя вина, и я исправлю это!

Он подошел вплотную, коснулся ледяными пальцами моей щеки, убирая за ухо выбившуюся из хвоста прядку. Рука его заметно подрагивала.

– Ты ни в чем не виноват, – я перехватила его руку, прижала к щеке, накрыла своей ладонью. Какая она у него холодная! Почему дрожит? Взяла его вторую руку, разжала кулак, спрятала его ледяные пальцы в своих ладонях, прижалась к ним губами, согревая дыханием. – Наоборот. Ты очень милый, добрый, заботливый. Ты – самый лучший! Лучше всех, кого я когда-либо знала на всем белом свете. Поэтому я должна уйти.

– Не понимаю... – нахмурился он, и я заметила у него на лбу мелкие бисеринки испарины.

– Ты настолько хорош, что не любить тебя невозможно. А я уже не могу прожить без тебя ни дня! Но что потом? Что нас ждет? У нас нет будущего. Я гражданка Конфедерации,

чужая здесь для всех. К тому же работаю на разведку. А в разведке отставок не дают, по крайней мере по собственному желанию. Я здесь пока я вам нужна. Пока длится эта ваша гражданская война. Сколько? Месяц? Два? Полгода? Год? А что потом? Потом меня отзовут, и я вынуждена буду вернуться, оставив тебя здесь, – и пока я говорила, едва сдерживая слезы, Колин хмурился все сильнее, сжимая побелевшие губы. – А ты? Ты подданный императора. В тебе течет королевская кровь. Разве может быть с тобой такая плебейка, как я? Но даже не в этом суть. Ты не рядовой солдат, ты главнокомандующий восточным фронтом. Ты не можешь жениться на мне – таков ваш закон. Мы никогда не сможем стать полноценной семьей, жить не таясь, завести детей.

Я потянулась и осторожно коснулась его щеки кончиками пальцев, кожа под ними оказалось совсем холодной. Теперь у него дрожали не только руки, его самого уже слегка познабливало.

– Я хочу быть с тобой, Колин. Я хочу жить с тобой, любить тебя, рожать тебе малышкой, но я не могу не думать о будущем, которого у нас нет. Мне уже сейчас больно расставаться с тобой, а что будет через месяц? Через год?

– Никто не знает, что ждет нас через месяц или через год, – прошептал он, едва шевеля посиневшими губами. – Возможно у нас с тобой не будет и завтра. Поэтому так важен каждый миг вместе.

Он склонился ко мне, обжигая мой лоб ледяным поцелу-

ем.

– И я хочу, чтобы этот каждый миг моей жизни был с тобой. Сколько нам осталось? Минута? Пять? А если повезет, то и месяц. Целый месяц, минута за минутой я буду любить тебя, жить тобой, думать только о тебе. Не лишай меня этого, прошу. Позволь мне прожить с тобой эту минуту. А о будущем подумаем тогда, когда оно настанет.

Я тихо всхлипнула, прижимаясь к нему сильнее, обхватила руками, пытаюсь унять его дрожь. Прижала голову к груди, слушая стук его сердца. Рванный, неравномерный, то затихающий, то ускоряющий свой ритм. Мне это очень не понравилось. Я подняла голову, вглядываясь в его бледное лицо и закрытые глаза, и тут что-то теплое плюхнулось мне на лоб. Отерла его рукой, увидела бурые разводы и ахнула.

– Кровь! Опять?

– Откат, – прошептал непонятное Его Светлость и стал заваливаться назад.

С трудом удержала его мощное тело, не дав ему рухнуть мешком на пол. Кое как уложила на доски, стянула с кровати подушку, подпихнула ему под голову. Как остановить ему кровь – я знала, а вот что делать с этим самым «откатом» – понятия не имела.

– Какого, блин, черта?! Какой еще «откат»? Что мне делать?!

– В кармане... В сердце... – прошептал он чуть слышно, и провалился в беспамятство.

– В кармане. В кармане, – я зашарила руками по карманам кителя. Левый – ничего. Правый – ничего. – В каком, блин, кармане???

Ах, ты ж, черт! Есть же еще потайной. Я быстро ощупала руками его грудь и действительно обнаружила что-то продолговатой формы. Схватилась за пуговицы кителя, негнушимися от страха пальцами начала расстегивать их одну за другой. Ну почему они все такие тугие и скользкие! Так достаточно. Запустила руку за пазуху, нащупывая карман. Выдернула на свет жестяную коробочку. Повертела, пытаюсь понять, как вообще это открывается, нашла защелку, дернула. В коробочке обнаружила стеклянный шприц и ампулу с неизвестным препаратом. Быстро насадила иглу на шприц. Разломила ампулу. Набрала препарат в шприц. Спустила воздух. Так, что теперь? Энжью сказал – в сердце. Значит, в сердце! Распахнула побольше китель. Рванула полы рубашки. Ощупала грудь, выбирая место и с силой всадила туда иглу. Надавила на поршень. Так, все. Отбросила шприц в сторону. Он жалобно звякнул, разбиваясь. Плевать. Новый найду. Потерла лицо руками, выдыхая напряжение и подавляя панику. От страха сердце грохотало прямо в ушах. Теперь осталось только ждать, а это невыносимо.

– Ну же! Давай уже, очнись! – но мужчина все также не приходил в себя. Я всхлипнула, утерла со щек дорожки слез и положила голову ему на грудь. Аритмия прекратилась, но дыхание едва прослушивалось. Надо было бы встать, укрыть

его пледом, но я так и осталась лежать на полу, прижавшись к его груди, не замечая, как слезы медленно скатываются мне под щеку.

Кажется, от пережитого ужаса я совсем онемела и потеряла чувствительность, потому что не сразу заметила, что его рука тихонько гладит меня по голове. А когда почувствовала, вскинулась, увидела его слабую улыбку и вдруг заревела в голос, поддавшись накотившей истерике. Ревела долго и со вкусом. Утирала слезы, смотрела на любимое лицо и начинала все с начала. А он все гладил меня по голове и шептал:

– Не уходи. Не бросай меня. Прошу. Не уходи...

И я не ушла, видит бог! Прожила с ним каждую минуту этого дня, и следующего, и еще, и еще...

Этой ночью сон будто нарочно избегал меня. На какой бы бок я не повернулась, в голове тут же начинала настойчиво свербеть одна и та же тревожная мысль.

Все не давали мне покоя эти странные «откаты» Его Светлости с ознобом, кровотечением и потерей сознания. И главное, не было никаких предвестников начинающегося приступа. А значит и наступить он может совершенно внезапно, а я опять буду к нему не готова!

– Колин! – тишина.

– Ваша Светлость! – толкнула я его в бок. – Ты спишь?

– Сплю.

– Не спи!

– Эх, – тяжело вздохнул он. – Все равно сплю.

– Я понимаю, ты устал, хочешь спать, но я должна знать!

– Успокойся. У меня с ней ничего не было, – пробормотал он сонно и плотнее придвинул к себе под бок мою тушку.

– С кем?

– А ты о ком?

– Ну теперь уже и сама не знаю.

– Тогда тем более спи.

– Нет, я должна знать!

– Может утром узнаешь?

– Нет! Я уже извелась вся, спать не могу!

– Фух! – выдохнул он и откатился на спину. Подтянулся повыше, облакачиваясь спиной о спинку кровати и потер ладонями заспанное лицо. – Ясно.

– Пойми, а вдруг это важно?! Ведь этот приступ может случиться с тобой в любую минуту! Может тебе нужна срочная помощь или госпитализация?!

– Какой приступ? – нахмурился он.

– Ну этот твой «откат». Кровотечение, судороги, потеря сознания. Может быть это болезнь какая-то страшная, а ты и не знаешь? Вдруг это случится с тобой прямо сейчас? – и я кинулась щупать его хмурый лоб и прикладывать ухо к груди, считая удары сердца.

– Если ты сдвинешься еще немного ниже, то прямо сейчас у нас с тобой случится спонтанный секс, – пророкотал он, и стал шутливо подталкивать мою голову к своему прикрито-

му одеялом паху.

– Да ну тебя! – вскинулась я. – Я же серьезно переживаю за тебя. Вдруг ты серьезно болен?

– Да не какая это не болезнь, – вздохнув, заявил он, и подтянув меня к себе поближе, пристроил мою голову себе на плечо.

– А что же?

– Это расплата.

– За что? – опять подняла я свою лохматую голову.

– А это уже военная тайна! – он чмокнул меня в нос и опять прижал к себе.

– Да я же серьезно, а ты все шуточки шутишь! – обиделась я и начала отползать в сторону.

– И я серьезно, – не дал он мне далеко уйти, и обхватив ладонями мое лицо, посмотрел в глаза. – Если ты кому-нибудь скажешь об этом, мне придется тебя убить.

Я удивлённо вскинула брови: он что, серьезно? Походу, да. У меня аж мороз по коже прошелся, представив, что он это сделает. И ведь делает же! А так ли уж важно мне знать эту его тайну?

– Потому что это не только моя тайна, эта тайна государственной важности, и от нее зависят жизни многих людей, – его ладони плавно скользнули по моим плечам вниз до кончиков пальцев, и легонько сжали их.

– Пусть так. Я понимаю. Но если от этого зависит и твоя жизнь, то я должна знать. Чтобы, случись это вновь, я смогла

бы все предотвратить.

– А это не от тебя зависит, – Колин поднял мои ладони к своему лицу и нежно поцеловал каждый пальчик.

– А от кого? От тебя?

– Угу, – буркнул он и, спустившись на подушку, притянул меня себе на грудь. – Я знаю, до вас неоднократно доходили слухи о том, что на Зоране члены королевской семьи обладают невероятными сверхспособностями. Я прав?

– Пф-ф! – фыркнула я. – Так это же сказки!

– Если бы! Но нет. Это действительно так, – я недоверчиво уставилась в его глаза. – Но у каждого человека они уникальны.

– То есть твоя сверхспособность – это устраивать по желанию этот самый «откат»?

Его глаза вдруг изумленно распахнулись, и он засмеялся. Искренне так, хорошо. А когда успокоился сказал:

– Моя сверхспособность – возвращать время.

– Чего?!

– Помнишь ту ночь, когда ты пришла ко мне в кабинет с бутылкой вина и пыталась меня соблазнить?

– Ну, было дело. Шла я с такими намерениями, да, но тебе было так плохо из-за контузии, что пришлось тебя срочно лечить, а не соблазнять.

– Это было следствие отката. В ту ночь мне дважды пришлось возвращать твое время.

– Эм... Как?... Зачем?

– В первый раз я не совсем понял твои намерения и потому был нерешителен, сдержан – и ты ушла. Во второй, наоборот, был слишком настойчив и испугал тебя – и ты опять ушла. А потом наступил откат.

А я вдруг вспомнила то мощнейшее чувство дежавю, что накрыло меня тогда в его кабинете при взгляде на исчерканную карту.

– Так, погоди! Ты не разыгрываешь меня? – я решительно вырвалась из его объятий и уселась на кровати, поджав ноги и нервно комкая простыню на груди. – Так это что, правда?! То есть ты правда можешь менять время?! Ты серьезно?! Что, правда?! Честно-честно?! Не врешь?! Точно?!

Вау! Нет, не так... ВАУ!!! ОХРЕНЕТЬ!!! ВОТ ЭТО ВЕЩЬ!!! ВОТ ЭТО ВОЗМОЖНОСТИ!!!

– Да с такими возможностями столько всего можно сделать! Это же считай всю жизнь прожить заново! Сколько ошибок можно исправить! Прикинь, не сдал нормативку, отыграл все назад и вуаля! Или завалил экзамен... или кошка любимая под машину попала, а ты хоп! и спас ее в последний момент, – в голове бурлило еще множество восхитительных идей, как можно еще использовать такие невероятные способности, но... (всегда и везде есть это «НО» – это классика жанра, если все просто круто и замечательно, то всегда в этой бочке меда найдется ложка дегтя!), – А как часто можно вот так вот поворачивать время?

– Да сколько угодно...

ВА-А-А-У!!!

– ...пока не помрешь от отката.

Упс. (Ну, я же говорила!)

– Так, – захлопала я ресницами, спускаясь с небес на землю, – то есть этот твой последний откат, когда ты чуть коньки не отбросил...

– Что не отбросил? – переспросил он. Видимо у них в языке нет такого понятия.

– ...когда ты чуть не умер, – перефразировала я, – ты тоже менял время?

– Это когда ты сбежать от меня хотела?

«Угу-угу», – закивала я головой. – И сколько раз?

– Не помню. Раза три или четыре.

– Ого! Видимо я была решительно настроена.

– Не то слово! По уху мне дала.

– Серьезно? А я-то все голову ломала чего ты такой грязный и злой, и откуда про мой побег узнал! Я же никому не говорила про это, вообще спонтанно все вышло. Подумала, ты телепат.

Он засмеялся и щелкнул меня по носу. А я вдруг вспомнила в каком состоянии он тогда находился, и сердечко ёкнуло, сжимаясь от боли. Это же все была моя вина. За что я так с ним?

– И зачем ты так мучаешься со мной? – задала я риторический вопрос.

– Чтобы ты была рядом, – все же ответил он, и запустив

пальцы мне в волосы, потянулся ко мне. Его губы коснулись век, спустились по щеке, поцеловали уголок рта, затем вверх на висок, и замерли там. – Только это важно. Остальное переживем.

Я молчала, прижималась к нему, гладила по спине и думала о том, чем мы готовы жертвовать ради других. Это только в книжках и кино все слишком из себя «героические» герои легко расстаются со своей жизнью, спасая группку незнакомых людей, а в реале и бутерброд зажимим, лишь бы другим не достался. А я бы вот так смогла бы, как он? Ради него? Наверное, да, будь у меня такие же сверхспособности.

– Слушай, а твой отец тоже может возвращать время? У вас эти способности по наследству передаются?

– Способности передаются по крови, все потомки, в ком течет императорская кровь, имеют какие-либо способности, но чем меньше доля крови, тем реже они проявляются. К слову, у наших с тобой детей они могут проявиться пятьдесят на пятьдесят. Но что это будут за способности, может знать только император. Это его отличие от нас, сила его власти. Я не знаю, какими способностями обладает мой отец, он не знает о моих. Это запретная тема. Только император Кримп знает о нас все. Знает, как воздействовать на нас и как блокировать наши возможности.

– Но почему так? Зачем вы скрываете это друг от друга?

– Потому что это приведет к междоусобной войне. Так уже было на заре становления государства. Много тысяч лет

назад. Ведь наши сверхспособности – это, по сути, мутация, завязанная на определенном гене в крови. Когда-то давным-давно такой вот мутант пришел к власти, с помощью своих способностей уничтожил всех своих соперников и основал императорскую династию. Его дети унаследовали его ген, и обладая сверхсилами, едва не перебили друг друга, стремясь подмять под себя земли братьев. Смутное время. Тяжелое. Оно отбросило нас в развитии на тысячу лет назад. Сжигались целые селения, города, области. Брат убивал брата, вырезая под корень всю его семью. И так длилось многие и многие поколения, пока один умный человек не научился управлять этим геном. Он нашел способ блокировать его. И сейчас только император обладает этим знанием. Он единственный, кто может блокировать наши способности по отношению друг к другу. Мы не видим, какими силами обладает другой носитель гена, и не можем воздействовать на него своими возможностями. Мы не видим слабых и сильных сторон оппонента, не можем создать коалиции против других. Это значительно снижает агрессивность, – Колин отстранился и серьезно посмотрел мне в глаза. – На разглашение этой информации у нас наложено вето. То есть, по сути, сейчас я подписал нам с тобой смертный приговор. Ты понимаешь меня?

Он дождался моего кивка и добавил:

– Если ты не уверена, что сможешь держать это в себе и не проболтаться ненароком, или не готова к этому знанию, оно

вызывает дискомфорт или пугает тебя, я могу сейчас просто перевести стрелки назад, будто бы этого разговора у нас с тобой не было. Так как?

Я замотала головой, прекрасно осознавая всю долю ответственности, что он возложил на меня, и испытала безмерную благодарность за его доверие ко мне. Не это ли то самое главное, что связывает двух людей, заставляя их более бережно относиться друг к другу? Разве не за это мы любим и ценим друг друга?

– Единственный человек, о чьих способностях мне известно, – продолжил тем временем Колин, – это Бриан Слейко, лидер повстанцев. Император сам раскрыл нам его возможности, чтобы мы могли наиболее эффективно бороться с ним. Однако что-то не очень у нас получается. Два года уже воюем, да только линию фронта двигаем туда-сюда на пару километров.

– А какие у Бриана способности? – спросила я и засомневалась, а можно ли мне об этом знать.

– Он может проходить сквозь предметы. Любые предметы. Металл, стекло, камень, ткань, дерево.

– Вот это ж ни фига себе! Это ж какие возможности! Да его же ни одна тюрьма не удержит!

– Возможно, у него и есть уязвимое место, но нам о нем ничего не известно. Возможно, его можно убить прямым попаданием в сердце или отрезав ему голову, например, но до него же еще нужно добраться. Он постоянно меняет место

своей дислокации.

Ну да, им-то еще ничего не известно о ковровой бомбардировке, об ядерном взрыве, о биологическом оружии массового поражения, о планетарной бомбе и многих других эффективных способах убийства. А я даже и заикаться об этих вещах не буду.

– А вот мне все-таки интересно, – сменила я тему, – а если этот ваш ген подсадить простому человеку, сможет ли он развить в себе сверхспособности?

– Я не понимаю, как это «подсадить» ген?

– Ну с помощью генной инженерии. Это операция такая.

– У вас в Конфедерации такое могут?

– У нас там много что могут, и почку новую вырастить, и человека клонировать, и овцу с двумя головами.

– Зачем ей две головы?

– Мутант!

– Хм. Ясно. Ну на счет подсадить ген и будут ли способности, я ничего сказать не могу. У нас он передается естественным, так сказать, путем, – заключил он и поцеловал меня в ушко. Потом шейку. Потом плечико, ключицу и спустился на грудь. – Кстати, на счет детей. Мы давно уже вместе, и... Как ты себя чувствуешь?

– Эм... Оу... Ты хочешь спросить, не беременна ли я?

– Очень хочу, – мне показалось это прозвучало как-то двусмысленно, нет?

– Не переживай! – успокоила я его. – У меня блок стоит на

пять лет. Он нарушает фертильность и подавляет менструальный цикл. У нас с тобой впереди еще два года безопасного секса.

– Ясно, – сухо сказал он, вновь целуя мне шейку и чуть прикусывая плечо. – Ну если нет детей, то может пока потренируемся их делать?

Тренироваться – это я всегда! Тренироваться я люблю...

Вечером я подловила Энжью на тренировочной площадке (он там с ребятами по траве катался, примерно как мы с ним в деревеньке заброшенной в палисадничке) и долго любовалась красивыми мужскими телами. Ну и пару приемчиков подглядела, тут же отработав их на манекенах. А когда все разошлись, подхватила Его Светлость под локоток и уволокла в дальний угол за сараи. Не целоваться, нет! Мне все покоя не давали его способности менять время.

– Как ты себя чувствуешь? – зашла я издалека.

– К чему этот вопрос? – удивленно заломил он бровь.

– Может, ты устал, или у тебя болит что-нибудь?

– Ты сомневаешься в моей выносливости, девочка? – сграбастав меня за талию, он прижал меня к своему обнаженному торсу.

– То есть чувствуешь ты себя прекрасно? – не унималась я, скользя ладонями по его груди.

– Так, что ты задумала? – строго спросил он.

– Я понимаю, что я наглая, настырная и приставучая осо-

ба, – запела я, выкручиваясь ужом из его крепких объятий, – но я должна знать, как ты это делаешь! Я понимаю, что это уже тянет не только на расстрел, но и на четвертование, но давай ты мне сначала покажешь, а потом убьешь, а? А то вдруг меня казнят уже завтра, а я так и не узнаю, как ты это делаешь!

– Хм, – нахмурился он, и огляделся по сторонам, – давай попробуем так...

Взял меня за руку и потащил к двери склада. Дернул дверцу, срывая хлипкий замочек, и зашел внутрь. Осмотрел помещение, нашел какую-то грязную тряпку и стал прилаживать ее мне на голову.

– Это еще зачем? – возмущенно отмахнулась я.

– Для чистоты эксперимента. Не мешай!

Сделав свое грязное дело, от отошел от меня на шаг, полюбовался долю секунды, потом посмотрел на свои огромные наручные часы, подкрутил там стрелки и...

Я продолжала стоять посередине сарая, ожидая непонятно чего.

И тут дверь распахнулась, и вошел Колин. Глянул на меня и, усмехнувшись, сказал:

– Миленький у тебя головной убор. Ты зачем эту тряпку на голову натянула?

– Какую тряпку? – подняла я руку, сдернула с головы грязную ветошь и брезгливо отшвырнула в сторону. – Фу, гадость какая! Как она вообще у меня на голове оказалась?!

– А ты помнишь, зачем мы вообще сюда пришли?

– Ну, ты мне показать хотел, как ты время поворачиваешь
вспять.

– И как, показал?

– Наверно. Я не знаю.

– Что ты помнишь из последних минут?

– Эм, я попросила тебя показать мне, как ты умеешь возвращать время. Мы зашли в этот сарай. Ты сказал «жди здесь» и ушел.

– Я точно это сказал?

– Но ты же ушел! Зачем-то оставил меня здесь одну. И я ждала. Значит, сказал «жди здесь».

– А я точно уходил?

– Но я же стояла в сарае одна! Значит, ты ушел. Разве не логично? А ты сам не помнишь, что ли?

– В том то и дело, что нет. Если я возвращаю время относительно себя, то все события последних минут для меня пропадают, будто их никогда и не было.

– Но для меня время не менялось! Значит, я должна все помнить. Ты сказал мне «жди здесь» и ушел. Потом зашел и сказал, какой у меня миленький головной убор.

– Кстати, ты зачем эту тряпку на голову надела?

– Да фиг его знает! Наверно, для чистоты эксперимента.

– Ты помнишь, как ее надевала? Показать можешь? – и он протянул мне ветошь. Я посмотрела на нее брезгливо, взяла за кончик двумя пальчиками и задумалась, пытаюсь вспом-

нить.

– Скажи мне, ты вообще по собственному желанию надела бы эту тряпку себе на голову?

– Да ни за что! – отшвырнула я несчастную тряпицу прочь.

– Вот и мне так кажется. Скорее всего, эту тряпку тебе на голову повязал я.

– А потом сказал «жди меня здесь» и ушел.

– Не уверен. По-моему, я вообще ничего не говорил и не уходил.

– Почему ты так думаешь? – я придирчиво осмотрела свои руки на наличие грязи и на всякий случай отерла их о штаны.

– Потому что если бы мы проводили эксперимент, то я бы поступил следующим образом: повязал бы тебе тряпку, и ничего не говоря, открутил бы время назад.

– Но я же стояла в сарае одна! И ждала тебя. С тряпкой на голове. Значит, ты сказал мне стоять и ждать с тряпкой на голове. Как еще все это можно разумно объяснить?!

– В том-то и дело, что твой разум ищет логичные объяснения случившемуся, и достраивает вымышленные, но наиболее вероятные события в образовавшиеся пробелы. Да, время я менял относительно себя, поэтому-то меня и перенесло в другое место, туда, где я был на тот момент времени. Но поскольку мое перемещение косвенно касалось и тебя, то твой разум построил свой сценарий событий, который тебе кажется наиболее логичным и вероятным.

– А куда тебя перенесло? Какая у тебя была версия реальности?

– Пойдем, – взяв меня за руку, мы вышли из сарая и остановились за углом. – Мы стояли здесь.

– Да.

– Потом ты пошла в сарай. Я пошел следом. Но когда вошел, то увидел тебя с тряпкой на голове и удивился.

– Мда, дела... – я взяла его под руку, и мы неспешным шагом направились к полигону за его одеждой.

– По молодости я много экспериментировал со временем. Поэтому могу точно сказать, что доверять нужно прежде всего своей интуиции. Если для тебя не типично обвязывать голову грязной тряпкой, значит, ты этого скорее всего не делала. Но если ты все же обвязываешь грязной тряпкой голову, то всегда делаешь это определенным образом, определенными движениями, и завязываешь зачастую определенным узлом, эти движения для тебя привычны, тогда твое тело само должно помнить их и повторять на автомате. Но, поскольку ты не носишь на голове тряпку и не завязываешь ее определенным узлом, твое тело не смогло этого вспомнить и повторить, то можно сделать вывод, что ты не надевала тряпку на голову – это сделал я.

Время – вообще понятие относительное. Иногда нам кажется, оно тянется бесконечно долго, а иной раз не успеешь оглянуться, а уже ночь за окном.

– То есть получается, если я вышла из комнаты в двена-

дцать часов и провела у тебя полчаса, а потом ты открутил мое время обратно, то у тебя и у меня время на часах будет двенадцать тридцать?

– Да. На наших часах оно не изменится, как шло, так и идет дальше. Просто ты будешь думать, что вышла из комнаты не в двенадцать, а в двенадцать тридцать. Твой разум подстроится под новую реальность и выстроит новую цепочку вероятных событий.

– А если вернуть время не на час, а на день или два?

– Это уже гораздо сложнее. В этом случае придется изменить слишком много взаимосвязанных между собой факторов. И переключить реальности гораздо большего числа людей, что были во взаимодействии с тобой в этот период времени. Боюсь, откат при данных обстоятельствах станет для меня летальным.

– Значит, чем больше период открученного назад времени и чем чаще ты это делаешь, тем сильнее бьет по тебе откат?

– Верно, – грустно улыбнулся он.

– А как же память? – все не унималась я. – Почему ты не помнишь, как все было? Почему тогда в комнате, возвращая время раз за разом, ты помнил все прошлые события, а сейчас забыл?

– Потому что сейчас я возвращал свое время и перекраивал свою версию событий, поэтому все старое стерлось из моей памяти. Ведь по сути этого прошлого у меня и не было. А когда я возвращаю чужое время, это не касается мо-

ей памяти, моя реальность не меняется, потому что Я управляю этим процессом. Реальность меняется только для другого человека. А я являюсь, как бы это сказать... «хозяином» его времени.

И так это пафосно прозвучало, что я хихикнула, и, сделав книксен, воскликнула:

– О, великий и могучий Повелитель времени, позвольте задать вам еще один маленький вопросик?

– Задавай, – великодушно разрешил он и усмехнулся мне одним уголком губ.

– Скажите пожалуйста, а вам для этого процесса обязательно нужны часы?

– Любой прибор, отмеряющий время. Но часы со стрелкой удобнее всего, – и он продемонстрировал мне свои наградные «куранты» на запястье. – Время возвращают не часы, а я, примерно представляя, в какой момент прошлого я бы хотел вернуться. А часы позволяют более точно определить этот отрезок времени.

– А если у тебя нет часов? Если их украли? Сломали? А если тебе руки связали, и ты не можешь открутить стрелки?

– А на эти «если» я отвечать не подрыжался, – и, схватив меня за руку, прижал к себе, целуя волосы.

– Ну, а все же, – запрокинув голову, не сдавалась я, – если у тебя нет под рукой часов, как тогда?

– Тогда я создам их сам. Из капель воды, из мелкой гальки, из крупинок песка... – его глаза притягивали меня как

магнит, я потянулась к нему, поднимаясь все выше и выше на носочки. Я обхватила его руками за шею, вынуждая склониться ко мне еще ниже, я тонула во тьме его глаз, замороженная его тихим голосом, – из взмахов ресниц, из биения пульса, из ударов сердца... дыхания...

А потом наши губы встретились, и весь мир провалился в бездну.

Глава 14

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт, три дня спустя.

– Да что такое! – возмутился я и откинулся на спинку стула. Проклятый компьютер никак не хотел работать. Уже второй раз за сегодняшний день то капризничал, то упрямылся. Экран его то мигал, то рябью шел, то зигзагами изгалялся. А теперь вот вообще взял и почернел.

Постучал по коробке монитора. Пнул ногой в громоздкий системный блок. Пощелкал мышью. Ничего не помогло.

– Да твою ж мать!

У меня там сложный тактический расчет пропал! А я даже не записался!

– Ваша Светлость! – стукнув для приличия в дверь, гаркнул дневальный.

– А?

Ёшкин кот, это ж теперь все заново начинать! Все ходы по новой выстраивать!

– У нас связь пропала, Ваша Светлость!

Да какая, блин, связь! Мне вот придется с самого начала весь пасьянс выкладывать, а у него все связи какие-то! Два дня над ним голову ломал!

– Какая связь?

– Всякая.

– Так. Доложите по существу, – встав из-за стола, я деловито приосанился и оправил китель.

– Связь не работает, Ваша Светлость. Телефон отключился.

– Так-так, – я задумчиво постучал пальцами по столешнице, бросил взгляд на темный экран монитора... В голове мелькнула какая-то дельная мысль, но быстро пропала. Зарр-аза. – Техника ко мне сюда тащи. И отправьте человека кабели проверить. Возможно замыкание, или крысы провод перегрызли.

– Есть! – козырнул он и скрылся.

Подойдя к окну, я отодвинул занавеску и с чувством легкой досады за свои потери стал наблюдать, как машут на плацу метлами солдаты, размазывая по брусчатке лужи, и как вторая рота отработывала окапывание, особенно рьяно прорываясь в сторону столовой, да сержант гонял свое отделение на полосе препятствий, подпихивая палкой тех, кто застревал на стенке. Обычный будничным день. Будто и нет никакой войны.

Третий месяц затишья. Никаких боевых действий. Кримп чего-то выжидает. Бриан окопался в горах и сидит там, как мышь в норе. Мир, тишь да благодать.

В тот момент я еще не предполагал, какая карусель закрутится здесь буквально через несколько минут, и не смог в полной мере оценить тишину и комфорт этого мгновения. И уж точно я не мог и представить, каким испытанием закон-

чится для меня вся эта история...

Распахнув дверь, в кабинет влетел начальник караула, осмотрелся по сторонам, увидел мою мрачную фигуру у окна и, чеканя шаг, приблизился.

– Ваша Светлость! Разрешите доложить!

– Докладывай.

– Ваша Светлость, электричества нет. У нас все камеры наблюдения и мониторы отключились. Связь не работает.

– Света нет? Хм... И связи нет. Странно. Вот что: усильте периметр пока не восстановим подачу электричества. Наблюдателей на вышки отправьте и на места, где камеры отключились. Охрану у ворот удвойте. И да, генератор подключите к камерам.

– Есть! – усердно выслуживаясь, гаркнул он и, шелкнув каблуками, промаршировал на выход, тихо бубня про себя все мои указания, однако в проходе его едва не снес взъерошенный князь Фрейко и сбил со счета.

– Ваша Светлость! – один ус у князя печально провис и подпрыгнул, когда тот энергично затряс головой в крайнем возмущении (Ого! Видимо, случилось что-то действительно серьезное, раз у него такая проблема с усами). – Ваша Светлость! Света нет! Что за безобразие!

– Успокойтесь, князь. Мы решаем эту проблему. И... что у вас с усами?

Фрейко дернулся, скосил глаза на кончик носа, схватился рукой за свой обвисший ус, густо покраснел и, пробормотав

невнятные извинения, рванул прочь.

Однако ж князь никак не мог уйти нормально и, естественно, столкнулся в дверях уже с Олменом, но тут же отскочил от него как ошпаренный и рыбкой юркнул в дверной проем. Отлично, от одного паникера избавились.

Олмен недоуменно посмотрел ему вслед, пожал плечами и повернулся ко мне.

– Ваша Светлость! Разрешите доложить!

– Докладывай, – обреченно сказал я.

– Ваша Светлость, электричества нет, приборы не работают. Приказал подключить генераторы, но их на долго не хватит. Радары помехами забивает что-то. Радио барахлит, ничего не разобрать, сплошной треск и шуршание идет.

– Ваша Светлость! Разрешите доложить! – ввалился в комнату адъютант.

– А что, еще осталось что докладывать?

– Электричества нет, Ваша Светлость! Телефон не работает. Радио не работает...

– Господин герцог! Что случилось? – о, а вот и техник наш пожаловал, – Я не могу выйти в инфрасеть! Что за ерунда?

Опаньки! Вот это новости! Да сегодня просто день невероятных открытий!

– У вас есть выход в инфрасеть?! – так проникновенно и вкрадчиво переспросил я, понижая голос, что тощий техник испуганно дернулся. То есть эти конфедераты имеют доступ к инфрасети, а я ни сном, ни духом?! – Та-а-а-к, интерес-

ненькое дело.

– Эм, э-э-э... Ну, у меня узкий канал... Ограниченный доступ. Низкая скорость. Высокая абонентская плата... – изворачиваясь ужом, залепетал он какую-то белиберду, воровато бегая глазками.

– Так. С инфрасетью после разберемся. Что у нас с оборудованием?

– Так это... Электричества нет!

– Я в курсе! Почему нет?

– Ну, на электростанции, думаю, что-то случилось... крысы кабель сожрали...

– Так бегом марш туда и устраняйте причину. БЫСТРО!

– Есть, – пискнул он и смылся.

– Ты, – ткнул я пальцем в адъютанта, – Разбуди князя Таффа, доложи ему обстановку и пусть идет сюда.

Выслушивать еще и вопли Таффа про отсутствие электричества у меня не было никакого желания.

– Есть! – гаркнул он и ретировался. Так, проредили обстановку. Кого еще можно выгнать?

Обернулся к Олмену:

– Выпиши со склада топливо для генераторов. Все оборудование, что сейчас не актуально, отключай.

– Есть! – поддавшись общему порыву, выдал князь и скосил глаза на дверь. Там, прислонившись плечом к косяку, стояла Нина.

Махнул ей рукой, приглашая зайти и уточнил:

– Надеюсь, вы уже в курсе о случившемся ЧП? – а у самого в глазах мольба: «Ну хоть ты-то не говори мне про электричество!»

– Да тут на каждом углу вопли слышны, что света нет и кислород, ироды, перекрыли, – прошла она к столу, походя приветственно кивая князю и кидая ему едва заметную улыбку. А я прищурился, ощутив мелкий укол ревности. Неприятно. Надо что-то с этим делать, иначе скоро на всех встречных кидаться начну.

– Господа! Что у нас со светом? Почему нет электричества? – вот и Таффа проснулся.

Я же, поджав челюсть, свирепо зыркнул на адъютанта. Тот втянул голову в плечи и, состроив виноватую рожу, поспешно закрыл дверь. С той стороны. Бес-с-столочь.

– Нету света. Крысы сожрали, – зло бросил я. Как они меня все достали уже с этим светом!

– Что сожрали? Электричество? – недоуменно переспросил Таффа.

– Кабель!

– Так может и радио тоже они... – выдвинул свою гипотезу Олмен.

– Что?

– Жрут. Ну а чего оно все время трещит и шуршит?!

И тут я услышал чье-то сдавленное хрюканье и обернулся. Едва вздрагивая плечами и зажимая ладошкой рот, Нина всеми силами сдерживала рвущийся наружу смех.

– А радары помехами тоже крысы забивают? – ехидно уточнил я.

– Ну, если рассматривать проблему гипотетически, то крысы, конечно, животные умные, могли бы уже за столько лет эволюции и научиться генерировать радиоволны на определенной частоте. Но для этого им еще нужно было заслать к нам резидента, чтобы он выяснил, на какой частоте работают наши радары, – внесла свою лепту в общий раздразней мышлей ухмыляющаяся егоза. А потом ухмылка медленно сползла с ее лица, сменившись озабоченностью.

– Что? – встревоженный сменой ее настроения, спросил я.

– Думаю, гипотеза насчет засланной крысы не так уж и далека от истины.

– Ой, да ну что вы все голову нам дурите! – возмутился Таффа. – Какие засланные крысы? Что вы все ерунду городите!

– А что у нас с крысами? – отозвался с порога князь Фрейко. Тьфу ты черт, опять приперся! И ус подкрутить успел. – Откуда вообще им взяться? Я их давеча всех перетравил, поэтому точно могу сказать – никаких засланных крыс у нас нет!

– Госпожа Климова просто хотела пошутить, – вступился за девушку Олмен. Защитничек нашелся на мою голову...

– Ваша Светлость! – просунул голову в дверь адъютант. – Разрешите доложить!

Ну что еще случилось?! Воду отключили?

– Входи. Докладывай.

– Подстанцию осмотрели. Техник говорит на трансформаторную электричество не поступает. Кабель, видимо, перебит.

– Крысы... – услышал я тихий девичий шёпот.

– А где сам техник? Почему не пришёл с докладом?

– Не могу знать!

– Тащи его сюда! Он мне еще за инфрасеть ответить должен.

– Есть!

– А что с инфрасетью? – встрепенулась девушка и полезла за пазуху за своим планшетом.

– У тебя тоже был выход в инфрасеть? – ох как недобро спросил я, прищурившись.

– Мда... именно что «был», – обреченно выдохнула она, ковыряясь в устройстве.

– Полагаю – это диверсия, – выдвинул свое предположение князь Олмен.

– Обесточить нас и лишить связи? Но зачем? Повстанцы готовят нападение? – задался вопросами князь Фрейко. – Да даже и без связи мы сможем отбить нападение, у нас достаточно людей. Для того, чтобы стрелять, им электричество не нужно!

– Без электричества мы как слепые котята, – возразил ему Олмен. – Ни радаров, ни системы наведения, ни радиосвязи нет. Как можно воевать в таких условиях?

– Как в старину воевали! – гаркнул князь Таффа. – Избавались совсем! Радио им подавай да ком-пю-те-ры! Без радара и в бой не пойдём! А то ж мы совсем слепые, без радара противника не увидим, пока он нам штык в пузо не загонит!

– Но как им удалось установить помехи на радар и перерубить кабель? Откуда они узнали нашу частоту, и где кабеля проложены? – умеет же Олмен задавать правильные вопросы.

– Крысы... – тихо проговорила Нина. – Крысы.

– Да что вы все заладили со своими крысами! – взвелся Таффа. – Ваши шутки уже устарели! Лучше дельное что скажите!

Откинувшись на спинку стула, девушка демонстративно закинула ногу на ногу, оправила юбочку и вздохнула:

– Крысами у нас в Конфедерации называют предателей. Это те, кто передал повстанцам схемы прокладки кабелей и частоту вашей радиоволны. Которую теперь и подавляют глушильной установкой. Так что ищите крысу, господа.

И тут дверь распахнулась и ввалился запыхавшийся адъютант:

– Убег! Ваша Светлость! Убег технарь проклятый!

Глава 15

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

– Убег! Ваша Светлость! Убег технарь проклятый!

– Тьфу, ты! Чертовы конфедераты, – сплюнул Фрейко, а потом испуганно крикнул, вспомнив обо мне.

Забегая немного вперед, надо отметить, что техник на самом деле был ни в чем не виноват. Просто, испугавшись монаршего гнева, т. е. Нашей Светлости, за сокрытый доступ к инфрасети решил отсидеться пару дней у любовницы, выжидая, когда утихнет буря. И даже не предполагал, какие последствия вызвал его поступок.

Пока «Энжью и Ко» разруливали весь начавшийся после этого бедлам, я все пыталась понять, зачем повстанцам понадобилось глушить наши радары. Самолетов у них тут нет. Танки еще на стадии разработки. Пушки допотопные, даже противооткатного устройства не имеют. Да и радары – и те слабенькие, максимум на 50 км видят. Чего же там повстанцы прячут такое глобальное, ради чего стоило устраивать эту массовую диверсию?

И тут я вспомнила про схроны. Много там было оборудования, предназначение которого я так сходу и не смогла определить. Возможно, это и была так называемая «глушилка». Еще мы обнаружили часть деталей, весьма похожих на

осадное орудие наподобие гаубицы. Для чего она им? Что они осаждают собрались?

Я уже не раз задавалась вопросом, почему в схроне был недокомплект деталей, и, полагаю, повстанцы перевозили оборудование по частям, малыми партиями, чтобы не привлекать внимание. Таких схронов, насколько я помню, в общей сумме мы нашли штук двенадцать. А сколько их еще осталось не найденных, даже предположить не могу. Надо бы мне еще разок пересмотреть список того, что нам удалось изъять.

– Ваша Светлость, – вскинула я голову, встречаясь с ним взглядом. Он тут же поднял ладонь, останавливая на полуслове разглагольствующего о чем-то важном князя Таффу, и кивнул мне. – Можно мне посмотреть перепись найденного в тайниках оборудования?

– Есть какие-то соображения? – тут же пронизательно поинтересовался он.

– Да. Но прежде хочу кое в чем убедиться.

Герцог долго и пристально всматривался мне в глаза, затем кивнул, заметив дрогнувшие в легкой улыбке губы, и обратился к усачу:

– Князь Фрейко, помогите госпоже Климовой со списком.

– А у меня там все записано, не беспокойтесь. Все до винтика учтено. Сам лично все проверил и пересчитал.

А чего это он так засуетился? Почуял, откуда ветер подул? То обзывает, то расшаркивается тут передо мной. Скользкий

он какой-то. Неприятный, в общем, типчик.

Ох уж в ангаре, куда свезли все найденное оборудование, я над ним и оторвалась! Раз пять прошлась по списку, сверив каждый патрон, раза три заставила перетащить все контейнеры с места на место, а то там света мало, маркировку не видно. Потом велела распределить все по разным кучкам и еще раз все пересчитать. А что? Каждый винтик счет любит. Вы не согласны? Конечно, согласны! Ведь в нашем деле главное что? Что, что? Главное, чтобы костюмчик сидел! Правильно? Вот! Всегда нужно стремиться к идеалу! А иначе же будет что? Бардак будет, правильно говорю, товарищи?

Он усердно кивал, соглашаясь со мной (ну еще бы!) и старательно все пересчитывал, сортируя по кучкам по пятому кругу. Сжалилась я над князем только тогда, когда к нам в ангар заглянул Энжью, обеспокоенный нашей долгой задержкой.

– Ну, что? – подошел он ко мне, печально осматривая учиненный мною бедлам. – Какие мысли?

– Вот смотрите... Это часть антенны, только без адаптера питания и опоры. А это – электромагнитный подавитель. Гораздо современнее того барахла, что используете вы. Он глушит сигналы ваших радаров на любой частоте. Думаю, именно такой глушилкой они нас и ослепили. А вот тут... – обратила я внимание герцога на другую кучу, – явно детали стрелкового орудия. Затворы, поворотные механизмы, при-

целы. Жаль, больше ничего не нашли, было бы проще определить и калибр, и дальнобойность этой пушки. Где же, интересно, они собираются все это монтировать? Тут же заводская сборка нужна. На коленке такое не соберешь. Но и это еще не самое интересное...

Подцепив господина герцога за руку, я поволокла его в сторону, туда, где на расстеленном брезенте лежало самое вкусное:

– Это ракетная установка.

– И что это значит?

– Это многозарядная пусковая установка для реактивных снарядов. Кучность стрельбы, конечно, низкая, зато покрывает большую площадь. В результате потери огромные. Страшная вещь, скажу я вам. Если повстанцы применят ее против нас, советую уже сейчас начинать строить противоракетные укрепления. Или хотя бы попытаться эвакуировать основную часть населения.

– Все так серьезно?

– Более чем. Но боюсь мы с вами уже не успеем сделать ни то, ни другое. Повстанцы уже пошли в наступление. Сегодняшняя диверсия со светом и связью – это лишь отвлечение от главного. Предполагаю, что в данный момент они занимаются тем, что спешно монтируют в своих подпольных заводиках вот такие вот ракетные установки. А чтобы мы не смогли их засечь и помешать их продвижению к границе, они обрубали нам связь и ослепили, используя вон то оборудо-

вание из первой и второй кучки. Поэтому радар барахлит, радио шуршит и нет инфрасети.

– Ясно. Можно определить, где находится их глушильная установка?

– Ваше оборудование не имеет такой возможности. Устаревшая модель. Вот если бы у нас был... Ай! Что толку жалеть о том, чего нет! – сокрушенно мотнула я головой. – Надо думать, что делать.

– Какой у нее радиус действия?

– Если бы я знала! Судя по антенне, полагаю километров двадцать. Если это вся антенна, а не маленькая ее часть.

– Хм... двадцать километров... иголка в сене... без спутника нам ее не найти.

И у меня сердце заныло от его слов. Если не найти подавитель в ближайшее время, мы все здесь обречены. А без взорванного спутника это сделать практически невозможно. Я прикрыла глаза, пару секунд справляясь с эмоциями, затем, украдкой от сновавших вокруг людей сжала его ладонь, переходя на шепот:

– Колин, объявляй эвакуацию. Спасай людей. Если у вас есть укрепленные подземные сооружения или бункеры, уходите туда. Подвалы, канализации, подземные пещеры, все что угодно, что поможет укрыться от артобстрела. Прячьтесь. Без геройства. У нас нет шансов против их ракет.

– Я уже направил отряды на поиск разрыва кабеля. Как только связь наладится, объявим сигнал тревоги. Вернемся

в штаб – отдам приказ готовиться к эвакуации. И... все же, направлю людей прочесывать местность. Может повезет...

Я знала, что надо делать. Это была моя работа, мне и флаг в руки – как говорят. Ведь от того, удастся мне или нет обнаружить злополучный подавитель, зависят жизни тысяч людей.

Но прежде всего нужно было подготовиться.

Натянула поглубже капюшон, до самых глаз, скрывая под ним антрацитовый оттенок крашенных волос. Цвет контактных линз выкрутила на максимально темный. С такой внешностью мне будет проще сойти за аборигена. Нос, правда, конопатый, но потом тоналкой замажу, сойдет, если пристально не вглядываться. А кому на меня вообще смотреть-то? Парень и парень. Мелкий еще, сопливый. Комбез мой любимый грязно зелененький хорошо фигуру скрывал. Даже распаханные по карманам «опасные игрушки» были не заметны под бесформенной курткой. Вместо рюкзака стянула у Энжью его вещмешок, с которым он по схронам ползал, запишала туда комплект сменной одежды местного кроя, взрывчатку, навигатор и еще кое-что по мелочи.

Выскользнуть из штаба не составило труда. Теперь нужно было пройти по позиции, не вызывая подозрений, и не встретить никого из знакомых ребят. Обогнув гаражи, вынырнула из-за угла и у складских помещений внезапно наткнулась на герцога в окружении нескольких ротных командиров. Они

хоть и стояли в отдалении у противоположного конца строения, но неудачно, лицом ко мне. Его Светлость тут же обратил на меня внимание, нацелив на мою тщедушную фигурку свой пристальный взгляд, но, по счастью, не окликнул. Я же дергаться и нырять обратно за угол не стала, не стоит вызывать лишние подозрения, а спокойно пошла дальше, зацепившись за Энжью взглядом.

Высокий, мужественный, красивый, сильный, добрый и ласковый. Мы так и смотрели в глаза друг другу, не в силах отвести взгляд. Ветер едва теребил темные прядки на его непокрытой голове. Поднятый воротник куртки щекотал шею короткими ворсинками меховой оторочки. Любимые нежные губы едва уловимо изогнулись в приветственной улыбке, а глаза, наоборот, смотрели внимательно, серьезно. Я так и прошла весь открытый участок до столовой под прицелом его глаз, глаза в глаза, страстно молясь, чтобы он ничего не заподозрил и не окликнул, или, еще хуже, не пошел за мной следом. Иначе все, конец моей вылазке. Запрет и слушать не станет моих аргументов. Но я шла не к воротам, и это должно было немного успокоить его бдительность.

Энжью проследил за мной до самых дверей столовой, убедился, что я благополучно вошла именно туда, и вновь обратил свое пристальное внимание на командиров. Нет, по моему, он все же телепат. Ну не мог же его насторожить мой вещмешок, в самом деле?

Юркнув в туалетную комнату, я уже отработанным действием выбралась через окно и проторенной ранее тропкой, пригнувшись за мусорной кучей, подлезла под забор. Этим узким подкопчиком, прорытым скорее всего каким-то местным животным, которого привлекал запах близкой помойки, я пользовалась уже не раз. Все дальнейшие пути отхода мне тоже были хорошо знакомы еще с первого дня пребывания. Вдоль забора ползком, прикрываясь кустиками, быстрой перебежкой в овраг, пока часовой не смотрит, затем по оврагу до ближайшего лесочка и там уже напрямик до первого населенного пункта. За ночь как раз управлюсь.

В харчевне затарюсь продуктами и выйду на связного.

Надеюсь, Его Светлость до вечера меня не хватится и в розыск не объявит.

Бежала практически всю ночь без остановок, лишь под утро урвала пару часов на сон, ибо уже просто валилась с ног от усталости. Там же в лесочке переделалась по местной моде и, натянув поглубже вязанную шапочку, припорошила пылью мордашу, чтоб сойти за парнишку-беспризорника.

И вот так, с котомкой за спиной, жадно вгрызаясь в зачерствевший сухарь, я вышла к поселку.

В условном месте оставила шифровку и отправилась в харчевню ждать ответа. Положив на стойку пару местных монет, робким дрожащим голосом попросила похлебки и уселась в углу, словно заморенный крысеныш зыряка по сто-

ронам боязливым взглядом.

Ела медленно, растягивая время, а когда уже ложка за-скребла по дну, черствой коркой выскребла остатки и долго-долго обсасывала ее со всех сторон. Потом присосалась к кружке с мутным остывшим чаем и, подавляя брезгливость, стала прихлебывать его мелкими глотками.

Так прошел час. В харчевню то и дело заглядывал местный люд, кто-то быстро наедался и уходил, а кто-то, как и я, подолгу просиживали свое время за кружкой пива и разговорами. Я ждала. Потом, уткнувшись спиной в угол, прикрыла глаза и прикорнула, но все еще продолжая в полудреме отслеживать перемещения других.

Так прошел еще один час. Затем дверь харчевни широко распахнулась и, едва не шоркая головой по притолоке, в помещение ввалились двое военных. Я тут же машинально сжалась еще сильнее, едва ли не сползая под стол. Не думаю, что они пришли сюда именно за мной, но чем черт ни шутит. Да даже если и за мной, то признать сейчас во мне блондинку-иномирянку можно было с большим трудом.

Ну, так и есть. Мужчины оглядели зал поверхностным взглядом, сжавшийся в углу беспризорник-малолетка их не заинтересовал ничуть, и, кликнув подавальщицу, засели у ближайшего к выходу столика, шумно скребя стульями по дощатому полу. Вот и замечательно.

И только я расслабилась и прикрыла глазки, как ко мне подошла молоденькая девушка из обслуги зала и, протянув

сложенный лист бумаги, спросила:

– Не хотите что-нибудь из нашего особого меню? – это был условный сигнал, и я встрепенулась.

– Вам есть, что мне предложить? – отозвалась я, разворачивая плотный лист и пробегая глазами строчки.

– Могу посоветовать пункт второй и пятый.

Пункт второй и пятый гласили: «Свиная шейка – 56, 51 (62 гр.); Вино «Дульчия» – 35, 52 (56 мл.)».

Отлично. У меня есть координаты глушилки: $56^{\circ} 51' 62$ северной широты и $35^{\circ} 52' 56$ восточной долготы.

– Нет, спасибо. Слишком дорого, – и, отодвинув в сторону меню, засобиралась. Пора выдвигаться. Но бросив взгляд на военных, я вдруг задумалась. Если со мной что случится, и я не смогу добраться до подавляющей установки, было бы неплохо сообщить Энжью о ее местонахождении. Но как это сделать? Подойти и просто сказать этим офицерам, мол, я такая-растакая, передайте своему главнокомандующему, что глушилка находится там-то и там-то. Да, так они мне и поверят! Скрутят в бараний рог и в тюрьму до выяснения обстоятельств, а повстанцы тем временем накроют тут весь район артобстрелом. А если мне поверят, то в штабе не поверят уже им, и уже их скрутят в бараний рог и в тюрьму до выяснения обстоятельств. Нет, тут нужно придумать что-то другое.

И пока я думала, что же такое сделать, чтобы сообщить координаты глушилки, мой взгляд упал на мужика у барной стойки, методично заливающего в себя уже вторую бутылку

вина.

Мысль оформилась сама. Не скажу, что гениальная, но что пришло в голову, то пришло. Благо голова дурная.

Покопавшись за пазухой, нашарила там карандаш и блокнот, отодрала от него лист и застрочила, иногда застревая над фразой и покусывая губы. Плохо мне еще давался их язык. А уж какие корявые буквы выводила – страшно смотреть, не то что читать.

Закончив свое сочинение на заданную тему, сложила лист и, подхватив котомку, выскользнула из-за стола. Прошествовала к стойке и, примостившись на табурете, наклонилась к мужику, что посасывал вино:

– Вы мальчиков любите? – задала я провокационный вопрос и подобралась, ожидая бурного возмущения. А то и кулаком в морду сразу засветить могут, знаю я их!

– Чего? – мутные пьяные глазки уставились на меня в полнейшем непонимании сути вопроса.

– С мальчиками, говорю, любите туды-сюды?

– Чего? – по желтоватому белку глаза расплзлись тонкие кровавые ниточки, кое-где разливаясь в мелкие красные лужицы. Покрасневшие веки были местами покрыты корочками засохшего гноя, склеивая ресницы.

– Б-р-р-р, – передернуло меня от отвращения. – Ну ясно. Пойдем другим путем.

Потянувшись вперед, выдрала из руки алкоголика кружку с вином и плеснула остатки ему в лицо.

– Ты чего, пацан! Кружку отдай! – потянулся он за мной и чуть не свалился с табурета. Пришлось с силой пихнуть его обратно.

Да, ё-маё! Чего ты заторможенный-то такой! А если бутылкой по голове огреть? Ой, а вдруг под стол рухнет без сознания, и чего мне делать? А может, так? Схватив мужика за грудки, резко развернула к себе и начала трясти, вереща:

– Ай, отпустите меня! Ой, ой, больно не бейте! Не надо меня бить, я не пойду с вами! Я не такой! Не обижайте сироту! Пустите, дяденька!

Старательно так трясла и мотала мужика, что его безвольно опущенные руки тряпками полоскались туда-сюда, голова запрокидывалась далеко назад и чуть ли не с хрустом возвращалась обратно, клацая зубами.

На эти мои вопли и потасовку уже начали подтягиваться зеваки, подошли и офицеры, чего я, собственно, и добивалась.

– Эй, пацан, отпусти ты его, – раздался хриплый басок одного из дружков измочаленного мною пьянчуги. – Чего ты к нему пристал?

– Это я пристал?! Да это он хотел меня это... – замялась я, подбирая слово и продолжая изрядно трясти и тормошить уже сползшего на пол мужика.

– Ага. Туды-сюды! – пришел на помощь мне мой оппонент и радостно так заулыбался от уха до уха гнилыми, ни разу не чищенными зубами.

Эва как я мозг бедняги повредила, – опечалилась я, нещадно колотя его головой по дощатому полу.

– Слышь парень, отстань ты от него, – заступился за мужика еще один из завсегдатаев харчевни. – Че прицепился-то? Не надо ему туды-сюды, ему и так хорошо!

– Да, отвали, пацан! Отстань! Отпусти! – заголосили вокруг.

Чьи-то руки попытались схватить меня за плечо, но я вырвалась и отмахнулась в ответ, да видимо, сильно отмахнулась, позади взвыли и с матерком кинулись на меня вновь. И вот тут я, наконец-то, оставила в покое измочаленного мною до состояния нирваны бедолагу и переключилась на другого. Вывернула ему в болевом захвате руки за спину и столкнула со вторым, что попытался подойти ко мне справа. Тут же заехала ногой в живот третьему. Подхватив за локоток четвертого, толкнула его в сторону военных, что нерешительно топтались в сторонке. Обернулась к первому, швырнула в него недопитой бутылкой, увернулась от кулака второго и, пока тот выл и потирал ушибленную о стойку руку, сгребла за шиворот третьего и проехала его физиономией по столу. Затем подхватила стул и с размаху швырнула его через весь зал, туда, где барахтались офицеры, пытаясь спихнуть с себя четвертого и подняться на ноги. Тут меня сзади обхватили медвежьими объятиями, сдавливая мои руки по бокам, и пришлось резко садануть головой назад, а затем по ногам и, прогнувшись, перевернуться в воздухе, опрокидывая на

спину обнимавшего меня хахаля. Схватила за ушибленную руку второго и дернула на себя, в последний момент отклоняясь в сторону и выставляя подножку. С воплем бедолага полетел вперед, вновь сбивая с ног только что поднявшихся вояк. Следом туда же отправила и третьего, что успел отплеваться от остатков собранных со стола объедков. Четвертый, матерясь так, что у меня переговорник завис, попытался уползти от меня под стол, но я его выволокла оттуда и подтащив к общей куче, зашвырнула туда же и его. Потом, под общий вой, мат, крики и звон посуды, схватила за грудки одного из офицеров и запихнула ему в карман свое послание. Все, дело сделано. Можно с чистой совестью уходить.

Похлопала по карману его шинели и, глядя сурово и пристально в глаза, прорычала:

– Отдашь послание прямо в руки Его Светлости, герцогу Колину Энжью! Иначе найду и убью! – отшвырнула в сторону ошеломленного служивого, подобрала валяющуюся и изрядно затоптанную котомку и под шумок мышкой прошмыгнула в дверь. Затем – кустиками и по тенечку, перемахнула через забор и огородами легкой трусцой попилила в сторону леса.

И уже там, сверив координаты по карте, выбрала направление движения. Жаль, транспорта нет, так бы я за шесть часов добралась до места, а теперь придется напрямик идти. Может, за сутки и управлюсь. На гужевой транспорт я даже не покусилась. Не внушали мне доверия их рогато-волоса-

тые двухметровые бычки.

Сверяясь с навигатором, огляделась вокруг. Координаты совпадали, да только странно все это. Вокруг запущенный то ли парк, то ли сад с деревьями ровными рядками, за спиной осталась зачухшая деревенька на три двора, а вокруг – поля не паханные. И ничего более.

Тут башня должна быть, или высотка какая, типа колокольни, чтоб антенну поднять как можно выше, чтоб большую площадь накрывала. Пойду осмотрюсь. Авось там впереди, за деревьями что найду.

И действительно, стоило пройти немного вперед, как парк расступился, и я увидела развалины. Это было старое поместье в три этажа, без окон и дверей, а кое где и без стен, все заросшее травой, мхом и молодой порослью деревьев. Когда-то оно было очень красивым – вон какие башенки по бокам крыши. А теперь одно запустение, того и гляди, все рухнет под собственной тяжестью.

Подкрутив оптику, пригляделась. Насчитала человек семь охраны. Трое внизу, один на втором этаже в окне торчит, один на крыше. И двое около установки. Но их может быть и больше, только не в зоне видимости. И все же слишком мало для охраны такого объекта. Либо они тут совершенно не пуганные, либо слишком самоуверенные.

Сама глушилка находилась на третьем этаже, где повыше, понятное дело, а высокая спица антенны тянулась из проема

окна далеко вверх, раскачиваясь на ветру. Видимо, это единственное высотное здание на многие сотни километров вокруг.

Эх, снайперки нет, а то б я сейчас быстро всех чпок! чпок! Надо было Олмена с собой брать, все бы прикрытие какое было, а не одной тут по кустам шариться и локти кусать от досады (потому что только такая, как я, могла вот так беспечно пойти спасать мир в одиночку).

Хотя Олмена нельзя, ему бы за самоволку трибунал грозит. Это я – птица свободного полета, куда хочу – туда лечу, где хочу – там и сдохну.

Ладно, делать нечего, пора за дело браться.

Приготовила свои метательные ножички, звездочки и спицы. Проверила заряд у пистолетов. Активировала стелс-маскировку и поползла. У самого входа едва не напоролась на растяжку. Перешагнула и стала ждать который из счастличиков первым покажется в поле зрения.

Вышли сразу двое, постояли, поговорили, выпили по глотку из фляги, поржали над чем-то и пошли дальше. Пропустила их мимо себя, побоялась шум поднять. Стала ждать третьего. А тот, как назло, все не появлялся и не появлялся. И уж было только я собралась пойти искать его сама, как он вальяжно выполз из-за угла, застегивая на ходу пуговицы на ширинке.

Нож глубоко вошел ему под подбородок. Ну что ж, с облегчением, дорогой!

Припрятав его труп, опять засела в засаде. И опять эти двое вышли парочкой. Ну кто так в дозоре ходит?! Вас что, не учили, что ходить нужно исключительно по одному, при этом желательно вообще не смотреть по сторонам и ни в коем случае не обращать внимание на всякие подозрительные шумы? Эх.

Подобрав камушек побольше, швырнула в кусты, отвлекая внимание. К счастью, смотреть, кто там в кустах ползает, отправился один, а то уж я и второй булыжник приготовила, чем по голове бить буду.

Этих товарищей я сняла сюррикэнами. Чтоб уж по канонам все было. Ходили парой и умерли одинаково, да и в кустах на пару и легли.

Теперь пришло время заняться тем, который на втором этаже у окошка курил. Тут было проблемно. Весь этаж просматривался, как на ладони, и пройти незамеченной мне не удастся. Да и пол был будто специально усеян обломками и битым стеклом.

Пробираться пришлось крадучись, долго выбирая место для следующего шага. Выглянув из-за угла, осмотрелась. Парень сидел на подоконнике и, покачивая ногой, смотрел на раскинувшийся за помещьем желтеющий осенний луг. Винтовка стояла рядом, прислоненная к стене. И вот проблема, если я его сниму, он просто вывалится в окно и тем самым переполошит всех в округе. И как быть? Можно было бы подобраться к нему поближе и не дать ему вывалиться, но весь

коридор просматривался, и, стоит мне сделать шаг, он меня увидит.

А потом меня осенило. Вытащив из кармана монетку, я подбросила ее в руке и, тщательно прицелившись, бросила монеткой парнишке в ногу. От удара по сапогу парень вздрогнул и стал искать, что же его ударило. Увидел монетку, удивился, огляделся по сторонам и сполз с подоконника за денежкой. Вот тогда-то я и сняла его из своей «пукалки». Я всегда думала, что звук у моего пистолета достаточно тихий и неприметный, но в царившей вокруг тишине он мне показался прямо-таки оглушительным. Или это от страха мне так показалось.

Ну вот и последний пролет. С этими я уже не церемонилась, просто одного оглушила, а второго пристрелила, да так и бросила. Некогда мне уже было с ними возиться. Мне еще подавитель минировать нужно да валить отсюда, пока не заметили остальные.

Таймер на своих мини-бомбочках установила на две минуты. Думала, этого вполне хватит, чтобы унести ноги. Но не знаю даже, как так вышло и почему: в тот момент, когда я прилаживала последний заряд, вдруг сработал первый. Я только и успела, что прикрыться руками и нырнуть вбок. Взрывная волна отбросила меня в стену, оглушая. Я попыталась зацепиться за дверной проем и укрыться за стеной, но тут взорвались вторая и третья «пуговички». Здание трянуло так, что казалось, каждый его кирпичик вздрогнул и раз-

летелся на кусочки. Меня вышвырнуло на лестницу, которая тут же осыпалась подо мной, и я полетела вниз с третьего этажа. Удар, тело на миг взрывается болью и...

Глава 16

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

Вторые сутки вокруг творился суший бардак. Объявив эвакуацию, я и подумать поначалу не мог, сколько проблем это с собой принесет. Но меня они мало трогали. Меня вообще теперь мало что трогало. В первые сутки, когда обнаружилось, что Нина пропала, я испугался, что она пошла в одиночку искать эту глушилку, что для нее весьма характерно. Но когда посланные мною поисковые отряды вернулись ни с чем, я решил, что она ушла. Или сбежала – называйте, как хотите, суть одна. Озлился, конечно, но поразмыслив, решил, что так даже и лучше. Хоть она не попадет под этот обстрел и выживет. Мне не придется переживать за нее, уговаривать перебраться в укрытие с эвакуированными. Я постоянно убеждал себя и искал ей оправдание. Но на сердце все равно осталась пустота и обида.

– Ваша Светлость! – адъютант заглянул в дверь и, найдя меня глазами, протиснулся весь. Он в последнее время вообще старается меня избегать. Досталось ему в последние дни. Теперь вот боится. – Ваша Светлость, тут к вам капитан Спарот, из третьей стрелковой роты первого стрелкового батальона с личным донесением.

– Займись им. Не до него сейчас.

– Говорит, срочное послание, велено передать лично в руки.

– Ну тащи его сюда с этим его личным и срочным, – велел я, понимая, что проще самому забрать это послание, чем переговариваться тут с адъютантом.

Капитан Спарот был мужиком немалых габаритов, в чем-то даже покрупнее меня, но и тут нашелся смельчак, что умудрился подбить ему глаз. А в глаз капитан, видимо, получал не часто, ибо жутко комплексовал по этому поводу и старался то и дело свой фингал чем-нибудь прикрыть.

– Ваша Светлость! У меня к вам личное послание! Велено передать прямо в руки! – отрапортовал он и протянул мятую грязную бумажку, норовя повернуться ко мне здоровой стороной лица и скашивая глаза в мою сторону.

– Кем велено?

– Не ведаю Ваша Светлость! Мальчишка какой-то в карман сунул.

– Вот просто так, подошел и сунул в карман?! – изумился я и, разгладив ободранный блокнотный лист, пробежался глазами по заголовку: «Его Светлости, герцогу Колину Энжью, главнокомандующему восточным фронтом лично в руки...» – было написано там. Но таким корявым почерком, что я еле разобрал. Грамоту этот мальчишка знал просто отвратительно.

А дальше пошел текст, от которого мои глаза округлялись все больше и больше. Перемежая наши и слова Конфедерации,

рации, шли координаты местоположения этой пресловутой глушилки, как до нее добраться, на что эта штука похожа и как ее распознать и отключить. И самое главное, внизу стояла подпись: «Нина Климова». Нина? Черт возьми!

– Ну... не просто так, – забубнил тем временем капитан, и украдкой потрогал синяк. – Он там сначала драку устроил, а потом мне в карман эту бумагу сунул и велел передать лично в руки.

– Что, и ты послушно решил передать?

– Он сказал если не передам, то найдет и убьет.

– Как выглядел мальчишка?

– Да пацан еще, лет шестнадцать-семнадцать, мелкий, грязный. Ну и глаза там... нос...

– Курносый и конопатый, – помог ему вспомнить я.

– Да!

– Где это было?

– Да в харчевне. В Мелхове, это село такое. У меня там мама живет...

– Как давно?

– Живет-то? Да почитай уже лет сорок...

– Когда записку получил? – поспешно переиначил я, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на него.

– Да вчера вечером. Как только до штаба добрался, сразу к вам. Пацан сказал срочно передать...

– Сутки назад, – задумчиво проговорил я, высчитывая, где примерно может быть Нина на данный момент. Ну не

поперлась же она в самом деле одна глушилку искать?! – Она была одна или с кем-то?

– Кто она? Мама?

– Пацан один был или с компанией? – быстро исправился я.

– Да вроде один. Хотя дрались все четверо. Точнее он их всех бил.

– Это украшение тоже он тебе поставил? – указал я на синяк.

– Мда... он, шельмец. И откуда столько силы? Тощий совсем, – сокрушенно добавил он, осторожно трогая пальцем свой фингал.

– Ваша Светлость! – это уже адъютант мой в дверь опять заглянул и завопил радостно, – Ваша Светлость! Радары заработали, Ваша Светлость!

– Что?! – ошеломленно переспросил я.

– Починились радары! Князь Олмен посыльного прислал! Заработали? То есть кому-то удалось отключить подавитель? Нина! Чертова девка! Найду – отшлепаю с особым наслаждением, честное слово!

– Собирай всех на экстренное совещание. Приготовь транспорт, и капитана Кривника – ко мне срочно!

По ухабистым сельским дорогам мы тряслись уже часов пятнадцать, ежели не больше. Ехали практически без остановок, хотя и безумно медленно. Несколько раз возвраща-

лись, заворачивая то в тупик, то увязая в непролазной грязи. Я нервничал и психовал с каждой минутой все больше и больше. Почему-то мне казалось очень важным поспешить. Я волновался за девушку и потому постоянно всех поторапливал.

А также меня беспокоил вопрос, как ей удалось узнать координаты глушильного устройства. Кто помог ей? Конфедерация со своими технологическими возможностями или у нее есть доверенный среди повстанцев?

Но кто бы ни помог ей с координатами, вероятнее всего, они помогли ей и с уничтожением установки. Не бросили же ее одну против отряда вооруженного караула? По крайней мере я на это очень надеялся.

Заброшенное и развороченное взрывом поместье мы нашли часа через три. До этого долго и безрезультатно блуждали по округе, точно вокруг заколдованного места. Пыль уже осела, но запах гари и тлена все еще витал в воздухе, навевая тревогу. Когда именно произошел взрыв, определить было не сложно, если учесть, что глушильная установка перестала работать двадцать три часа назад. Но где же тогда Нина? Вернулась в штаб? Или ранена и отлеживается в деревне?

На всякий случай отправил человека в близлежащую деревеньку узнать, нет ли ее там. И приказал обыскать руины.

Когда обнаружили три трупа с колото-режущими ранами, я не удивился. Знакомый почерк. Хотя ясности в то, что здесь произошло, они не внесли. Три человека – это мало.

Это чертовски мало для охраны такого стратегически важного объекта. Должны быть еще.

И вот спустя полчаса ползания по руинам меня окликнули:

– Ваша Светлость! Тут внизу, под плитой, кажется, еще один труп.

– Чей?

– Непонятно. Там темно, не видно.

– Посветить можешь?

Луч фонарика выхватил из темноты узкого просвета знакомый рисунок камуфляжа и тонкую изящную кисть с длинными окровавленными пальцами. Холодная волна узнавания прокатилась по телу. Сердце вдруг замерло и трепыхнулось, отдавая острой болью в груди. Нет, нет, нет. Я не верю в это. Я не хочу в это верить!

– Надо отодвинуть плиту. Давайте! Быстро! Расчищайте завал! Надо сдвинуть эту чертову плиту! – и не дожидаясь ответной реакции, первым бросился разгребать завал. Возможно, она еще жива. Возможно, лишь зажата между плитами. Возможно, потеряла сознание. Сломала ноги, руки или позвоночник. Возможно, потеряла много крови. Но жива! Сутки под плитой – шансов мало, но чем черт не шутит?!

Наконец, подпихивая кусками арматуры, как ломом, удалось приподнять плиту и оттащить ее край в сторону, открывая доступ к телу. Взгляд тут же выхватил припорошенное серой пылью изломанное тело, неестественно вывернутые

конечности, запрокинутую глубоко вверх голову, расплывшееся подсохшее бурое пятно крови под затылком, искаженное предсмертной болью лицо, застывшие смертной маской черты. Калейдоскоп отдельных фрагментов, вырисовывающих общую картину смерти. Но ведь это не так! Этого просто не могло случиться! Только не с ней! Не так! Не сейчас!

Я не мог поверить в случившееся. Не мог принять эту реальность. Она не могла так поступить. Не могла умереть так глупо!

– Все вон, – велел я, но солдаты, не слыша моего сдавленного голоса, продолжали замороженно смотреть на ее мертвое тело. – **ВОН ВСЕ ОТСЮДА!!!** – гаркнул я вновь, не видя ничего вокруг, не осознавая происходящего и не чувствуя, как по моим щекам стекают горячие жгучие слезы.

Те, кто с пафосом утверждают, что мужчины не плачут – просто никогда в своей жизни не испытывали в полной мере тех чувств, что рвали сейчас на куски мое сердце. Отчаяние. Боль. Бездна. Обреченность. Тоска. Те, кто уничтожительно утверждают, что мужские слезы – слабость, просто никогда не теряли того, кто им действительно дорог. Того, ради кого ты готов отдать все на свете, пожертвовать всем миром, собой – все ради того, чтобы любимый жил. Зачем мне этот мир – если он убил тебя? Зачем мне эта жизнь – если в ней нет тебя?

И сейчас я плакал. Я был слаб. Раздавлен. Уничтожен. Мертв. Слезы на щеках – это ничто. Я готов был выть, орать,

рвать на себе волосы, крушить все вокруг от собственного бессилия, разбивая кулаки в кровь. Я готов был голыми руками разнести тут все к чертовой матери, в ярости, не разбирая, где свой и чужой. И я разбивал кулаки о каменное крошево. Я орал и выл, не слыша собственного голоса. Я плакал – не стыдясь своих слез, смешивая их с серой пылью хлопьев золы на ее лице. Я целовал ее холодные пальцы, желая согреть их дыханием. Я обхватывал ладонями ее лицо, целуя закрытые веки. Я умолял ее вернуться. Я тряс ее за плечи, прижимал к своей груди, я звал ее, и шептал слова любви, которые так и не смог сказать раньше.

А когда, стоя перед ней на коленях, я наконец понял тщетность своих попыток, – просто открутил стрелки назад. На сутки. На двадцать четыре часа назад...

Глава 17

Нина Климова, планета Зорана, 56° 51' 62 северной широты, 35° 52' 56 восточной долготы.

Таймер на своих мини-бомбочках установила на две минуты. Думала, этого вполне хватит, чтобы унести ноги. Но не знаю даже, как так вышло и почему, в тот момент, когда я прилаживала последний заряд, вдруг сработал первый. Я только и успела, что прикрыться руками и нырнуть в бок. Взрывная волна отбросила меня в стену, оглушая. Я попыталась зацепиться за дверной проем и укрыться за стеной, но тут взорвалась вторая и третья «пуговички». Здание тряхнуло так, что казалось, каждый его кирпичик вздрогнул и разлетелся на кусочки. Меня вышвырнуло на лестницу, которая тут же осыпалась подо мной, и я полетела вниз.

Рывок, плечи и шею выкручивает пронзительная резкая боль, и я зависла над провалом, зацепившись разгрузкой за что-то.

– Поймал! – Энжью дернул меня вверх за ремни на спине, затаскивая на верхнюю плиту перекрытия, помог подняться на ноги, сам едва не поскользнулся на покосившемся полу, и, отмахиваясь от стоявшей вокруг пыли и сыплющейся с обрушившегося потолка каменной крошки, поволок меня в сторону противоположной лестницы.

– Колин! Как ты тут оказался? Куда ты меня тащишь?

Честно говоря, я была немного дезориентирована. Творившийся вокруг бедлам от внезапного взрыва и неожиданное появление герцога внесли раздрай в мои мысли. Я никак не могла понять, что произошло и происходит вообще. Мысли разбегались испуганными тараканами на свету. Почему взорвалась взрывчатка? Как герцог оказался здесь так быстро? Как ему удалось поймать меня в последний момент? Почему он здесь один? Почему он не пострадал от взрыва?

– В другое крыло, в башню. Нам нужно укрыться.

– Зачем? Повстанцы? Их тут много?

– Откат, – просто ответил он на все мои заполошные вопросы, продолжая упорно тащить меня вверх по лестнице.

– Что? Почему? Я умерла? Ты спас меня? Сколько часов открутил?... или... дней?!

– Сутки, – бросил он, не оборачиваясь и утирая рукавом нос, да только еще больше размазал по лицу кроваво-алые разводы. – Быстрее. Не успеем...

– Сутки! Твою ж дивизию! Я была мертвой сутки! Зачем ты это сделал?! – я в ужасе остановилась и дернула его за руку, вынуждая повернуться ко мне. Глаза – две черные дыры с сузившимся зрачком, побелевшее лицо и синие ниточки губ, окрашенные кровавой помадой, стекающей из носа тонкими дорожками вниз и по подбородку на грудь. Ледяные пальцы, озноб по телу, подгибающиеся ноги.

– Дура, – сказал он и рухнул на колени. Уперся руками в ступеньки, не давая себе опрокинуться лицом вперед, опу-

стил голову. – Я ж люблю тебя, дуру такую.

И упал, теряя сознание. Ой же ж дура! Как есть, дура! Он же тут тебя спас и умирает теперь, а ты стоишь и отношения выясняешь!!!

Развернула его на спину, подхватила подмышки и, упираясь ногами, изо всех сил попыталась подтянуть повыше. Он же большой и тяжелый, даже на пару ступенек затащить не удалось, а мне еще пролет целый. А он умирает! Из-за меня, между прочим! Такого мужика угробила! Ну уж нет! Не позволю!

Напрягла ноги, вцепилась в рукава и всей своей массой рывок на себя. И еще один. И еще. И еще. Еще. Ну же! Еще рывок! И, раз! И еще раз!

Адреналин и страх сделали свое дело: обломав ногти до мяса, разрывая жилы, я дотащила его по ступеням до пролета. Уложила на спину, сдернула с себя куртку, подпихивая ему под голову. Рванула его кожанку на груди, обрывая пуговицы. Распахнула. Нашла во внутреннем кармане заветную коробочку со шприцем, насадила иглу. Ампула выскальзывала из ослабевших пальцев, пришлось отгрызть кончик зубами. Выплюнула осколки вместе с парой капель крови с языка. Тугой поршень никак не хотел выдвигаться, не зацепляясь болезненными обломками ногтей – пришлось опять все делать зубами.

Вонзила иглу между ребер, ладонью вдавила поршень. Приложила ухо к груди и ничего не услышала. Сердце не би-

лось. Да нет! Не может быть! Пульс, где пульс? Да где же этот чертов пульс?! А дыхание? Должно быть дыхание. Пусть слабое, но должно!

Протерла жестянку, поднесла к лицу, ничего. Нет дыхания. Нет сердцебиения. И что? Нет-нет-нет! Только не это! Господи, прошу тебя! Не умирай!

Так, массаж сердца. Ладони на грудь – толчок! Толчок! Толчок! Толчок...

Вентиляция легких. Вдох! Еще! Еще...

Массаж сердца. Вентиляция легких. Ну же, пожалуйста, дыши! Дыши, миленький мой! Ну давай, прошу! ДЫШИ!

Я сдавливала его грудь раз за разом, потеряв счет времени, то и дело прикладывая ухо к груди. Смахивала с лица слезы, чтоб не застилали глаза, и все по новой. Толчки. Вдохи. Толчки. Вдохи. Ну почему его волшебное чудо лекарство не помогло?!

Потом я вспомнила про свои реанимационные препараты и, выковыряв из костюма встроенный блок первой помощи, вколола ему все, что было.

И опять вентиляция легких и массаж сердца. И так раз за разом. А потом уже просто била кулачками по груди и выла. Горько и протяжно.

Зачем он это сделал? Зачем, господи?! Он должен жить. Он нужен здесь, своей земле, а не я. Верни его, пожалуйста! А меня заberi! Ты уже забрал меня раз, так верни все обратно! За что его? Меня бери, дуру, я заслужила – не он!

Толчок в грудь, еще толчок, еще раз. Вернись ко мне, милый мой. Не оставляй здесь одну. Ты нужен мне. Я без тебя не хочу тут жить. Вернись! Дыши. Слышишь? Давай!

Ты заигрался в Бога, мой Повелитель времени. Но не тебе решать кому жить, а кому умирать! Ты изменил мою реальность – я не дам случится твоей. Я не позволю тебе умереть!

Схватила его руку, задрала рукав куртки, обнажая запястье. Его командирские «куранты» продолжали мирно отсчитывать минуты его смерти. Нет! Не позволю! Размазала слезы по щекам, проморгалась, всматриваясь в расплывающийся перед глазами циферблат. Так, как он это делал? Просто откручивал стрелки назад. Подцепила заводную головку, выдвинула и прокрутила назад. На сколько там получилось даже не посмотрела, час или два, неважно, главное в тот момент он был еще жив. Вот так!

Ну?! Ну давай! ДАВАЙ!

Ничего...

Ну нет, я не сдамся! Опять массаж сердца. Опять искусственное дыхание. Сколько я так уже? Минуты три-четыре? Еще есть время, это еще не конец!

Может, доза маленькая? Мой реанимационный пакет был рассчитан на меня и на мой бараний вес, а он-то раза в полтора меня больше. Нащупала в разгрузке свой запасной комплект медикаментов, вколола весь в шею. И вновь массаж и дыхание. Толчок. Раз, два, три, четыре, пять... Вдох, еще вдох, еще, еще...

А потом его тело дернулось, точно током прошло – это нанороботы начали свою работу. Спешно перевернула его на бок, чтобы не задохнулся, если начнутся рвотные позывы и, придерживая бьющееся в конвульсии тело, молилась всем подряд на свете, и богу, и черту, и дьяволу и матушке природе, и космическому разуму и нанотехнологиям. Я не знаю, кто из них помог в конце концов, но он задышал. Хрипло, тяжело, с посвистом, выплевывая при каждом выдохе сгустки крови и содержимое желудка.

– Вот так. Давай, миленький мой. Дыши. Спокойно, спокойно... – шептала я, вытирая его лицо перевязочными бинтами, придерживая голову. А он все содрогался и выгибался, вырываясь из моих рук, а потом вдруг затих, задышал размеренно, ровно. Вытекающая изо рта струйка крови истончилась, иссякла. Я осторожно перевернула его обратно на спину, смочила салфетку водой, обтерла лицо, губы. Приоткрыла рот, капнула на сухой язык пару капель. Он рефлекторно сглотнул, веки его задрожали. Сознание медленно возвращалось. Уф... Живой...

И, как обычно в минуту облегчения, из моих глаз хлынул поток, смывая и боль, и страх, и напряжение.

– Зачем ты это сделал?! Я тебя просила? Думаешь, мне это надо? – причитала я, не в силах сдержать рыдания. – Я не хотела так! А ты?!

А он молчал, все еще приходя в себя и, скорее всего, даже меня не слышал.

– Чем ты вообще думал? Кто тебе разрешил, а? Тоже мне, Бог доморощенный! Не тебе решать, кому жить! Ты думаешь, я так хотела?! Да ты вообще ни о чем не думаешь! – разозлилась я и, подхватив его подмышки, оттащила в более сухой уголок. – Не надо мне таких жертв... Жизнь он мне подарил, видите ли, а сам? А нужна мне такая жизнь, ты спросил? Без тебя?..

Приподняла ему голову, подпихнула под нее свою куртку, разровняла ее, укладывая его поудобнее. Смахнула со лба упавшие антрацитовые пряди, прошлась пальчиками по лицу, с ужасом осознавая, что я его едва не потеряла. Навсегда.

– Не смей так больше делать! Никогда! – обхватила ладонями его бледное лицо, прижалась к нему губами, покрывая его поцелуями, и ругалась шепотом: – Слышишь? Никогда так больше не делай! Понял?! – тряхнула его за грудки, не сильно, ибо сил уже не осталось, но с чувством. – Ты понял меня?..

– Да...

– Что? – я вздрогнула, недоверчиво взгляделась в его лицо. Может, послышалось?

– Понял, – тихо прошептали белые губы. Веки затрепетали и приоткрылись. Он нашел меня взглядом, слабо улыбнулся и обессиленно закрыл глаза вновь.

– Да что ты понял?! – по второму разу разразилась я слезливыми потоками и бранью. – Да ни черта ты ничего не понял! Бестолочь ты! И за что я только тебя люблю?!

Обливаясь горючими слезами, я уткнулась лбом ему в грудь, слушая, как бьется его сердце и размеренно поднимается грудь на каждом вдохе. Вот так бы и слушала этот звук вечно. Пусть бы весь мир вокруг провалился к чертовой бабушке, только стук его сердца и дыхание – все что мне нужно в этой жизни:

– Не надо мне такой жизни. Я не согласна... Только с тобой. Вместе. Только так. Понял?

– Да, – прошептал он, зарываясь пальцами в мои волосы. Его тяжелая ладонь еще сильнее прижала мою голову к груди и замерла, не имея сил пошевелиться. Но я не против. Пусть так. Главное, он живой. Дышит. И все у нас будет хорошо.

– Никогда так больше не делай! Иначе я сама тебя убью! Сначала воскресу, а потом убью! – шепотом ругалась я, ибо говорить в полный голос уже просто не могла. Да и не хотела.

Он лежал спокойно, расслабленно, дыхание было тихим и ровным. Обессиленный борьбой за жизнь, его организм устал и уснул. Я осторожно высвободилась, поднялась и огляделась. Мой рюкзак, скорее всего, остался где-то там на разрушенном лестничном пролете. Надо бы его найти. Достать спальник и еду. В его состоянии мы еще не скоро покинем эти развалины.

– Нина! – хриплый со сна голос Энжью выдернул меня из дремоты. Долго же он спал, я и рюкзак найти успела, и разведку местности произвела, и перекусила чуток, и вот даже

вздремнула.

– Тише, тише. Не вставай. Я здесь, – успокоила я герцога, подползая к нему ближе, и настойчиво уперлась ему в грудь ладонями, ибо он так и норовил подняться со своей импровизированной постели.

Он в конце концов поддался моим уговорам и успокоился, но обхватил меня за плечи и притянул к себе на грудь. Этот многочасовой сон пошел ему на пользу. Лицо уже не землистого серого оттенка, губы порозовели, прошла синюшность под глазами, да и силы прибавилось заметно.

– Тебе еще рано вставать, – шептала я, поглаживая его колючие небритые щеки. Кожа все еще холодная, но это и понятно, столько крови потерял. Надо будет напоить его чем погорячее. Только вот посмотрюсь на него и сразу приготовлю чай. – Отлежимся здесь еще чуток и пойдем в деревню, может там транспорт какой есть. Нельзя здесь долго оставаться, повстанцы могут нагрянуть в любой момент, проверить свою установку. Ты-то здесь как оказался? Да еще и один?

– Я не один... был. Со мной отряд Кривника... был.

– А куда они все делись?

Он дернул плечом и сказал:

– Наверно в штабе. Где и были на момент взрыва.

– Понятно.

Да ни черта мне не понятно! Все эти выверты с обратным отсчетом, переносом людей и изменением реальности слиш-

ком мудрены и запутаны. Я уже перестала в них вникать и разбираться. Буду принимать их как данность, только и всего.

– Только знаешь, что?! – решительно вырвалась я из его объятий и наставила на него пальчик. – Больше никогда не смей так делать! Еще раз вытащить тебя из этого дерьма я не смогу.

– Хорошо, тогда обещай и ты, что больше никогда не влезешь в это дерьмо, – его глаза смотрели на меня грустно, пальцы нежно сжимали мою ладонь, подтягивая мою руку все выше и выше к своим губам.

– Я... Я... – я не могла найти слов, чтобы высказать ему все свои чувства. Я хотела пообещать ему все что угодно, но боялась не сдержать своего обещания. Я понимала, что он все равно сделает все по-своему, и не могла запретить. Но и позволить так делать тоже не могла. – Ты должен знать, что если с тобой случится беда, я ведь не смогу без тебя. Понимаешь? Я ведь пойду за тобой. Даже на тот свет пойду. Я найду тебя там и верну! И никуда ты от меня не денешься! Понял? Я тебя не отпущу!

– Это хорошо, – улыбнулся он и опять потянул меня к себе на грудь. – Хорошо, что никуда не уйдешь. Я не позволю.

– Колин! – я рванулась вперед, потянулась к нему, покрывая его лицо быстрыми легкими поцелуями. – Милый мой, родной мой, любимый... Пожалуйста не надо. Не делай так больше...

– Не буду, – легко согласился он, и тут же добавил: – пока ты жива.

Я уткнулась своим лбом в его лоб, потерлась носом, коснулась губами его пересохших губ, зажмурилась, не замечая, как мои слезы капаят на его щеки и стекают вниз.

Он не реагировал на них, просто прижимал меня к себе, зарывшись пальцами в растрепанные волосы на затылке.

– Сердечко мое... девочка моя... не оставляй меня больше. Я ведь верну тебя... Сдохну, но верну...

– Черта с два я теперь куда уйду, – усмехнулась я, целуя его закрытые веки. – Ты от меня теперь не избавишься!

– Это хорошо, – прошептал он, улыбаясь разохшимися губами. – Хорошо...

Глава 18

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт, пять дней спустя.

– Ваша Светлость! – Олмен ворвался в кабинет без стука. – Ваша Светлость! Здесь... донесение.

– Давай сюда, – протянул я руку.

– Ваша Светлость... – Олмен не спешил отдавать бумагу, а наоборот, нервно мял ее в руках.

– Что? Ты чего мнёшься, как девка на выданье? Давай сюда, – и я вновь требовательно протянул руку.

– Тут... донос...

– Ну, – подбодрил я его. – На кого?

– На Нину, – едва слышно сказал он и, видя, что я нахмурился, быстро поправился: – На госпожу Климову, Ваша Светлость!

– Что за бред! – не переставая хмуриться, я выдернул у него из рук измятую бумажку и прочитал мелкий убористый текст, с трудом осознавая, что там написано.

– Но ведь это же неправда! – взволнованно заговорил князь, еще больше сбивая меня с толку. – Не могла она этого сделать! Да и зачем ей сдался этот спутник? Как она могла передать повстанцам его коды, если мы их постоянно меняем? Да у нее же и доступа к компьютеру не было!

Конечно, не было. Разве только... и тут я вспомнил ту

ночь за два дня до похода, после наших совместных с Олменом стрельбищ, где мы с князем, как малолетние мальчишки, получившие в подарок новенькие игрушки, восторжались оружием конфедератов. И как потом я сам лично проводил ее к себе в кабинет, галантно отодвинул стул, приглашая сесть, как нажимал кнопочку «Пуск», и как потом позорно уснул, даже не заметив ее ухода.

– Приведи-ка ко мне нашего технического специалиста. Надо кое-что проверить.

– Да, вот! – порхая тонкими пальцами над клавиатурой компьютера, техник поправил наушник в ухе и глядя на меня восторженным взглядом с энтузиазмом отрапортовал: – Двенадцатого числа был загружен большой объем данных со спутника! В час сорок два ночи...

Странное чувство – будто кинжал в сердце вонзили и покручивают его в ране, расширяя ее все больше и больше. Неприятное чувство, когда в тебе одним махом убивают и доверие, и любовь. Мы искали предателя. Крысу. И не замечали, что она тут рядом. У меня под боком. Почему я не замечал? Ведь даже и не думал на нее. Милая девочка с наивными голубыми глазами... А ведь все так просто и логично. У нее был доступ – она скачала коды спутника, передала их повстанцам, и те взорвали его. У нее был доступ к схемам прокладки кабелей – повстанцы отрубаяют связь. Узнать частоту передачи радаров – раз плюнуть. Повстанцы глушат

нашу частоту. Она знает координаты глушилки. Откуда? Кто передал ей их? Повстанцы? Может и завод боеприпасов тоже ее рук дело?

Еще почти не больно, еще просто не осознал, что уже почти умер. Больно будет потом, в агонии. А сейчас я должен выполнить свой долг.

Не смотри на меня так жалобно, князь. Не умоляй меня с молчаливым укором. Я вырву свое сердце, придушу все чувства, но сделаю то, что должен.

Глава 19

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

Они пришли под вечер. Сдернули меня с койки, вырывая из рук планшет, скрутили за спиной руки и поволокли из комнаты, как была, босиком, в майке на голое тело, с растрепанной косой. Хорошо хоть штаны снять не успела, а то б в одних трусах и потащили.

Я поначалу попыталась рыпнуться, но, когда меня выволокли на улицу и я увидела Энжью, дергаться сразу же перестала. Он стоял в стороне, прямой и напряженный, смотрел на меня мертвым холодным взглядом чужого человека. Взглядом человека, которого предали. И я поняла – он все знает. Видимо, кто-то на меня настучал. Могли и повстанцы отомстить за глушилку, или свои за неподчинение. Неплохо у них тут все же разведка работает.

А вон и Олмен рядом, бледный и напуганный. Смотрит так, будто прощения просит. Не бойся за меня, мальчик, я знала, на что шла.

Колин... Мне бы только объяснить ему все на прощание. Чтобы не так все закончилось между нами – с болью и разочарованием. Чтобы он смог меня понять, что я не хотела этого. Ведь пыталась уйти, видит Бог, и не раз пыталась, но так и не смогла.

И, наверное, глупо было надеяться с моей стороны, что он простит меня, но все же я должна попытаться хотя бы объяснить. Но я напрасно ловила его пустой безразличный взгляд, он скользил мимо меня не задерживаясь. Я – ничто, я для него теперь предатель, враг, а с врагами не церемонятся.

Сильный толчок в спину, и я едва не рухнула на пол. Сзади с лязгом захлопнулась дверь камеры. Послышались удаляющиеся шаги. Я медленно обвела взглядом серые бетонные стены своей тюрьмы, лишь ненадолго задержавшись на деревянных нарах с тонким валиком одеяла в голове, и медленно развернулась.

Он стоял у стены в глубине коридора, полускрытый тенями сумрака подвала. Ссутулившийся, с опущенными плечами, будто вмиг уменьшившийся в разы. Потерянный и разбитый. И мне все казалось, что вот сейчас он заговорит со мной, спросит, почему я так поступила, но он молчал. Преданный мною не только в его войне, но и в чувствах. Сломленный, раздавленный мною атлант. И я не выдержала, кинулась к нему, вцепившись в ржавые прутья решетки:

– Колин!

Он дернулся, как от удара, бросил на меня один единственный взгляд, хлесткий и жгучий, точно хлыстом оттянул, развернулся и ушел, так и не сказав мне ни слова.

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт, час спустя.

– Будем ее судить? – спросил Олмен с тревогой заглядывая мне в лицо. – Если император узнает, то казнит ее.

– Госпожа Климова не является подданной императора Кримпа. Она работает на союз Конфедерации. Им и решать, как с ней поступить.

– Но, госпожа Климова совершила преступление на нашей территории. Император может потребовать ее выдачи. И... казнить, – тихо закончил Олмен.

Я на мгновение закрыл глаза, поддавшись душевной боли.

– Да-да! Нужно сообщить конфедератам, пусть в следующий раз толкового кого присылают. А не таких вот прошмандовок. Прислали какую-то девку, только ноги раздвигать и может, – воодушевленно заявил князь Таффа, откидываясь на спинку стула.

– Молчать! – я медленно встал из-за стола, до скрежета стискивая зубы, сжал кулаки, из последних сил пытаюсь себя сдержать, уперся ими о край стола. – Я вас сюда не девок созвал обсуждать. Говорите по существу!

– А по существу выходит следующее, – поднялся со своего места Таффа и оправил китель. – Послали ее к нам сюда конфедераты, им и ответственность за нее нести. А то, что она к врагу переметнулась – не наша вина. Но мы от ее действий понесли потери. Так пусть теперь Конфедерация нам возмещает убытки. А то, видите ли, консультанта они нам прислали! Не консультанта, а диверсанта!

– Не могла она к врагу переметнуться! – горячо возразил

Олмен.

– Это почему это не могла? Вон она давеча в столовой речки жаркие толкала. Против политики императора высказывалась вполне однозначно! А уж чем ее там Бриан подкупил, не знаю! Да и много ли девке-дуре надо?

– Нет, не может быть. Нина не раз спасала жизни и мне, и вам, Ваша Светлость! Если она предатель – не легче ли было бы дать нам погибнуть?

– Она ж конфедератка, кто знает, что у них там на уме – развел руками князь Таффа.

– Они могли ей приказать!

– Вот скажи мне, зачем Конфедерации нужно было присылать нам в помощь консультанта и приказывать ему взорвать наш спутник? Чем он им мог помешать? Конфедерация нам не враг – как раз наоборот! И зачем им портить с нами отношения? То ли дело повстанцы! Им-то наш спутник как бельмо на глазу!

– Пора прекращать этот бессмысленный спор, – поставил я точку в их пререкании. – Пока не проведем допрос, можем еще месяц гадать на кофейной гуще, выясняя «зачем» и «кому» и «почему».

– Вот пусть имперские дознаватели и выясняют, – вставил свое последнее слово Таффа.

Захлопнув за собой дверь спальни, я, словно зверь, заме-

тался по клетке, не находя себе места. Вопросы «зачем» и «почему» она так поступила, меня сейчас волновали мало. Как МНЕ поступить дальше – это заботило меня в данный момент больше всего.

Скрыть причастность Нины к взрыву спутника не получится, я обязан буду доложить об этом императору в самое ближайшее время. И он отреагирует соответственно: потребует переправить ее в столицу, где за нее примутся его люди и выбьют из нее всю правду, все «зачем» и «почему». А потом казнят, прилюдно, на площади, в назидание другим.

Нет! Только не это!

А что тогда? Взять вину на себя? Доложить, что это я приказал ей взорвать спутник? И тогда казнят меня. Тоже не лучший вариант.

Устроить ей побег? Тайно вывезти на космодром и отправить в Конфедерацию? Там Кримп ее не достанет. Может потребовать выдачи, конечно. Но ведь не выдадут же они своих?

От этих мыслей мне стало муторно. Расстегнул пояс с кобурой и швырнул его на стол. Рванул сдавливающий горло воротник кителя. Наткнулся взглядом на чашку, из которой еще утром она пила кофе, смахнул ее в злости с тумбочки, разбивая о стену.

Устав метаться, сел на кровать, уперся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях. Я должен с ней поговорить. Должен набраться мужества и узнать, почему она так поступила,

почему предала меня. Но, черт подери, я не хочу знать ответ на этот вопрос! Не хочу слушать ее оправданий! Или хуже того, как она будет с презрением насмеяться над моей слабостью и смешивать меня с грязью.

У меня до сих пор перед глазами стояла ее маленькая фигурка на фоне темного провала камеры. Безропотная, покорная своей судьбе. Она искала мой взгляд. Пыталась найти в нем что? Сочувствие? Понимание? Она ждала вопросов. Но я молчал, не в состоянии найти в себе силы и поверить в ее предательство. Молчал, потому что боялся услышать ее ответ.

Сжав пальцы в замок, я сидел в темноте, опустив голову, глядя перед собой пустым взглядом. Свет от уличного фонаря пробивался сквозь неплотно задернутые занавеси, заливая желтой мерцающей дорожкой пол и часть письменного стола. И не было сил встать и включить свет. И даже было весьма уютно прятаться в этой темноте, точно в коконе, будто ничего не случилось. Будто я сейчас поверну голову и увижу ее светлые волосы, разметавшиеся во сне по моей подушке. Услышу ее сонное сопение. Проведу рукой по голове, едва касаясь пальцами шелка волос, чтобы не разбудить, и увижу на ее губах легкую улыбку.

Я до сих пор не мог поверить в неискренность ее чувств. Сыграть такое невозможно. Но она все же предала меня. Факты говорили сами за себя. Она скачала данные со спутника. Она каким-то образом передала их повстанцам. Она

уничтожила их тайник с оружием, но остальные не тронула. Она знала, где находится их глушилка электроники, но за каким-то чертом полезла ее взрывать!

Мне были совершенно непонятны нелогичные мотивы ее поступков. Все казалось слишком запутанным и противоречивым.

А коли так, нужно, в конце концов, пойти и выяснить все самому.

И тут, тихонько скрипнув, отворилось окно, сдвигая в сторону легкую ткань занавески. Сначала в нем показалась грязная маленькая ступня, затем изящная тонкая ножка, потом золотистая светлая макушка, а следом уже и вся остальная девичья часть.

– Нина!

Как она умудрилась сбежать?!

Глава 20

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

– Нина!

А ты кого ждал? Черта с рогами? Я зло одернула на него задравшуюся штанину, и полная решимости не отступить, твердо посмотрела ему в глаза.

– Нам нужно поговорить.

«Если он сейчас позовет охрану или кинется на меня, я успею схватить его пистолет», – подумала я, и мы оба синхронно покосились на валяющийся на столе револьвер. Только я оказалась быстрее.

– Я хочу всего лишь поговорить, – сказала я, наставляя на него оружие. – Не вынуждай меня стрелять.

– Как ты выбралась? Почему не сбежала?

– Нам нужно поговорить, – упрямо повторила я, продолжая держать его на мушке и отслеживая каждое его движение.

– Если ты выстрелишь, сюда сбегутся люди. Тебе не уйти.

– Я не собираюсь никуда уходить. Я хочу лишь поговорить. Не двигайся. Я не хочу в тебя стрелять.

Он помолчал с минуту, пристально вглядываясь в мое лицо, затем кивнул:

– Хорошо, давай поговорим, – и, медленно стянув с кро-

вати покрывало, шагнул ко мне.

Какого черта он делает? Я попятилась к окну, обхватила тяжелый револьвер двумя руками прицеливаясь в правую ногу.

– Тихо. Успокойся, – он примирительно поднял вверх руки, все еще продолжая сжимать покрывало. – Нам действительно нужно поговорить. Только не здесь.

Шаг. Еще шаг. Протянул руку, сгребая со стола пояс с пустой кобурой, и, не делая резких движений, застегнул его на талии.

– Здесь слишком людно. Не дадут поговорить спокойно, – продолжил он, делая еще один маленький шаг в мою сторону. Все, дальше пятиться уже некуда, я уперлась спиной в подоконник.

Еще один шаг – и вот он уже на расстоянии вытянутой руки. Если он сейчас нападет, то с легкостью отберет револьвер, я все равно не успею нажать на тугий курок, и я покорно опустила руки, давая ему возможность приблизиться ко мне еще на один шаг. Но он не напал, а, расправив покрывало, накинул мне на голые плечи.

– Что ты делаешь? – удивилась я.

– На улице холодно. Замерзнешь, – туманно пояснил он, осторожно забирая у меня оружие. Затем обхватив меня за плечи, сдвинул чуть в сторону, высунулся в окно, огляделся по сторонам и полез наружу. – Давай, вылезай пока никого.

Стоило мне только спрыгнуть на землю, как меня подхва-

тили на руки и, закинув на плечо, точно мешок с картошкой, куда-то потащили. Рыпаться и задавать глупые вопросы «куда» и «зачем» меня несут, я не стала: скоро и так все прояснится. Главное, убивать на месте меня не собираются – и то ладно.

Вскоре мы остановились, тихонько заскрежетала дверца «катафалка», и меня сгрузили на пол.

– Сиди здесь и не высывайся. Чтобы не произошло – ни звука, – предупредил он и закрыл дверцу «гроба». Какие-то у меня мрачные ассоциации возникли, б-р-р-р...

Ждать пришлось недолго, минут десять-пятнадцать, но босые ступни уже начали подмерзать. А потом хлопнула дверца водителя, заурчал мотор, и машина плавно тронулась с места. Но практически сразу остановилась.

Я замерла, прислушиваясь. Вот кто-то громко приказал «Стой!», затем тихий голос Энжью что-то ответил, слов я не разобрала, затем опять бравый отзыв «Проезжайте, Ваша Светлость!», и я поняла, что мы миновали ворота. Уф. И куда же он меня везет?

Ехали мы долго, я уже со счета сбилась повороты считать. Сначала ехали по дороге, и тряска была вполне терпимой, а потом, когда меня стало швырять из стороны в сторону, я поняла, что мы съехали на бездорожье. У меня зуб на зуб не попадал, но язык прикусить умудрилась, так меня трясло от лихой езды и от холода.

Но вот тряска неожиданно закончилась, «катафалк» оста-

новился, мотор затих, и дверца распахнулась.

– Вылезай, – услышала я короткий приказ и, путаясь в полах покрывала, на четвереньках поползла к выходу.

Энжью глянул как меня нещадно трясет, чертыхнулся, спеленал покрывалом точно мумию и, вновь закинув на плечо, потащил куда-то в дремучий темный лес.

О! Сейчас он меня здесь и прикопает.

Но нет, вскоре мы вышли на небольшую полянку, и, извернувшись, при свете звезд я увидела небольшую избушку на курьих ножках. А, нет, это сваи были.

– Где мы? – проблеяла я из-под покрывала.

– Это охотничий домик. Здесь нас никто не найдет.

Здорово. Он решил меня тут бросить? И возможно лет через сто какой-нибудь случайно заблудший охотник найдет среди развалин мой побелевший скелетик.

Когда мои ступни коснулись холодных досок пола, я невольно вздрогнула и поджала пальцы на ногах. Съежилась вся, выбивая зубами барабанную дробь.

Энжью подсунул мне под попу шаткую табуреточку, заставляя сесть, и, сходяв куда-то в другой конец избушки, притащил ватник, которым замотал мои голые ноги.

От этой заботы у меня слезы навернулись на глаза, но я решительно тряхнула головой, смахивая их с лица. Ни к чему сейчас эта сентиментальность: на жалость давить не собираюсь, и не хочу, чтобы он так думал.

Однако герцог на меня и не смотрел. Подкинув дров в печ-

ку, принялся за растопку. Возился долго, тщательно раздувая огонь. Было видно, что он специально тянет время, страшась начать разговор.

Не торопилась и я. Ничего хорошего от этого разговора я не ждала. В конце меня ждал только приговор и расстрел. И приближать время казни мне не хотелось совершенно.

Но вот огонь в печурке весело заиграл, и герцог выпрямился, посмотрел на меня. Я замерла и прикрыла глаза, собираясь с духом, но он вдруг подошел к шкафчику, скрипнул дверцей и, пошарив в его недрах, выудил на свет небольшой металлический чайник. Вышел с ним в сени, видимо за водой, вернулся, поставил чайничек на чугунную плиту на печи и вновь присел на корточки перед растопкой, подкидывая в зев колотые поленца что побольше.

И потянулось тягостное молчание.

Когда чайник закипел, Энжью снял его, отнес на столик за моей спиной, вновь покопался в шкафу, вытащил оттуда две алюминиевые кружки и жестянку, сыпанул из нее в кружки по щепоти какой-то сушеной травы и залил все кипятком. Сунул мне в руки одну из кружек и отошел обратно к печке. Оперся одной рукой о ее каменную стену и, сделав большой глоток, сказал, не оборачиваясь:

– Начинай.

– С чего?

– С самого начала.

– Не думаю, что о моменте моего рождения стоит сейчас

говорить. Да и детдомовское детство тебе тоже будет не интересно. Ну а остальное ты читал в досье. Там все верно, – ну вот зачем я так, а? Ну почему даже в такие моменты я не могу не съязвить?!

– Почему ты работаешь на повстанцев?

– Я не работаю на них.

– Сколько тебе заплатил Бриан?

– Нисколько.

– Тогда почему ты работаешь на него? – он отставил в сторону кружку, и, наконец, посмотрел на меня. – Он твой любовник? Ты сочувствуешь повстанцам? Он контролирует тебя? Шантажом? Угрозой? Почему ты на него работаешь?

– Я не работаю на Бриана! – не сдержавшись, выкрикнула я и грохнула кружкой о стол, расплескав добрую половину. – Я работаю на Конфедерацию. И выполняю приказы только своего начальства. Даже если эти приказы идут в разрез с вашими. Что зачастую и происходит. Потому что цели у вас разные. Вы хотите победить любой ценой, а Конфедерации выгодно поддерживать равновесие в этой вашей бесконечной гражданской войне. Потому что так вы платите нам в два раза больше. Продали императору списанный спутник – красота. А вот еще «глушилки» для электроники завалились – продадим их повстанцам. Продали императору устаревшие мины – повстанцам миноискатели. А вот изобретение интересное – Радио! – продали императору за сотню кубометров леса. А Слейко за два загоним.

И войну эту они будут поддерживать до тех пор, пока она выгоду приносит. И чем дольше длится война, тем лучше. Главное – не давать никакой из сторон вырваться вперед. А для этого нужно равновесие соблюдать, чтобы, не дай боже, все не закончилось слишком быстро. Поэтому я здесь. Это моя работа – поддерживать это чертово равновесие!

Ваш спутник давал вам слишком большое преимущество. Нужно было его уничтожить. Надо, так надо – приказ есть приказ! Потом обнаружились схроны с оружием у повстанцев, которое попало к ним непонятно как, и которые так же необходимо было ликвидировать, иначе они бы пошли на прорыв. И у них, как ты понимаешь, был бы нехилый шанс сломать вашу линию обороны. А это недопустимо: равновесие нарушится. Но взорвать я смогла только два, на болоте и в горах. А остальные десять преспокойно передала в ваши руки, нарушая прямой приказ Конфедерации.

– Взрыв патронного завода тоже твоя работа?

– Нет. Это диверсия повстанцев. Мне о ней ничего не известно. Но я полагаю, что данные со спутника, что я им передала, помогли им его взорвать.

Колин, я понимаю, как это выглядит со стороны, и что ты сейчас чувствуешь, – он резко мотнул головой, отрицая мои слова, но я все же подняла руку, требуя выслушать меня до конца. – Тебе кажется, что я предала тебя. Но это не совсем так. Я прилетела на Зорану, имея определенную и четкую цель. Я исполняла приказы своего командования. Пока не

узнала тебя. Пока ты не перевернул мою жизнь с ног на голову. Пока ты не стал для меня приоритетом. Твоя жизнь, твоя победа – вот что стало моей целью. И плевать мне уже на Конфедерацию. А тут повстанцы со своей чертовой глушильной установкой! И если бы я ее не уничтожила, то повстанцы уничтожили бы вас. А я не могла этого допустить. Ведь тогда бы погиб и ты. Наверняка. А без тебя война императора была бы проиграна. А без тебя и я бы...

Я замолчала, прикрыла глаза, давая ему возможность осмыслить все вышесказанное.

– Почему ты не сбежала, пока была такая возможность? – в его голосе прорезались мучительные нотки. – Ты же понимаешь, что я должен буду провести расследование и обо всем доложить императору? Тебя переправят в столицу, и там за тебя примутся его костоломы! – он развернулся ко мне лицом, напряженный, измученный, со сжатыми кулаками и болью в глазах. – Император казнит тебя как предателя. Ты понимаешь это?!

– Понимаю, – пожала я плечами и отвернулась, уткнувшись взглядом в темную законопаченную стену сруба.

– Тебе нужно убираться с Зораны. Валить на эту свою... Конфедерацию. Подальше от императора и его дознавателей! Там ты будешь жива! Понимаешь?! – в пару шагов он подлетел ко мне, нависнув скалой, подцепил за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Это ты не понимаешь, – прошептала я, попадая в плен

его глаз. – Я нарушила приказ. Я поддалась своим желаниям и симпатиям. Я ненадежна. Я показала свою профессиональную несостоятельность. А Конфедерации такие не нужны. Я лишь инструмент... испорченный инструмент, который проще выкинуть, чем починить. Таких детдомовских сироток у них еще миллион – расходный материал. И очень удобный в управлении. А сломался – в расход, и не вспомнит о сиротке никто. Некому вспоминать. Мы лишь призраки. Нас используют для таких вот грязных работ. А если прокололся – пуля в висок. Поэтому в Конфедерации меня ждет только смерть. Где бы я не спряталась, меня найдут и убьют. Но сначала допрос. С сывороткой. Которая через несколько часов выжжет мне весь мозг.

Я отстранилась, вырываясь из плена его жестких пальцев и усмехнулась:

– Я лишь девчонка, глупая, влюбчивая дурочка. Только такую посредственность и могли отправить на отсталую планетку к наивным аборигенам. Но даже здесь я умудрилась все испортить. Так что нет у меня в Конфедерации шанса. Ни единого.

– Хорошо. Тогда спрячься где-нибудь на Зоране. В глуши, в лесу, в горах. Да где угодно!

– И сколько я так проживу? – я стала нервно мерить шагами комнату. – Одна на незнакомой планете. Без знания языка и средств. Не зная ваших традиций и устоев. Отличаясь от вас как небо и земля. Постоянно прячась и от Конфедератов,

и от императора... и от тебя тоже. За мою голову назначат награду, и тогда любой встречный будет рад заложить меня властям. Итог в любом случае будет один.

Я остановилась напротив него, всмотрелась в любимое родное лицо, упрямо сжатые губы, морщинки, разбегающиеся от крыльев носа, хмуро сдвинутые брови, усталые глаза. Слишком много боли я ему принесла. За что? Он этого не заслужил.

– А знаешь, что? Лучше убей меня сам, – метнувшись вперед, выдернула из кобуры его громоздкий допотопный револьвер, и кое как, окоченевшими в конец пальцами, приставила его дулом к своему лбу. – От стольких проблем избавишься сразу. И труп тут же где-нибудь прикопаешь. А остальным скажешь, погибла при попытке к бегству. Ну же!

Я ухватила его за безвольно висевшую руку, положила ее на рукоятку. Его пальцы тут же с силой вцепились в нее, как утопающий за соломинку. А я сжала в кулаках длинное дуло, чтобы не дергалось, прижалась лбом плотнее, зажмурилась, сдерживая внутреннюю дрожь. Давай же! Стреляй! Чего ты тянешь?!

В следующий миг револьвер выкрутился из моих скрюченных пальцев и отлетел куда-то в сторону, то ли подальше от соблазна, то ли подальше от моих кривых лапок.

– Ты чего творишь?! С ума сошла что ли?! Хотел бы убить, давно бы уже это сделал. А я только и делаю, что спасаю твою... – не договорив, он замолчал, отвернулся, запустил

пятерню в волосы. Постоял так несколько секунд, затем глухо спросил:

– Сблизиться со мной, тоже была... твоя работа?

– Что?! Вот, значит, как...

Это было больно. Словно ножом по сердцу полоснули. Такого я от него не ожидала.

– Будь у меня такое задание, довела бы его до конца, несмотря ни на что, а не убегала бы от тебя раз за разом, заставляя поворачивать время вспять! Я хотела уйти, черт тебя подери! Пока все это не зашло слишком далеко. Но ты мне не позволил! Ты заставил меня поверить, что у нас может быть будущее. И я поверила тебе, дурак ты этакий! Потому что безумно хотела в это поверить! И глушилку эту гребаную минировать полезла, наперекор всему, нарушая все мыслимые и немыслимые правила. Будь это только моей работой, я и пальцем бы не шевельнула. Но я полезла! Ради тебя. Ради нас с тобой. Ради твоей победы. За что и получила сполна. Сдохла же! Да туда мне и дорога, – я махнула рукой от досады, и сникла. – Но ты опять все сделал по-своему. Почему ты не отпустил меня? Умри я тогда, сейчас не было бы так больно!

– Прекрати.

– Я передала коды спутника и взорвала тайники, да – это моя работа. Но все, что я делала потом, я делала это ради тебя. Да, я предала тебя, выполняя приказ Конфедерации, а потом предала Конфедерацию ради тебя... Поэтому нет у

меня теперь шанса ни здесь, ни там. Поэтому и не сбежала. Некуда мне бежать. Лучше уж я здесь, с тобой... при попытке к бегству... Так что делай что должен – отправь меня к императору или сдай Конфедерации. На мое место пришлют кого-нибудь другого. Более компетентного...

– Да не надо мне никого другого! – Колин сорвался с места и схватил меня в охапку, сжал так, что ребра захрустели. Уткнулся носом в макушку, целуя волосы. – Ну что же мне с тобой делать, шпионка моя любимая?!

– Перевербовать?

Колин Энжью, охотничий домик, Зашимовский лесной массив, в 20 км от штаба главнокомандующего восточного фронта.

– Перевербовать?! И как ты себе это представляешь?

– А что? Я и так уже давно на тебя работаю. Осталось только убедить в этом всех остальных. А конфедератам я буду продолжать слать дезу. Они, кстати тоже уверены, что оборонный завод моя работа.

– Ну, отчасти они правы.

– Вот-вот, – кивнула она и задрожала. Совсем замерзла. Опять босая на голом полу стоит.

Подхватил ее на руки, отнес на топчан, завернул в одеяла. Ватник бросил на печь прогреться и чайник на плиту поставил, а то совсем остыл. С теплым ватником вернулся к девушке, укутал им ноги, потом посмотрел на ее покраснев-

ший нос и схватил на руки, устроил у себя на коленях, согревая своим телом. Совсем мелкая, тонкая, хрупкая. Нежная моя девочка. Никому я тебя не отдам. Спрячу ото всех, хоть здесь в лесу, хоть в пещере, от всего мира. Глотку перегрызу, кто тронет. Вякнуть не посмеют.

– А про спутник своим что скажу? Мол, сам взорвать приказал? Якобы старый, ненадежный, ломался постоянно и давно заменить пора?

– Подожди-подожди, в смысле заменить? Зачем?

– Этот старый хлам уже давно барахлил, то сигнал пропадет, то на связь не выйдет, то данные искаженные присылает, то помехи. Техник сказал, его перепрошивать нужно. Вот я и подумал, зачем мне залатанный спутник? Все равно рано или поздно опять порвется, лучше новый купить.

Она засмеялась и взъерошила мне волосы.

– Перепрошивать – это переустановить на нем все системы. То есть удалить все старые и установить по новой. Только странно как-то он у вас барахлил. Обычно, если спутник этой модели ломается, то это окончательно, раз и навсегда. А тут то сломался, то починился, то сломался, то починился. Чудной он у вас какой-то... был.

Девушка замолчала и вдруг вскинулась, постучала задумчиво пальчиком по губе.

– Отчего Конфедерация так настойчиво стремилась уничтожить ваш спутник? Почему им это было так необходимо? Зачем уничтожать старье, если его и так собирались заме-

нить? Что не так с этим спутником? Странные поломки, которые сами же и чинились. Неверная передача данных. Искажение сигнала. Не выходит на связь в определенные моменты. Такое чувство что им управляли... Твою ж мать!!! Колин, прости, но мне кажется ваш спутник давным-давно хакнули.

– Что сделали?

– Взломали. Боюсь, им пользовались не только вы, но и повстанцы, и конфедераты. Вы следили за повстанцами, они следили за вами, а конфедераты и за вами, и за ними. И тут ты решил его перепрошить. Если бы ты это сделал, то, во-первых, узнал бы, что ваш спутник – совсем не ваш, и у него есть и другие пользователи, а во-вторых, ты бы снес все его старые программные установки, то есть лишил бы их всех возможности за вами следить. Теперь понятно, почему все так стремились его уничтожить! Но откуда они узнали, что ты хотел его перепрошивать?

– Я, если честно, просто хотел его заменить на новый. Перепрошивку предложил техник. Если бы он был связан с повстанцами или Конфедерацией, то вряд ли бы такое предложил, не так ли?

– Логично. Тем более техника на вшивость вы уже проверяли. Он чист. Но кто еще, кроме техника, мог знать о перепрограммировании спутника?

– Никто. Я не собирался его перепрограммировать. Я решил, что купить новый будет проще, чем бесконечно чинить

старье.

– Кто-нибудь еще был в курсе твоих планов? Откуда конфедераты узнали о том, что ты хотел его заменить?

– Понятия не имею. Это были всего лишь мысли. Я ни с кем ими не делился.

– Никому не говорил? Никаких запросов не делал? Писем никому не писал?

– Нет. Я же говорю, это были только планы. В ежедневник записал, чтобы не забыть.

– В ежедневник? А где твой ежедневник?

– Хм. Вроде в сейфе лежит.

– Точно?

– Я обычно его туда кидаю, по привычке.

– А ключи от сейфа всегда при тебе?

– Да.

– И на столе ты свой ежедневник не оставлял?

– Не могу сказать. В любом случае никаких секретных данных в нем нет, и прятать его особой надобности нет. Мог и на столе оставить.

– Кто имеет доступ в твой кабинет?

– Да кто угодно. Проходной двор, а не кабинет. Но при мне никто в мой блокнот не смотрел – это точно.

– Ясно. А кто имеет доступ в твой кабинет, когда тебя там нет?

– Адъютант. Он следит за порядком, у него есть запасной ключ... Адъютант, мать его за ногу!!! Прости, милая, нам

пора возвращаться.

Адъютанта мы взяли прямо в постели. Он спокойно спал сном праведника с чувством выполненного долга. Я ему даже позавидовал, он-то хоть выспался этой ночью в отличие от меня. Мне вот еще совещание экстренное провести нужно, а уж потом... Но для начала кофе...

– Ваша Светлость, позвольте? – заглянул в кабинет князь Таффа. Он был последним.

– Проходите, – махнул ему рукой.

– Рановато что-то сегодня для совещания, – пробурчал он, усаживаясь на свое место и попутно кивая остальным.

– Ну так и случай неординарный. Итак, сегодня ночью за пособничество повстанцам был арестован мой адъютант, граф Риззо. Это он передал лидерам повстанцев схемы прокладки кабелей и частоту передачи наших радаров. На допросе он все подтвердил.

– Разрешите? – в двери стояла Нина, переодетая, умытая и причесанная. Свеженькое личико светилось ласковой улыбкой, глаза смотрели с нежностью, будто и не было этой безумной нервной ночи, когда я чуть не потерял ее вновь.

– А она-то что тут делает?! – возмутился Фрейко, с молчаливой поддержки князя Таффа. Олмен на ее появление ничего не сказал, только смотрел удивленно, высоко вздернув брови.

– Заходите, госпожа Климова.

Я подождал пока она займет свое место и продолжил:

– Исходя из слов графа Риззо, мы выяснили, что повстанцы давно имеют доступ к нашим базам данных через спутник. Им известны все перемещения наших войск, их дислокация, резервы. Благодаря снимкам со спутника они знают о наших оборонных предприятиях и укреплениях...

– Ох, ты ж... – перебил меня Фрейко, и испуганно замолк.

– Это ж что получается? Они все знают? Все пропало? Мы проиграли? – взвился Таффа, взволнованно окидывая всех взглядом.

– Еще нет, князь, успокойтесь.

– Это все она, мерзавка, устроила! – ткнул он пальцем в девушку, скромно сидевшую в стороне. – Это она передала все повстанцам. Почему вы ее еще не расстреляли?!

– Держите свои обвинения при себе, князь Таффа, – жестко осадил его я. – Благодаря госпоже Климовой, нам удалось выявить предателя и узнать о подключении повстанцев к системе управления спутником. Благодаря ее расследованию, нам стало известно, что повстанцы давным-давно его взломали и имеют доступ к нашим секретным документам и базам данных. Поэтому нами была разработана тайная операция по уничтожению спутника. Однако, сделать это нужно было так, чтобы не вызвать подозрение у повстанцев. С этой целью мною был запущен слух о том, что мы собираемся переписать программы спутника. Понимая, что перепрошивка взломанного спутника выявит и постороннее подключение к

его системе и, что в наших рядах действует агентурная сеть повстанцев, они решают его взорвать. Госпожа Климова, через своих агентов передает повстанцам коды самоуничтожения, чем они и воспользовались. Задача решена. Взломанный спутник взорван, повстанцы ничего не заподозрили, и спокойно продолжают свою подрывную деятельность.

– То есть взрывают завод? – не унимался князь.

– Всего лишь пару цехов. Ущерб минимален.

– Ну да! А потом лишают нас связи и глушат радары, – дерзко возразил он. Эх, если бы не его седины и опыт, давно бы в отставку отправил.

– Именно так. Что и позволило нам выявить предателей в наших рядах. Госпожа Климова по своим каналам узнает координаты подавляющей установки и взрывает ее, тем самым раскрывая себя и спасая жизни тысячи людей. Понимая, что она опасна, и ее вмешательство может сильно навредить планам повстанцев, они решают от нее избавиться. Причем избавиться нашими руками. Граф Риззо пишет на нее анонимный донос, зная, что я обязан буду провести расследование, где и вскрыется ее связь с повстанцами и взорванным спутником. Он все рассчитал верно. Я не стал его разочаровывать и четко следовал инструкции. Арестовав госпожу Климову, усыпил его бдительность, что дало нам возможность взять его с поличным, с важными документами из моего сейфа.

– Вы хотите сказать, что все обвинения против госпожи Климовой сняты? – радостно спросил Олмен, сверкая глаза-

ми. И чего это он тут радостный такой? Я ему, блин, пора-
дуюсь!

– Да. Госпожа Климова действовала по моему приказу.

– А как же Конфедерация? – спросил Фрейко. – Почему они допустили все это?

– А Конфедерации нет до вас никакого дела, – ответила за меня Нина. Затем встала и, подойдя к окну, отодвинула занавеску, любуясь восходом солнца. – У Конфедерации своя выгода. Им ваша гражданская возня не интересна. Им всего лишь нужны ваши ресурсы. И пока вы будете платить им за сомнительные, давно устаревшие технологии, вас будут выкачивать. Вас разводят как дикарей, живущих на золотой жиле, но не ведающих ее истиной цены, обменивая на бубенчики и зеркальца ценнейшие ресурсы. Вы не задумывались, почему Конфедерация столь щедро одаривает вас так называемыми «новейшими технологиями» и давно списанным оборудованием? Да потому что им это ничего не стоит! Разгребли свалку утиля, сбавив все на Зорану. Зато в ответ получили от вас меха, древесину, руду, драгоценные камни, пищевые продукты. Да, пока у вас этого много и вам не жалко, но оно не бесконечно. А до тех пор вас будут снабжать технологиями. Научат как добывать нефть, чтобы высосать ее всю до капельки. Подарят вам суперсовременный топор, чтобы вы вырубали им все свои леса. Заключат с вами союз, предложат место в составе Конфедерации, пока Зорана не превратиться в пустынный шарик. Вы, конечно, можете по-

пытаться прекратить торговлю и закрыть планету. Разорвать все отношения с Конфедерацией. Но не факт, что Конфедерация оставит вас в покое. Ваш император правит на Зоране еще лишь потому, что он готов платить. Готов отдать за блестящие бусики целый живой мир. А откажется платить, и тут живо высадутся оккупационные войска Конфедератов. И все ваши ружья и револьверы, как копья дикарей, против их лазерных прицелов. Но, ведь мирная торговля гораздо выгоднее войны, не так ли? Тем более, когда вы сами готовы отдать им все самое ценное, всего лишь за кучку ненужного хлама.

– Трудно понять вашу точку зрения. Вы говорите, что технологии устарели, но не для нас! Оборудование, что для вас является хламом, для нас новшество, что позволило войти в новый век, стало толчком к прогрессу. Разве это плохо? Нет. То, что для вас давно устарело, нам только на пользу, – выразил наше общее мнение князь Таффа.

– Да, это так. Только польза однобокая получается. Вы развиваете одно, совершенно забывая о других сторонах прогресса. Научившись вырубать леса, вы не задумываетесь об их восстановлении. А ведь вырубаются они гораздо быстрее, чем растут. Развиваете промышленность, но не умеете перерабатывать отходы, превращая в свалки благодатные поля и леса. Стремитесь оснастить армию новейшим оружием массового поражения, но не умеете лечить. Рушить и убивать легко – созидать тяжело и долго.

– И что же нам делать? – растерянно спросил Фрейко.

– Трудный вопрос. Я вряд ли смогу найти на него оптимальный ответ. Но думаю и помимо меня у вас есть хорошие специалисты, которые подскажут вам как правильно поступить. Я могу лишь от себя посоветовать вам менять внешнюю политику торговых отношений. Поднимайте цены. Ваши ресурсы союзу Конфедерации гораздо нужнее, нежели вам их устаревшие технологии. Ищите другие рынки сбыта. Как повстанцы, например. Те же крианцы продадут вам пару самолетов гораздо дешевле и с большей охотой. Или пираты, например. У этих вообще можно найти все что угодно, от целлофана до орбитальной станции.

– Эх, нам бы новый спутник, – вздохнул Олмен, пригорюнившись.

– А вот с этим я думаю могу вам помочь, – обернулась девушка и, улыбнувшись, спросила у меня: – Ваша Светлость, «Сиреневый кит» еще на орбите?

– Да. Болтаются еще. Ждут чего-то.

– Отлично! Можете предоставить мне закрытый канал связи с ними?

– Зачем? Что вы задумали?

– Купим у них новый спутник, – просияла она.

– А они нам его продадут? – выразил сомнение князь Фрейко.

– Эти и мать родную продадут за краюху хлеба.

– А чем мы с ними расплатимся? – уточнил более меркантильный граф Парро.

– Местью! Труп убитого креанца еще у нас?

– В холодильной камере лежит.

– Отлично. Креанцы своих не бросают. И мстят страш-

но...

Глава 21

Нина Климова, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

А три дня спустя, мы с удовлетворением наблюдали через оптические камеры нового спутника, как орбитальное орудие «Сиреневого кита» взрывает подпольные заводы повстанцев. Месть хорошая штука. Выгодная и действенная.

Теперь повстанцам будет гораздо труднее собрать свои крупнокалиберные гаубицы, если они у них еще остались, конечно.

Равновесие сил было нарушено. Конфедерация слала мне гневные требования и противоречивые приказы, и мне приходилось изворачиваться и лгать, откупаясь мелкими и незначительными победами повстанцев, как моей подрывной деятельностью, приписывая себе их заслуги. Но долго так продолжаться не будет, там тоже не дураки сидят. Боюсь, в скором времени меня ждет депортация домой. Оттого и настроение на нуле уже который день.

Император Кримп, наконец-то, вышел из своей многомесячной спячки и под давлением главнокомандующих фронтов решился на полномасштабное наступление. Посему в ближайшие дни нас всех ждет передислокация ближе к линии фронта. А завтра на заре мой Колин уезжает в столицу, к императору, для получения дальнейших инструкций.

Сколько его не будет? Неделю или две, скорее всего. Мне же остается только ждать и надеяться, что конфедераты не отзовут меня, пока его нет рядом.

Ладно, прочь грустные мысли, у нас впереди еще вся ночь, а значит полноценных 8 часов, а это целых 480 минут, то есть 28 тысяч 800 секунд. Поэтому не стоит терять ни секунды!

– Ваша Светлость, вызывали? – уточнила я, открывая дверь его кабинета.

Я ожидала увидеть господина герцога одного, но застала его вместе со служкой, что жил в молитвенном доме при штабе. Я с ним раньше не общалась и в церквушку их не заглядывала, стороной обходила, поэтому и не зналась с ним до сих пор.

Интересный мужчина, к слову сказать. Ростика небольшого, по местным меркам, Его Светлости по плечо, глаза и цвет волос – соответствующий нации, однако подбородок украшала бородка, небольшая, клинышком. Нос был выдающийся, с горбинкой, а губы тонкие, сухие. И одеяние балахонистое в пол, темно-зеленое с желтой вышивкой по воротнику и рукавам.

– Проходи, Нина, – Энжью тут же подошел ко мне и взял за руку.

Хм, что-то странное происходит. На «ты» перешел и за руку взял при посторонних. Мне уже пора начинать бояться?

Его Светлость тем временем вытащил из кармана небольшую шкатулку и протянул ее служке, который тут же оную

и открыл.

Интересно что это? Я даже шею вытянула, пытаюсь разглядеть, что там сокрыто. Напрасно.

Служка отставил ее в сторону и, выпростав из широкого рукава маленькую книжицу, протянул ее нам, удерживая ее двумя руками. Энжью положил на книжицу мою ладонь и накрыл своей сверху, слегка прижимая ее, видимо, чтобы я не дергалась, а то все это было как-то очень странно и волнительно. Присягу что ли от меня потребует?

– Что происходит? – почему-то шепотом спросила я.

– Тссс, – улыбнулся мне в ответ Колин и повернулся к службе, торжественно внемля его словам.

А тот забормотал что-то на неизвестном мне языке, что-то такое монотонно-тягучее, что переговорник даже и не пытался перевести, явно намекая что это какой-то древний и незнакомый ему диалект, и стал осенять наши руки странными знаками, точно руны над ними рисовал, дерганные и хаотичные. Правда, надолго его не хватило, видимо, руки устали, и книжица все же была хоть и маленькой, но пухлой, потому, отложив ее в сторону, он запустил пальцы в приглянувшуюся мне шкатулочку и вытянул из нее две длинные замкнутые в круг цепочки, по цвету очень напоминавшие платину или серебро. Эти цепочки между собой соединялись крупным интересным замочком, похожим на древний иероглиф, где две витые половинки очень тесно переплелись между собой в сложный замысловатый рисунок.

Растянув пальцами петли цепочек в разные стороны, служка поднес это странное украшение к Его Светлости и чуть поклонился ему, предлагая тому принять его с честью.

Но Энжью его не принял, а лишь коснулся пальцами, раскрывая замочек и расцепляя его на две половинки, получив из одной цепочки сразу две с красивым оригинальным кулончиком на каждой. И только затем взял тот, что был ближе к нему и неожиданно повесил его мне на шею. Я недоуменно вскинула брови, но мужчина лишь улыбнулся в ответ, не спеша ничего объяснять, и глазами предложил мне сделать с оставшейся цепочкой тоже самое.

Ну а мне что, жалко, что ли? Нацепила ему на шею цепь и повертела в руках украшение. Теперь мы с ним как два побратима с одинаковым украшением на груди. Прикольно.

И только после этого слушка выпрямился и заговорил:

– Поздравляю вас, Ваша Светлость! – поклонился он господину герцогу. – И вас, Ваша Светлость, – поклонился он мне.

– Ой, какая веселая шутка, – захлопала я ресничками. – Вы ошиблись. Я не Его Светлость, – ткнула я пальчиком в Его Светлость... но Колин не дал мне договорить, перебил нагло и беспринципно, не давая расставить все точки над Ё.

– Спасибо, отец Дастин, можете быть свободны, – и, не дожидаясь, когда за ним закроется дверь, подкрутил стрелки у своих часов, затем притянул меня к себе и поцеловал в лоб. – Попробуешь снять цепочку – руки поотрываю и по

попе отшлепаю. Вам ясно, Ваша Светлость, госпожа Энжью?

– Чего? Это ты что сейчас такое сказал?

– Ой, не притворяйся дуручкой! Сама уже все поняла! И давай только без истерики, ладно?!

А я и вправду дуручка! Стою, ресницами хлопаю, ветер по комнате разгоняю. А у самой мысли мечутся невероятные просто. Совершенно невозможные. Нереальные даже!

– Да не! – мотнула я головой.

– Ага, – поддакнул он.

– Да не может быть?! – уперлась я.

– Точно, – кивнул он.

– Ты серьезно?! – сощурилась я подозрительно.

– Как никогда ранее! – заверил меня он и я, каюсь, взвизгнула пронзительно и на шею ему кинулась радостно. Какая тут нафиг истерика?! Это просто Истерия! Экстаз! Нирвана! Счастье! Блаженство! Это то, о чем я даже и мечтать не смела!

А потом, словно ушат ледяной воды за шиворот:

– Но ты же не можешь? Тебе же нельзя?! Как же так-то?!

– Яблочко от яблоньки... Помнишь историю моего отца?

– Угу, – кивнула я, припоминая что он там говорил что-то про тайный брак с его матерью.

– Я слишком хороший сын. Иду по его стопам прямо-таки! Думаю, они с мамой будут рады. Но запирать тебя вдали от себя не хочу. Поэтому будем держать наш брак в тайне до тех пор, пока это возможно. Не хочу терять тебя. Не могу

жить без тебя. Никому тебя не отдам!

– А как же отец Дастин? Надеюсь, ты не собираешься его прикопать по-тихому ради тайны?

– Глупость какая! Я ему просто время открутил. Для него нас с тобой более не существует.

– Это хорошо, это правильно, а то я чувствую себя такой кровожадной! – и я ладошкой накрыла висевший на его шее кулон. – Красивый...

– Это семейная реликвия. Видишь этот символ? – указал он мне на самую большую загогулину. – Это знак императорской семьи – «Д-Энжью». А вот эта частица – принадлежность к младшему роду «Энжью». Теперь ты часть моей семьи. Моя жена. Мать моих будущих детей. Ведь ты родишь мне ребенка, когда эта твоя фертильность восстановится?

А я представила себе мальчика с такими же пронзительно черными, как у Его Светлости, глазами и уплыла из реальности. Я мир переверну ради этих глаз, только дайте мне рычаг!

А утром он уехал.

Собрал документы, прошение императору на закупку и поставку новейшего обмундирования, оружия, продовольствия, медикаментов, а также отчет по вновь приобретенному спутнику взамен утерянного.

Он не собирался скрывать от императора правду о моем участии в этой истории. Ведь тут все зависело от того, как это преподнести, и кто это преподнесет первым. Информа-

ционные войны – главный козырь на поле брани в современной войне. Сумеет ли Колин убедить императора в моей полезности – вот что страшило нас с ним больше всего. Если он докажет мою нужность и полезность делу, то возможно, с помощью императора можно будет через пару лет перекупить у конфедератов мой контракт на службу. Ведь я совершенно бесполезный кадр, даже бездарный, правда ведь? А если они еще так не думают, то мы это докажем!

Энжью очень надеялся на Кримпа, пряча за пазухой главный свой аргумент – знак своего рода, что он разделил со мной, со своей женой.

Женой... Кто бы мог подумать?! Чудеса, да и только! Смела ли я мечтать об этом? Да я даже сейчас, спустя неделю, не позволяю себе в это верить, чтоб не забыться ненароком. Чтобы не стать его слабостью.

– Госпожа Климова! – раздался в дверь настойчивый нервный стук.

– Да, граф Парро, входите! – разрешила я и поспешно засунула за пазуху серебристый кулончик, что машинально вертела в руках все это время.

– О! Госпожа Климова! Я так рад, что застал вас! – бочком протиснулся в комнату граф. – Мне непременно нужно вам передать вот это! – мужчина суетливо оглянулся за дверь, прикрыл ее плотно за собой и протянул мне конверт.

Я недоуменно изогнула бровь, но письмо приняла и

вскрыла, попутно отметив, что адресат на конверте не указан, он вообще был чист с обеих сторон. Однако стоило мне развернуть желтоватую плотную бумагу, я тут же узнала подчёрк Его Светлости и с жадностью принялась расшифровывать местные письма.

Энжью писал, что возвращается уже завтра и просил встретить его в деревеньке километрах в тридцати на северо-западе от штаба восточного фронта. У него была для меня очень важная информация и он хотел бы обсудить ее до того, как вернется в штаб. Без посторонних. Очень просил соблюдать осторожность и сохранить все в тайне. В штабе все еще могут быть пособники повстанцев, поэтому довериться я могу только графу Парро.

Ну что ж, пособники действительно могли быть, этого исключать нельзя. Да и граф человек чести, это он уже доказал.

– Кстати, как вы себя чувствуете? – спросила я мужчину, отметив, что выглядит он довольно бодро.

– Ах! Госпожа Нина! Ваше лекарство просто чудо! Можно сказать, будто заново родился! Вы мне жизнь спасли! Но, прошу вас, нам нужно поспешить! Его Светлость прибудет на место встречи к полуночи. Нам нельзя опаздывать!

– Да, да. Я быстро.

Я лихорадочно начала собираться, стараясь не смотреть на графа, что, деликатно отвернувшись к двери, подсматривал в щелку на коридор, ожидая удобного момента, когда дежурный наконец отлучится.

Собиралась я недолго – удобный спортивный костюм, разгрузка, «пукалка» с запасной батареей, аптечка, да стратегический заряд бомбочек – вот и все, что нужно девушке на свидании с любимым.

Закрутила волосы в кичку, закрепила спицами, потуже затянула шнурки на ботинках и схватила куртку – все, я готова. Кивнула графу и направилась к окну. Парро недоуменно понаблюдал, как я ловко перелезаю через подоконник, и поспешил следом.

Отдуваясь, как паровоз, пролез в раму и грузно спрыгнул на землю. Да, знаю, тяжело ему, ну а он что хотел? Соблюдать тишину и таинственность не так-то просто. Но это он еще про мой лаз под забором не знает. Интересно, что он скажет, когда застрянет в нем? Надеюсь, мы не станем ждать, когда он, наконец, похудеет? Потому что худеть ему придется очень быстро.

Колина я ждала только на следующей неделе. Он не планировал возвращаться раньше, если, конечно, не произойдет что-либо экстраординарное. Что, видимо, и случилось, а иначе к чему тогда это письмо?

А кстати, где оно? Похлопав себя по карманам, я прокрутила в голове свои спешные сборы, пытаюсь припомнить, куда я могла его запихать, но увы, помню лишь, как сунулась в сейф за пистолетом, и все. Видимо в сейфе его и оставила. Ну да ладно. Координаты я знала наизусть, мимо не проедем.

Тем более со мной граф. Не подведем.

«Катафалк» поджидал нас в лесочке, в паре километров от штаба. А то я уж было подумала, что все тридцать километров нам придется нестись рысцой, дабы поспеть к полуночи. За себя-то я не переживала, а вот граф с его остаточной отдышкой беспокоил меня сильно.

Деревенька, где назначил нам встречу Энжью, встретила нас кромешной темнотой. Ни огонечка не блеснуло в оконных проемах, ни фонаря у крылечка, ни дымящихся труб, несмотря на прохладную ночь. Только ветер пел нам тоскливую песню, да сыпался с неба колючий снежок. Зима потихоньку брала свое, покрывая к утру землю белоснежным покровом, что к обеду превращался в грязное месиво. Но она не сдавалась и застилала белоснежную простынь заново, исподволь отвоевывая у светлого дня минуту за минутой.

Близилась полночь, однако граф нетерпения не проявлял, молча сидел в кабине, нахохлившись и грея озябшие руки в зауженных рукавах своего пальто. Я вопросами его не терзала, видя, что он задумчив и погружен в себя, пыталась согреться сама, отплясывая джигу вокруг «катафалка». Остановилась лишь когда слышала вдалеке тихий рокоток автомобиля и замерла, вглядываясь в темную даль, с нетерпением предвкушая долгожданную встречу.

В какой момент рядом очутился граф я даже не заметила – слишком тихими были его шаги. Только обернулась на его слова удивленно:

– Простите, госпожа Нина...

А потом голова взорвалась острой болью и сознание уплыло в спасительный мрак.

Глава 22

Нина Климова, местоположение неизвестно

Очнулась я в кромешной темноте с ощущением, что лежу на твердом холодном полу совсем голая. Озноб пробирал насквозь даже через тонкое белье исподнего. Затекшее тело, заледеневшие конечности, головная боль и тошнота – да мне и диагноста не надо, и так понятно, что сотрясение мозга налицо. Да и с самим лицом не все в порядке. Какая-то тряпка холщовая кожу щекочет неприятно. Плотная, свет не пропускает, липнет ко рту при каждом вдохе, в ноздри ворсинки забиваются.

Пошевелилась, с болью и хрустом разминая затекшие суставы, хотела стащить тряпку, да замерла, услышав чуть в стороне тихое звяканье цепи. Там кто-то есть? Или это мои цепи? Прислушалась к себе, едва шевеля конечностями. Да, это меня на цепи посадили, как собаку бешенную. За руки, за ноги приковали. Боятся, что ли?

Цепи короткие, до лица не дотянутся, тряпку не стащить и ноги толком не согнуть, не повернуться. Неприятное положение, скажу вам.

Ладно. Пока еще рано паниковать. Главное – я жива, относительно здорова и в здравом уме (хотелось бы на это надеяться!). Ну а поскольку надежда умирает последней, решила пока не рыпаться почему зря, а подумать. Легла поудобнее,

вытянула ноги, постаралась отрешиться от головной боли и уплыла мыслями в недалекое прошлое.

Вот уж тут мне и вспомнились слова Энжью о том, что семья – это обуза и слабость. Кто бы мог подумать, что милейший граф Парро способен на такое предательство?! Но что он задумал? Зачем ему я? Затаил на Его Светлость обиду, будет шантажировать и требовать выкуп? Продаст в рабство? Сдаст Конфедерации? Повстанцам?

У него пять дочерей на выданье. И графа это очень беспокоило. Он был стеснен в средствах, и искал любую возможность заработать. Вот и нашел.

Кхм, даже интересно, сколько я стою? Видимо, не мало, иначе он бы на такое не решился. Парро – человек осторожный и рассудительный. На пустой риск зря не пойдет. Тут уже игра ва-банк: пан или пропал. И что дальше? Конфедераты ему за меня выкуп платить не будут – это я знаю точно. Я не столь ценный кадр. Им дешевле от меня избавиться, чем выкупать. Еще и на зарплате моей сэкономят, сволочи меркантильные. Тогда остаются Энжью, повстанцы или рабство. С последним пунктом проблема. На Зоране, как мне известно, рабства как такового нет. Но есть же и нелегальный рынок. А еще космические пираты. Мог граф выйти на них? Не знаю. Ладно, поживем-увидим. Дальше что? Повстанцы... А им я зачем? Мстить будут за схроны и глушилку? Или Энжью шантажировать? Скорее всего. Так что тут по всему выходит, украли меня только из-за связи с Его Светлостью. Хо-

рошо, примем это как данность. И что? Ну предположим, получит граф за меня деньги, куда он сможет сбежать с ними от возмездия? К повстанцам в горы? На другой континент? На другую планету? Или никуда не побежит, а убьет и меня и Колина, и концы в воду? Мол, знать не знаю, ничего не ведаю, а средства в наследство от бабушки получил?

Мда, ситуёвина получается. Подставила я все-таки Его Светлость. Не хотела быть его уязвимым местом – а стала. Теперь надо как-то выбираться из всей этой передраги.

Тяжело, конечно, вести войну в одних трусах и трикотажной майке без своих милых сердцу «пукалок» и «звездочек», но хоть линзы контактные остались при мне, да спицы из прически никто вынуть не догадался. Беспечные люди. Не видят во мне опасности. Я же женщина, а женщины у них не воюют. Ну и да, признаю, со скованными руками и ногами не шибко повоюешь, тут еще хорошо извернуться придется. Едва ли мне удастся лазерным прицелом расплавить свои оковы, максимум, что могу – выжечь сетчатку глаза, и то если противник будет долго и неотрывно пялиться в мои алые зенки. Но он этого делать, естественно, не будет, потому и этот вариант отпадает.

Да, что толку выдумывать фантастические варианты! Мне в любом случае нужна свобода передвижения. Поэтому будем ждать и действовать по обстоятельствам.

Долго ждать не пришлось: выспаться мне не дали. Но хоть

голова немного поутихла, перестав долбиться пульсирующей болью в виски.

– Ну и кто тут у нас? – раздался над ухом хорошо поставленный мужской тенор, и я порадовалась что «переговорник» мой от удара не пострадал. Он хоть и гарантийный, но явно не предназначен для эксплуатации в экстремальных условиях.

– Ваша Светлость, посылка от графа Парро, – отозвался вдали еще один голос.

Ох, ты ж! Еще один герцог на мою больную голову! И кто ж таков? Я начала лихорадочно перелопачивать в уме всю родословную императорской семьи, но никаких посторонних герцогов, кроме Энжью не припомнила. Если, конечно, не считать его двоюродного брата Бриана Слейко, который лидер повстанцев. Но он незаконнорожденный сын его тети, старшей сестры императора, и фамилия у него другая, не Д-Энжью, как у главы рода. Поэтому и герцогом он быть никак не может. Если сам себя не провозгласил таковым от чрезмерной наглости, конечно.

– Посылка, говоришь, – задумчиво проговорил Его так называемая Светлость, остановившись где-то в районе моего правого бедра, и я невольно напряглась, почувствовав, как моя короткая майка поползла вверх, открывая пупок, ребра и грудь. Прохладный воздух лизнул оголенную кожу ледяным языком, вызвал толпу мурашек и обласкал соски, от чего они сморщились и встопорщились вызывающе.

Холодные, жесткие пальцы тут же сжали тугие горошины и потянули. Больно. Я подалась следом, выгибая спину, и позволила протяжному стону сорваться с губ. Пусть воспринимает его как хочет. Я слабая женщина. Я готова на все. Я сыграю и эту роль. – Какая чувствительная девочка, – прошептал мужчина, обрадованный моей реакцией. – Кожа как снег. Какой замечательный подарок преподнес мне граф... Снимите мешок!

Приказ Его Светлости выполнили беспрекословно, тесемки на шее распустили и мешковину с лица стянули, не зверствуя правда, бережно, даже голову придерживали, чтоб не поранилась.

– Конфедератка?! – потрясенно прошептали в унисон два голоса и замолчали, а я, к сожалению, не смогла полюбоваться на их забавные вытянувшиеся физиономии, ибо пыталась проморгаться спешно, привыкая к неяркому свету тусклой лампы под потолком после крошечной тьмы в плотном мешке.

Но мужики приходили в себя достаточно долго, шарили глазами по телу, задерживаясь на лице, волосах и обратно на груди, к ногам, и вверх, цепляясь жадными взглядами за кружево трусиков и вновь останавливаясь на груди, так что я успела их рассмотреть.

Один, тот, что ближе, был одет просто, в темно-серую форму без отличительных знаков, явно из рядовых служивых, а вот второй мужчина – этот был эпатажен. Черное ко-

жаное пальто строгого кроя чуть ниже колен с меховой оторочкой из чернобурки, под ним кожаная безрукавка на продолговатых костяных пуговицах на голое тело и такие же кожаные штаны в обтяжку.

Вся его долговязая худощавая фигура была затянута в эту черную кожу или ее подобие, что казалось совершенно не уместным и диким на фоне остального традиционного авторитарного общества Зораны. Он был похож одновременно на рок-певца, панка с элементами стиля «милитари» и гламурного жеманного мальчика. Ну разве что прическа была вполне классической – коротко стриженные виски и волна антрацитовых волос с косым пробором. И лицо – лицо достойно восхищения. Великолепный образчик мужской красоты. Идеальные черты. Глаз не оторвать. Прямой нос; темные глаза с опушкой длинных загибающихся ресниц; красивый абрис губ, чуть полноватых, чувственных; высокие скулы. Его бы на обложку женского журнала, бабы слюной бы зашлись, облизываясь на него. А он тут стоит, в шаге от меня, глазищи тарачит на мою красоту неземную.

Ну пусть полюбуется, мне не жалко, лишь бы руками не трогал, а я пока вокруг осмотрюсь.

Однако смотреть было не на что. Явно тюремная камера: крашенные серые стены, узкое оконце с решеткой и грязным стеклом, плесневелый потолок и стол железный посередине, а на столе я во всей своей красе первозданной с цепями на руках и ногах. Попыталась рассмотреть крепежи, да цепи под

стол уходили, с такого положения их не разглядеть, хоть я и извернулась вся, как могла.

Но властная длань красавчика в черной кожаной перчатке припечатала мою голову к столу, не терпя подобного произвола, и спустилась на шею, сдавливая горло.

Подцепив пальцем сбившуюся цепочку, мужчина выдернул из-под меня кулон и склонился ниже, рассматривая украшение. Его лицо было слишком близко, и быструю смену эмоций, искажившую идеальные черты, я разглядела очень хорошо. И это меня напугало, не скрою.

Сначала он хмурился недоуменно, потом пришло узнавание и изумление, потом недоверие и острый взгляд мне в глаза, потом гримаса брезгливости скривила его чувственные губы, и он отстранился поспешно, отшвырнув от себя украшение, точно паука ядовитого сбросил с ладони.

– Конфедератская шлюха, – процедил он злобно, обходя меня по кругу. – Вот как... Значит, братишка ввел тебя в семью... Хм...

Он остановился у меня в ногах и вновь окинул оценивающим взглядом с головы до ног.

– Он проводил с тобой ритуал? Говори?!

Ничего я, естественно, говорить не стала. Не его это собачье дело. А вот личность этого красавца мне теперь стала известна. Это тот самый легендарный лидер повстанцев – Бриан Слейко, человек, обладающий уникальной суперспособностью проходить сквозь стены.

Ну что сказать... Вот это я попала!!!

– Я с тобой разговариваю! – он подался ко мне, жесткие пальцы в перчатке больно сдавили мне щеки, поворачивая к себе мою голову. Его хмурое, злое лицо склонилось надо мной, подавляя и требуя ответа.

Я испуганно сложила бровки домиком, распахнув невинные голубые глазки. Губки скривились жалобно, вот-вот заплачу.

– Тьфу ты! – выругался мужик и чуть отстранился.

– Может, она вас не понимает? – влез со своей подсказкой солдатик, тайком оглаживая пальчиком кружево трусиков на моем бедре. Они явно ему приглянулись. Может, удастся его подкупить? Отдам последние трусы в подарок, а?

– Энжью пьароводьиль с таьбо ритьюаль? – еще раз спросил у меня Слейко на языке Конфедерации. Но я и на этот вопрос отвечать не стала, плечами лишь дернула неопределенно и отвернулась, вырываясь из захвата. – Дрянь! – озлился Его Светлость, и щеку мне обожгла хлесткая пощечина.

Ну и пусть. Я показательно всхлипнула и пустила слезинку, прикусив губу. Бывало и хуже, хорошо не часто, переживу и это. Мне пока непонятно было, чем так важна для предателя эта информация, потому и промолчу. Терпеть боль нас приучали с младенчества, не скажу, что мне это нравилось, но свой болевой порог я знала. И подобная оплеуха – это так, лишь нижняя его грань. Но я же женщина, нежная и ранимая, со мной так нельзя, потому и плачу.

– Говори! Был ритуал или нет?! – не отставал от меня красавчик и сграбастал в кулак цепочку, натянув ее до предела. Крепкий металл выдержал, не порвался, только в кожу впился остро и болезненно. Я выгнулась навстречу его руке, прижалась к ней голой грудью, захрипела придушенно.

Слейко понаблюдал, как из рваной ранки под челюстью выступила кровь, окрашивая серебристый металл цепочки и скатилась набухшей каплей на стол, чертыхнулся и отпустил меня.

– Хорошо. Я заставлю тебя говорить по-другому, – пригрозил он и отошел к изножью стола, бросая на меня злые взгляды. – Разведи ей ноги! – приказал он подручному и скрестил на груди руки. Ох, явно гадость задумал. Пытать будет? Ну-ну.

Солдатик был исполнительный, тут же кинулся к столу и закрутил-заскрипел шестеренками, натягивая мои цепи. Ноги развел широко, до самых противоположных углов стола дотянул, зараза. И ремнями их к впаянным стальным кольцам пристегнул, чтоб пятками не скребла по столешнице.

Слейко дождался пока тот закончит, проверил крепежи и приступил к экзекуции, то есть сорвал с меня трусы. Резко, одним рывком, оставив на бедрах красные полосы ободранной кожи. Отбросил кружево в сторону и уставился застывшим взглядом на узкую полоску светлых волос.

Ну, да, зрелище эротичное, возбуждающее, согласна. А для уроженца Зораны еще и экзотическое. Они тут еще не

знакомы с декоративной депиляцией в области бикини. От-
стальные люди. Непросвещённые.

Вот один уже просветился. Аж в глазах огонь жажды пы-
лает, да слюнка капает на жилет.

А второй за трусами метнулся. Оглянулся воровато на Его
Светлость и в карман их себе запихал. Фетишист хренов.
Слейко отвлекся на его возню, отвернулся, сглотнул гулко,
дернув острым кадыком.

– Шлюшка! – выплюнул он ругательство. – Не хочешь
говорить со мной, под ним заговоришь! – и он ухмыльнул-
ся, посмотрев на своего солдата. Тот понял его с полусло-
ва, усмехнулся в ответ, подошел ближе, ладошкой ногу мою
огладил, а затем дернул на себя за бедра, так что попа чуть
с края не свесилась. Колени в стороны развел и распластал
меня на столе как лягушку для препарирования. Едва сухо-
жилия в суставах не порвал.

Руки вывернулись в плечах, вытянувшись за головой из-за
коротких цепей на запястьях. Я заплакала, давая волю навер-
нувшемуся слезам и постаралась не обращать внимания на
его возню со штанами. Меня больше интересовало невнят-
ное бормотание герцога, рассуждающего вслух с самим со-
бой:

– Если повесил на нее родовой знак, значит ритуал был.
Обычной любовнице он бы его не отдал. Значит брак заре-
гистрировал. Но это невозможно! Император на это нико-
гда не согласится! Тем более с какой-то конфедераткой. Чу-

жая кровь. Это недопустимо! Но знак есть! – Его Светлость вновь подскочил ко мне, подцепил цепочку, вглядываясь в кулон, отшвырнул неприязненно. – Подлинный! Зараза! Ты мне скажешь или нет?! Был этот чертов ритуал или нет?! – накинудся он на меня вновь, брызжа в лицо горячей слюной. – Иначе я тебя сейчас через строй пропущу! Говори, шлюха императорская!

– Чего это я императорская?! – искренне возмутилась я. – Да я вашего императора даже в глаза не видела!

– Чего?! Какой император?! Заткнись!

– Ну хорошо, – покладисто согласилась я. – Как скажешь.

– Говори давай! Был ритуал или нет?!

– Вы велели заткнуться, – упрекнула я Его Светлость и отвернулась, гордо и независимо.

– Тварь! – выкрикнул он и посмотрел на подручного. – А ты чего рот открыл?! Давай, приступай!

И тот приступил, рукою орудие свое обхватил и направил его на меня, да не донес бравый солдат своего копья, Его Светлость опять прервал его гневным выкриком:

– Да не сюда, придурок! Для тебя другая дырка есть! – и колени мои к животу прижал, открывая полный доступ.

Я сдерживаться не стала, заорала на полную мощь своих легких. Хоть и не девочка уже, но подобный изврат не люблю, да и брезгливая больно.

– Если ритуал был, она может носить его ребенка, – продолжал разглагольствовать Слейко, не обращая внимания на

мои вопли. Как же я люблю тех, кто любит рассуждать вслух сам с собой в такие минуты! Болтун вообще находка для шпиона. – Даже если и не было ритуала, провести его никогда не поздно. А если был ритуал и она не беременна, то это будет мой ребенок. Мое семя. Законный наследник. Мой сын будет носить титул герцога Энжью!

Вот это его занесло! Вот это заявочки! Вот это выверты разума!

Я потрясенно заткнулась и вытаращилась на Его Светлость. И что за хрень он тут еще удумал? Это он что, осеменить меня что ли решил? Нафига?!

– А если будет девочка? – ехидно уточнила я, плотнее сжимая мышцы. Эти трепыхания солдатика меня уже утомили, пора кончать с этим.

– Какая еще девочка?! При чем тут девочка?! Заткнись уже, а?! – и в сторону кому-то там за дверью крикнул: – Доктора сюда немедленно! А ты, давай уже, кончай с этим! – приказал он упарившемуся работяге.

– Ага, – прохрипел тот и дернулся пару раз напоследок.

Уф! Вот чего я боялась больше всего – это получить какую-нибудь заразу от этих вечно немых членов... общества... но надеялась на чудодейственную силу своих прививок. Зря что ли меня ими нашпиговали перед командировкой, уж от гонорей-то они меня защитят!

Но когда этот доморощенный докторишка полез в меня своими голыми грязными руками, я все же не сдержалась,

завопила истошно ему в ухо:

– Эскулап недоделанный! Ты руки-то мыл? Коновал хренов! Хоть ногти свои постриги! Небошь в носу у себя ковырялся, а потом в меня полез! Айболит чертов! – я извивалась и изгалялась, но от докторишки доморощенного реакции не дождалась и тактику сменила: – Не будет тебе никакого сына! Он мне сейчас лапами своими немытыми инфекцию занесет и помру я от заразы вашей местной! У меня на нее иммунитета нет! Смотри какие у него когти грязные! Да у него там полчища микробов ползают! Он же меня там на лоскутки порвет такими когтищами!

Его Светлость моим мольбам внял, мыться мужика отправил, видно действительно очень сына хотел, и потом следил за ним грозно, наблюдая за каждым движением.

А мясник этот свежеиспеченный, видимо, отомстить мне решил, так мял и щупал меня внутри, что я белугой завывала, губу прикусив до крови. Тут уж Его Светлость меня пожалел, доктора в сторону оттащил, поглядывая недобро на его окровавленные пальцы, встряхнул его за шкирятник и спросил грозно:

– Ну?!

– Да пустобрюхая она. Пустая, – сплюнул докторишка, потряхнув козлиной бородкой, и бросил на меня злобный взгляд. Обиделся он видите ли! Ирод. Вот выберусь из этой передраги, медициной займусь, чтоб вот таких вот убийц-врачевателей даже близко к бабам не подпускать. Пусть вон

Его Светлость самопровозглашенную лечит и лапы свои с когтями черными ему во все дырки запихивает. Мерзость какая!

К счастью, Его Светлость мыслей моих читать не умел, и об участи своей незавидной ведать не ведал. Стоял, лапки потирал, улыбался масляно, герцогскую корону уже на потомков своих примеряя. Наивный.

Но я разубеждать его не буду: не в моих это интересах. Мне свобода нужна, пусть и относительная, чтобы цепи снял, чтоб считал меня безопасной, розовой и пушистой.

На ночь мне отрядили новые апартаменты, видимо ближе к Его Светлости, чтоб ножки свои не сбивал, бегая каждую ночь ко мне в подземелье. Ванную вот, к сожалению, не предоставили – чай не пятизвездочный отель. Дали тряпку влажную, да тазик с водой. Понаблюдали с нездоровым любопытством за моим омовением, послушали как я кандалами гремлю и вновь к кровати приковали. Но уже не так жестко, хоть нос могла почесать и то неплохо.

А потом приперся он. Пальто свое на стул скинул, штаны приспустил сходу, достоинство свое внушительное демонстрируя. Растянул меня на кровати до хруста в суставах в форме звезды и вошел яростно. Я лежала тихо, сопротивления не оказывала, только морщилась слегка, когда он особенно рьяно двигал бедрами. Я ему не рада, пусть знает об этом, мы, девушки конфедерации так легко не сдаемся.

Пусть приручит сначала. Лаской, вниманием.

– Зря так стараетесь, – заявила я, когда уже от его фрикций подташнивать начало.

– В смысле? – заинтересовался он, продолжая движения.

– Что вы знаете об анатомии уроженцев Конфедерации? – ответила я вопросом на вопрос.

– Эм... Ну... А что там знать-то?! Все, как и у людей. Руки, ноги, голова.

– Ясно... – протянула я тоном, что мне все ясно, что ничего ему не ясно.

– А что? – насторожился он, замедляя движения.

– Скажу вам по секрету, женщины Конфедерации не бременеют по принуждению! – выдала я и ухмыльнулась победно. Ну а что? Пусть докажет обратное!

– Чё? – не понял он и движения свои совсем прекратил. Э, нет, так дело не пойдет. Я спать хочу! Разводить тут бодягу на всю ночь не намерена. У меня рабочий график – 15 минут в день. Не более!

– Наша цивилизация уже давно шагнула в век высоких технологий. Нанороботы, искусственный интеллект, робототехника, электроника, космическая промышленность, атомная энергия, биометрия, геновая инженерия и фармакология. Мы научились клонировать людей и вживлять им новые органы. Неужели вы думаете, что наши женщины до сих пор не научились контролировать процесс размножения?

– Вживлять новые органы? – пробормотал он ошеломлен-

но, потешно хлопая ресницами.

– Да что там органы! У нас целую овцу вырастили с двумя головами!

– Овцу?! А почему с двумя?!

– Одна голова ест, вторая пьет. А потом меняются. Очень удобно! Но суть не в этом! Эй, Ваша Светлость, вы меня слышите? Я говорю, что не будет у вас сына, пока я сама не захочу! Ясно?

– Ясно. А ты хочешь?

Я посмотрела на него как на идиота и отвернулась, закатив глаза:

– А что, по мне не видно?

– Видно. Да только не верю я тебе, – заявил он и задвигался с прежней силой. – Если все так как ты говоришь, почему от Энжью не понесла?

– А потому что не было у нас с ним ничего. Он человек чести и до свадьбы у нас ни-ни! Не то, что некоторые...

– Ага! То есть ритуал все-таки был? – обрадовался он.

– Да какая теперь разница! Вы же от своего все равно не отступитесь.

– Нет! – оптимистично заявил он, и содрогнулся всем телом. – Ох, да!

– Хотите проверить? – не отставала я, не давая ему как следует насладиться отголосками страсти.

– Проверим, – бросил он, отстраняясь (к слову, перчаток своих кожаных он так и не снял). – Через неделю тебя осмот-

рит доктор, вот и посмотрим.

– Ха! Да после его вмешательства я не то, что плод скину, я вообще больше родить не смогу! Да он меня когтями своими порвет из чистой вредности, вам, кстати, назло!

Слейко ничего мне не ответил. Пальто свое со стула сгреб и вышел из комнатухи. Даже цепи ослабить забыл, сволочь. Так и лежала еще полчаса в позе звезды, пока мне ужин не принесли.

Нет, ждать целую неделю я не собиралась. Мы, нежные конфедератки, в таких условиях жить не можем. Мы либо погибаем, либо прогибаем условия под себя.

Погибать я не собиралась, меня где-то там еще Энжью ждет. А вот как поменять ситуацию, тут еще покумекать нужно. Этот Слейко мужик, конечно, видный и при других обстоятельствах я была бы не прочь покувыркаться с ним пару раз, но увы, он, как истинный аристократ, думал только о себе и исключительно о себе. А меня это совершенно не устраивало...

– Господин Бриан, ответьте, пожалуйста, на один вопрос, сколько у вас было любовниц? – поинтересовалась я на следующий день, наблюдая, как он старательно прокручивает рычаг, натягивая цепи на моих ногах.

– К чему этот вопрос? Тебя что-то не устраивает? – поинтересовался он, изучающе рассматривая мою распятую тушку, точно гастрономический деликатес на тарелке, разложен-

ный перед ним во всей красе. Я себя цыплёнком-табака почувствовала, ей-богу.

– Пфф! Станный вопрос. Не находите?! – иронично съязвила я. – Хотя вижу, что нет. А позвольте уточнить, рожать вы мне предлагаете в этой же позе?!

– До родов еще далеко. У нас впереди еще процесс...

Его Светлость скинул на пол свое пальто и присел на край кровати, расстёгивая костяные пуговицы на жилете. Его взгляд пробежался по моему телу с ног до головы, задержался немного внизу живота и вновь вернулся к глазам.

– Станный вы человек, Ваша Светлость. Красивый, сильный, у вас есть власть, положение. И вы всех своих любовниц к кровати привязывали?

– В этом не было нужды, – почему-то грустно усмехнулся он.

– За что же мне такая честь? Вы меня боитесь?

Слейко задумчиво склонил голову на бок, и я уверенно заявила:

– Боитесь, – и усмехнулась. —Энжью другой. Он меня не боится. Он вообще ничего не боится. Поэтому он там, подле императора, а вы здесь, в бункере...

– Заткнись! – зло выплюнул Слейко и рывком дернул меня за ногу, подтягивая к себе.

Загремели цепи, натягиваясь, я не сдержала крика, когда металл кандалов впился в кожу. На глазах выступили невольные слезы, и я зажмурилась, смаргивая их.

– Это не на долго! Скоро я займу его место! – и приспустив штаны, навис надо мной. – Император дурак. Он не видит нашей выгоды! Лижет зад конфедератам, подбирает их подачки. На каждом углу кричит о нашей дружбе. Мечтает о звездах. Думает его там ждут с распростертыми объятьями! Идиот!

– Это точно. Тут вы правы, – согласилась с ним я, и Слейко перевел на меня удивленный взгляд. – У Конфедерации нет друзей. Глупо рассчитывать на это. У них есть один лишь Бог – выгода. Они используют вас, выпьют до дна и выбросят, как пустую обертку. Так уже было, поверьте.

И он верил, я видела это по его глазам, только понять никак не мог, почему я, конфедератка, говорю ему подобные вещи.

Бриан склонился надо мной, упершись рукой в матрас у самой головы, ухватил пальцами мой подбородок, заставив смотреть ему в глаза, и сказал тихо, задумчиво:

– Зачем ты злишь меня? Чего добиваешься?

Я не стала юлить, чуть пожала плечами и ответила честно:

– Хочу, чтобы вы сняли цепи. Мне больно. И смысла в них нет. Мне все равно от вас не сбежать. Вы же меня сами не отпустите?

– Нет, – подтвердил он и вдруг пробежался пальцами по моему лицу. Зарылся в волосы, оглаживая светлые локоны, что выбились из пучка. перевел взгляд на глаза, долго всматривался в их глубину и вдруг одним движением вошел в ме-

ня. Я вздрогнула и сжалась. И он замер. На один короткий миг. Уловил мой тихий стон облегчения и задвигался вновь.

Его взгляд не отпускал меня. Темный, мерцающий.

Невероятно красивые глаза. И линия бровей, их легкий излом. Упавшая на лоб черная прядка, которую хотелось убрать. И я дернулась машинально, но скованные руки безвольно упали на матрас, громыхнув цепью. Я поморщилась и досадливо прикусила губу.

Рука Слейко тут же метнулась к лицу, и затянутый в черную кожу палец, коснувшись закушенный губки, огладив место укуса. Движения мужчины стали медленными, тягучими. Он смотрел на мои губы, на белую кожу щек, гладил ее пальцами, хмурясь от резкого контраста со своими собственными, а потом вдруг стянул зубами свою перчатку, и зарылся пальцами в волосы, пропуская сквозь них золотые локоны.

И меня накрыло от этой нежности. Я всхлипнула, выгнулась и забылась на миг.

Бриан вдруг отстранился, с любопытством рассматривая как эмоции искажают мое лицо, и загорелся. Ноздри затрепетали, в глазах зажегся яркий огонек желания, тело закаменело. Он подался ко мне, опираясь на руки, и вдруг повалился вперед неожиданно даже для самого себя.

А я с выпученными глазами вытаращилась на его правую руку, буквально по самое плечо утонувшую в нутро постели.

Мужчина ругнулся, и спешно скатился с постели, вскакивая на ноги. Подобрал свою перчатку и стал спокойно натя-

гивать ее на кисть. Видимо для него это было в порядке вещей, а я все никак не могла отойти от шока.

Вот она его сверхспособность в действии! Просто невероятное зрелище! Уму не постижимое! Мистика в самом прямом смысле!

– ВАУ!!! – выдала я восторженно, захлопав ресницами. – Классно! А можете еще раз так сделать?!

– Вижу Энжью уже поделился с тобой секретом, – не разделил мой восторг мужчина, приводя одежду в порядок. – Странно, что ты до сих пор жива! – выплюнул он зло.

– Я умею хранить секреты. Поэтому он мне и доверяет.

– Только дурак станет доверять конфедератам.

– Вы считаете Энжью дураком? – ехидно уточнила я.

Слейко бросил на меня острый сердитый взгляд и лицо его едва заметно скривилось.

Нет, конечно же, он так не считал, но вслух не признается ни за что.

Ох уж эти их психологические заморочки высшей знати! Они обязательно должны быть самими сильными, самыми умными, самостоятельными и заносчивыми до уср...чки!

– Он провел с тобой ритуал и ввел в семью, – озвучил свои мысли Слейко. – Что ты сделала, чтобы заслужить его доверие?

– Знаете, – сказала я в ответ, – когда я впервые ступила на вашу планету, угадайте, что я увидела?

Он неопределенно пожал плечами и спросил:

– И что же?

– Паутинку. Тоненькую паутинку в капельках росы. Целая россыпь искрящихся росинок на тонких нитях легкой паутинки! Понимаете?!

Нет, он не понимал, и смотрел оттого на меня недоуменно. Ну, да и откуда ему понять! Он видит это каждый день. Не задумываясь топчет ногами, считает мусором, грязью.

– Точно россыпь бриллиантов на серебристых нитях. Потрясающая. Тонкая, легкая, изысканная. Прекрасное произведение искусства. Только настоящее, созданное самой природой. Эта самая прекрасная планета из всех виденных мною! Столько жизни! Простора! А небо? Чистое, голубое небо, где летают одни лишь птицы! А я птиц только на картинке видела, понимаете? Наше небо черное от копоти, там только дроны летать и могут...

– Кто? – переспросил он заинтересованно.

– Дроны, – буркнула я и погремела цепями. – Такие вот железные птицы. Искусственные и бездушные. Как и все в моем мире. Все искусственное и мертвое. Там все мертвое. И природа, и люди. И так скоро будет и с вами. Вы так старательно убиваете свою планету, даже не задумываясь о будущем. Буквально скачите к пропасти семимильными шагами! Даже смотреть на это больно! Больно, понимаете?! – и я вновь погремела цепями, привлекая к ним внимание герцога. – А рассветы? Вы видели какие у вас тут рассветы? Не мутная дымка, размытая от смога, а чистейший, яркий

восторг! Светлеющее небо, розовые облака, нежнейший голубой небосвод и яркий золотой шар солнца... Да я такой рассвет только на Зоране и видела! А воздух какой? Я надышаться не могу. Голова кружится. Как пьяная хожу. А вы его спутниками засоряете!

Да, я конфедератка, провонявшая смогом Конфедерации до мозга костей. И вы не представляете, как меня воротит уже от этой вони! Я не отдам им Зорану. Они ее не получат...

И я замолчала, вдруг почувствовав, как скопившиеся в уголках глаз слезы хлынули потоком, прочертив дорожки к вискам. Я дернулась, утереть мокрые ресницы, но вновь обессиленно рухнула на кровать, не дотянувшись, и слезы скатились по вискам, зарываясь в волосы.

И Слейко вдруг встал, отцепил от ноги одну цепь, раскрыл оковы, и перетащил повыше, защелкнув их на моей шее.

Я сначала недоуменно следила за его действиями, а потом, разочарованно, стукнулась затылком о матрас. Я рвалась к свободе, но только ту же затянула петлю на шее.

– Я не могу показать тебе рассвет, – тихо проговорил Бриан, – но я покажу тебе закат...

И после этого цепи с меня спали.

Он вел меня по длинному коридору, удерживая сильной рукой за ошейник. Но я в любом случае не стала бы вырываться. Еще слишком рано. Я еще не готова.

Конец длинной цепи он держал в другой руке, намотан-

ный на перчатку, и я сделала вывод: эти перчатки на его руках не просто стильный атрибут. Они не позволяют молекулярной структуре его тканей видоизменяться, удерживая в стабильном состоянии.

Хотелось бы изучить, что это за материал такой особый, что не позволяет ему спонтанно проваливаться сквозь предметы. Эх, был бы тут мой анализатор, я бы проверила его состав до молекул! Но, увы, он остался где-то там, где и все остальное мое снаряжение.

К тому же, я отметила еще один интересный момент – сквозь меня он не проходит. Толи мое тело его не пропускает, толи он это контролирует, не понятно. И как это можно использовать я тоже пока не разобралась.

Однако, тем временем, мы дошли до конца коридора и поднялись по лестнице на другой этаж. Слейко распахнул передо мной дверь и подвел к оконной нише. Отдернул плотную штору и сказал:

– Смотри.

И я посмотрела.

Темная полоса леса уходила за горизонт, смещаясь чуть левее. А по правую сторону выросал горный пик. Арзанар. Далекий-далекий, и потому казавшийся очень острым. Но даже отсюда был виден снег, укрывающий его вершину. И солнце, ослепительно яркое, обжигающее сетчатку даже сквозь линзы.

Я потерла глаза, настраивая фокус и вывела на линзу кар-

ту. Стрелочка компаса тут же дернулась к северу, определяя мое местоположение.

Да уж, далековато меня занесло. Энжью меня не найдет. Мой доблестный рыцарь меня не спасет. Опять все придется делать самой. Эх, ну что ж, нам, принцессам, не привыкать...

Я еще долго стояла у окна, вглядываясь в даль, обдумывая ситуацию и строя планы. А Его Светлость стоял у меня за плечом и смотрел на меня. Потом его пальцы пробежались вдоль моего позвоночника, вызвав толпу мурашек, и сжали горло. Не сильно, лишь удерживая на месте. И это были голые пальцы, без перчаток. И они спокойно проходили сквозь мой ошейник, как сквозь голограмму, не тревожа его структуры.

А потом он прижался к моей спине, потерялся бедрами и скользнул внутрь. Я не сопротивлялась, понимая что мне этого не избежать, потому прогнулась и запустила пальцы в его темные, густые пряди.

Из всего нужно извлекать выгоду. Даже если в душе возникает протест. Даже если воротит. Но у меня есть цель. А средства – всего лишь средства. Лишь инструмент для достижения цели.

– Тебе понравилось? – спросил он, застегивая крохотные костяные пуговицы на ширинке своих чудных кожаных брюк. – Если мы будем делать это так, ты родишь мне ребенка?

– Пфф! Ваша Светлость! – закатила я глазки. – Разве может не нравиться хороший секс?! Но любовь к сексу еще не значит, что я стану рожать вам детей.

– Вот, значит, как... – пробормотал он, и бросил на меня острый недовольный взгляд.

Мы вернулись в мою камеру. Я с опаской ждала, что меня сейчас снова распнут по привычке, но Его Светлость лишь пристегнул мой ошейник к опоре и ушел.

А я вдруг задумалась о местных заморочках с этими их родовыми именами и наследованием по крови.

Вот если рассматривать все чисто гипотетически, допустим забеременела я от этого Слейко, что мешает Энжью не признавать чужого ребенка? Ну вот же ж, доказано, ребенок не мой, потому и фамилию я ему свою не дам. А чем доказано? Анализом ДНК? Ха-ха! У них вся медицина на уровне примочек и кровопускания! Ладно, проехали. Что еще? Почему так важен этот ритуал? Он освящен Богом и расторгнуть его не в силах даже сам император. Это мне еще Колин сказал. Недовольство выкажет, вынудит отречься от семьи, прекратить отношения с супругом или вдовцом сделать – это да, но аннулировать брачный ритуал не может. И посему выходит, все дети, рожденные в браке, автоматически принимают родовое имя невзирая на отцовство? Видимо, так. Энжью не вправе лишить ребенка своей фамилии, даже будучи на сто процентов уверенным, что этот ребенок не его, поскольку здесь затронута его честь. Ни один мужик на этой

патриархальной планете ни в жизнь не признается, что это не его ребенок, даже если он родиться чернокожим, узкоглазым и с рогами на голове.

То-то так Бриан старается передать свою кровь! Он всю свою жизнь носит клеймо незаконнорожденного. Естественно, что для своих детей он хочет лучшей доли. У них тут вообще, как я успела заметить, особый пунктик по поводу детей. Каждый мужчина, не обремененный воинскими обязанностями, законодательно обязан обзавестись потомством. Условия наследования имущества? Низкая рождаемость? Высокая детская смертность? Или местный женский менталитет у них такой? Один-два ребенка и баста? У нас в истории Земли тоже бывали такие периоды. Веяния моды. Женщины с головой окунулись в карьеру, пытаюсь всем и каждому доказать свою состоятельность. Слава богу, научились выращивать детей в пробирках, теперь вымирание человеческой нации не грозит. Но это у нас в Конфедерации, а на Зоране-то пока размножаются естественным путем. Не скажу, что этот способ мне не приятен. Еще как приятен. Но детей я хочу от Колина и только от него. Не от Слейко.

Мда, не повезло мужику. Не видать ему от меня детишек, тут уж как ни старайся...

Одежду мне, кстати, так и не выдали. Так и щеголяю уже третий день с голым задом. Ну мне-то, в принципе плевать, все равно тут выходить особо некуда, так, от одного угла кро-

вати до другого если только, а вот служивый, что ко мне приставлен был в качестве служанки, очень уж заинтересованно всегда на меня поглядывал, особенно в моменты обмывания. А мне и прикрыться-то нечем, ни простыни, ни подушечки маломальской. Матрас и тот к раме приколотили намертво.

К счастью, солдатик смотреть-то смотрел, но руками не трогал. Еду приносил исправно, воду в тазике менял, да «утку» выносил пару раз за день. Однако сегодня что-то припозднился. Или Его доморощенная Светлость без ужина меня решили оставить? Нехорошо, ай-яй-яй!

И вот только я об этом подумала, как распахнулась входная дверь и в комнату вплыл столик, небольшой, круглый, на гнутых кованых ножках. За ним последовало обитое коричневой кожей кресло и наконец-то поднос с моим ужином. Я уселась в позу лотоса и заинтересованно стала наблюдать за дальнейшим действием.

Первый служивый, тот, что со столиком, установил его в центре моей скромной комнатенки, недалеко от кровати, но так, чтобы я не могла до него дотянуться, и отошел к стеночке, вытянувшись в струночку. Второй солдатик поставил рядом свое кресло, боком ко мне, посмотрел на меня, прикинул расстояние, чуть сдвинул кресло к столику, выровнял и тоже отошел к стеночке. Третий, тот, что судно за мной выносит, водрузил на стол свой тяжелый поднос с кушаньями и тоже встал в ряд у стеночки.

И вот стоят они все втроем, brave солдатики, и смотрят

на меня внимательно. Ну я к краю кровати подползла, ногу на ногу положила. Руки на груди кренделем свернула, тоже смотрю на них. Жду, когда же меня кормить начнут. Мне же, как будущей матери наследника Его Светлости хорошо питаться нужно! Мне всякие диеты противопоказаны!

Ну? Так что? Отвяжут меня наконец от этой кровати или как?

Ага, щаз! Размечталась. Дверь отворилась еще раз и в комнатку вошла, нет, вбежала на четвереньках лисичка. Точнее, девушка-лисичка. Голая совершенно, как я. Хотя нет, одежды на ней было поболее – ободочек на рыжеволосой голове с ушками острыми, да хвост пушистый из попы торчит.

Девушка попку свою тощенькую высоко задрала, хвостом пол подмела и к столу метнулась, а за ней и Его Светлость ввалился, как всегда, в своей черной скрипучей коже. Вот только на руку у него поводок был намотан от ошейника девушки-лисички.

Слейко на меня посмотрел пристально, к креслу единственному подошел и развалился в нем вальяжно, широко расставив в стороны свои длинные тощие ноги. Поводок натянул, и давай его на руку наматывать, подтаскивая девушку к себе ближе. А та и не сопротивлялась, в глаза своему хозяину заглядывала преданно, пытаюсь предугадать все его желания. А желание у него было одно... Хотя нет, два, но он их успешно совместил.

Пока лисичка стаскивала ему сапоги и ноги вылизывала,

Его Светлость крышечку с подноса снял и за ужин мой принялся. Неторопливо так, смакуя, по кусочку мяско отщипывал да в рот кидал, пережевывая тщательно, не спеша. Кушал, да на меня поглядывал, и из кубка своего странного, из рога животного сделанного, вино попивал тягуче.

А девушка у него под ногами крутиться, то так, то сяк сядет-ляжет, а сама глаз с Его Светлости не сводит. В рот заглядывает. Не выдержала, вперед подалась, ладошками ему в грудь уперлась и вдруг как тяфкнет! Громко, требовательно.

Я даже подскочила от неожиданности, растеряв весь свой благородный вид.

А Его Светлость вилок своей странной, в оплетке кожаной, орудовать перестал, в сторону ее отбросил, в ошейник девчонки вцепился, удерживая ее голову, и, подцепив кусок мяса с тарелки, бросил ей в рот. А потом оттолкнул от себя с силой, жестко и грубо, так что она на пол опрокинулась, локтем ножку стола зацепила и заскулила от боли.

Слейко же брезгливо сморщился, встал, поводок в кулаке натянул и стал обратно девчонку к себе подтаскивать. Та в ошейник руками вцепилась, чтобы не задохнуться, и поползла к нему, усердно вихляя задом. Если бы могла еще и хвостом бы махала радостно.

А Его Светлость стоит, поводок на кулак наматывает, а сам на меня поглядывает из-под век прикрытых, изучает мою реакцию. А я сижу, наблюдаю и совершенно не понимаю, для чего он тут мне это показательное выступление

устроил. Чего добиться хочет? Показывает, как он людей ломать умеет? Или что меня ждет за строптивость мою? Как это представление может уговорить меня захотеть от него ребенка – вот искренне не понимаю, и все!

А Его Светлость все смотрел на меня пристально, а потом в карман залез и вынул из него маленький бумажный кулечек. Повертел его демонстративно в пальцах и на пол перед лисичкой бросил.

Девчонку же в один миг словно подменили, она затряслась вся от вожделения, взгляда жадного с пакетика не сводит, глаза блестят лихорадочно. Руками дрожащими в кулечек вцепилась, бумажку зубами порвала, разворачивая. Наверное, не совладай она со своим тремором, сожрала бы пакетик прямо так, вместе с оберткой. Но все же с задачей справилась, высыпала в рот белесый порошок и бумажку всю вылизала досконально. Заулыбалась блаженно, обмякла, губки облизала и слюнку пустила из уголка тонкой ниточкой. Да так и осталась лежать на полу с широко раззявленным ртом.

А дальше я за ней уже не следила, меня отвлек Его Светлость. Вытащил из кармана своего стильного пальто еще один такой же пакетик и перед носом у меня потряс:

– Я нашел способ, как заставить тебя родить мне ребенка. Видишь это? – и он вновь покрутил у меня перед глазами бумажным кулечком. – За этот чудесный порошок я этим вашим зелененьким человечкам (и он потыкал указательным пальцем в небо, явно намекая на пришельцев из космоса)

целую жилу серебряную в северных горах отвалил! Замечательный препарат. У меня его много. Хватит чтобы ты захотела мне не одного, а целых пять сыновей родить!

Ах, ты ж, дрянь какая! К такому повороту я была не готова. Вряд ли у меня иммунитет имеется от этой неизвестной мне крианской наркоты. От этой заразы нас не прививали. На всю галактическую дрянь панацеи не наберешься. Тут и одной дозы хватит, чтобы мне мозги расплавило начисто.

– Мяс! – выдала я покладисто и грациозно сползла на пол к ногам Его Светлости. Приняла позу покорности и преданно заглянула в глаза мужчине. – Ну зачем же так кардинально? Мур... – мурлыкнула я, и щекой потерлась о мужские бедра. – Вы же хотите здоровых детей, не так ли, господин герцог? Разве вам нужно слабоумное потомство? – томно проворковала я и глазами указала на девушку-лисичку, намекая на ее состояние.

Его Светлость тоже перевел на нее взгляд, затем кивнул головой своим воякам, и те буквально сорвались со своих мест, забегали, засуетились. Один столик прихватил, второй за кресло уцепился, а третий девочку-лисичку за ошейник ухватил и к выходу ее поволок, не обращая внимание на ее придушенные хрипы. По полу ее волочит, а сам на нас с Его Светлостью смотрит, видимо любопытство сдает, чем мы тут с герцогом заниматься будем. Это был тот самый служака, что Слейко приставил ко мне судно за мной выносить.

– Я готова родить вам ребенка, – отвлекла я на себя вни-

мание Его Светлости, – при одном условии...

Я скользнула руками вверх по ногам мужчины, и легонько царапнула кожу на животе.

– И? – заинтересовался Слейко, едва заметно двигая мне навстречу бедрами.

– Если вы обменяете мои цепи на ее поводок, – сказала я и лизнула впадинку его пупка.

– Согласен, – кивнул он, и, засунув в карман наркотик, одним движением скинул с плеч свое пальто. Стянул с рук перчатки и потянулся ко мне, зарываясь пальцами в волосы, отчего моя прическа рассыпалась, а костяные спицы, удерживающие пучок на затылке, упали на кровать. При этом широкие ладони Его Светлости преспокойно прошли сквозь мои цепи, не шелохнув их ни чуточки.

Это было сделано специально для меня. Показательно. Эти оковы могли удержать только меня, для него они всего лишь пустое место.

Эх, и даже придушить его этими цепями не получится, можно и не мечтать.

Я усмирила свою кровожадность и подцепила ногтем костяную пуговичку, стягивающую его брюки.

Сбежать я успею всегда, но для начала было бы неплохо разведать свою дислокацию. Глупо метаться по незнакомой местности, не зная путей отхода и не имея соответствующего снаряжения. Потому барахлишко свое, незаконно уворованное, надобно было вернуть. Нефига оставлять в стане врага

такие опасные игрушки. Ведь они могут ими еще и воспользоваться.

А как это сделать, если меня даже из комнаты не выпускают?

Гулять меня вывели уже на поводке. Отворив дверь лестничной площадки, мы вышли на неширокий открытый балкончик на уровне второго этажа, что опоясывал по периметру здание моей тюрьмы. А судя по строению внутренних коридоров и окружающей территории, это была именно что тюрьма, либо больница строго режима для осужденных заключенных. Об этом говорили и тесные комнатухи с малыми высокими окнами, и усиленные железные двери со смотровым окном. Да и территория вокруг охранялась на должном уровне. Высокий забор, колючая проволока, устроенные по периметру вышки с гнездами постовых, и прожектора на крышах зданий. Да и сами строения были хорошо укреплены и просматривались со всех сторон. Просто так не проскочишь.

Бриан устроил свое логово на базе бывшей тюрьмы, что было весьма неглупо. Штурмовать это место не так-то просто, и с коммуникацией не возникнет проблем, наверняка у него тут налажены и поставки продовольствия, и склады есть на случай осады, и скважина с водой. Все автономно.

Изучить все это было жизненно необходимо, но, блин, холодно!

Зарешеченный частой мелкой сетью балкон не укрывал ни от ветра, ни от зимней прохлады и я в своем костюме Евы, съежилась, обхватив руками плечи, пытаясь унять невольный озноб.

К счастью, до этого тугодума Светлопроводглашенного дошло, что я одета совсем не по погоде, и он сжалился надо мной, скинул с широких жестких плеч свое стильное пальтишко и на меня нацепил. Я кокетничать не стала, запахнулась в него, обернув вокруг себя в два оборота, и носом в воротник пушистый зарылась. Мне бы обувь еще где раздобыть, так и вообще за счастье будет. Прямо хоть сейчас в побег срывайся, наплевав на все и вся. Но обуви мне не дали. Придется потерпеть. Поэтому гуляем, дышим и наблюдаем. Когда еще мне выпадет подобный шанс вырваться из своей камеры?

Я погладила пушистую шерстку чернобурки и провела рукой по мягкой коже пальто, удивляясь ее тонкой структуре и хорошей выделки.

– Что это за кожа такая? – спросила я из чисто познавательного интереса. – На свиную вроде бы не похожа. Телячья?

– Человеческая, – коварно ухмыльнулся Его Светлость и глаз прищурил, наблюдая за моей реакцией. А реакция у меня была бурная. Но не потому, что я истеричка, а потому что я ему поверила. Этот тип способен на все! И судя по моим наблюдениям, подобное имело место быть, причем с очень

большой вероятностью.

Я с трудом сдержалась от того, чтобы с воплем не содрать с себя эту отвратительную одежду, только передернулась невольно от отвращения. И это не укрылось от Его Светлости – растянул губы в глумливой усмешке и подался ко мне. За подбородок ухватил стальными пальцами, к лицу склонился, буравя меня глазками-угольками.

– Не нравится? – выдохнул он мне в лицо. – Мне тоже не нравилось поначалу. Но я привык. И ты привыкнешь. Все равно выбора у тебя нет...

«Выбор есть всегда», – хотела возразить я, но не стала. В полемику с ним вступать не собиралась. Очень уж мне не понравился его пристальный взгляд, с которым он всматривался в мое лицо, изучая на нем каждую черточку.

А потом он потянулся ко мне, коснулся губами рта, накрывая его, и я дернулась, вырываясь из его захвата. Вот только слюнявых поцелуев с ним мне еще не хватало! И так тошнота к горлу подкатывала, еле сдерживалась, а тут он еще лизаться удумал! Фу, гадость какая!

– Это не входит в мои служебные обязанности, – заявила я и отвернулась, отходя от герцога на длину поводка. Думала, он разозлится, но нет, дернул за мой ошейник, показывая кто тут хозяин, и усмехнулся.

– Может, контракт подпишем и условия обговорим? – предложил он. – На год для начала, а?

– Было бы неплохо. Я обязательно включу туда пункт

о недопустимости поцелуев и об обязательных ежедневных прогулках.

– Посмотрим, – ответил он и потянул меня дальше, предлагая продолжить нашу прогулку. Я была совсем не против, босые ноги уже едва не примерзли к ледяному полу балкона.

Точно гостеприимный хозяин, Бриан угодливо и горделиво показывал мне свои владения, особо направляя мое внимание на охранные посты и высокий забор с многоярусной проволокой по всему периметру базы. И я бы совершенно не удивилась, если они по ней и ток электрический пустили, но уточнять это не стала, во-первых, чтобы на мысль подобную не навести, а во-вторых, чтоб не выказать своей заинтересованности, а вот к блок-постам и въездным воротам присмотрелась, и уже так, навскидку, нашла сразу несколько лазеек в их системе безопасности.

Его Светлость данной демонстрационной прогулкой преследовал совсем иную цель. Он планировал показать мне безнадежность попытки моего побега. Доказать, что у меня нет ни шанса вырваться из этой его хорошо охраняемой тюрьмы. Я его разуверять не стала. Хмурилась. Губки кусала. Прятала (не очень хорошо, правда) обреченность в глазах. У меня не было шансов. Осталось смириться и покориться воле хозяина.

Однако увидела я предостаточно для первого раза. Смысла тут мерзнуть больше не было, и я прильнула к мужчине, встала голыми пальчиками на его большие ступни в высоких

ботинках.

– Холодно, мой господин, – зашептала я ему на ухо. – Согрейте меня...

Мужчина дернулся от неожиданности, будто я его токомшибанула, отстранился слегка, недоверчиво вглядываясь в мое лицо, затем на руки подхватил и стремительно потащил внутрь здания.

Но в этот раз мы направились не в мою «золотую клетку», а напрямик в его апартаменты. Они у него находились тут же, на втором этаже, и были не в пример больше моих. Тут и стол письменный поместился, и столик тот самый с изогнутыми ножками, и кресло знакомое в углу, а еще я заметила скрытый накладной панелью сейф на внутренней стене комнаты и нишу с большой двуспальной кроватью, укрытой лохматыми, похожими на овчину шкурами.

Слейко, не останавливаясь, сгрузил меня прямо на эту кровать и принялся спешно стаскивать с себя одежду, швыряя ее прямо на пол. Я ему не помогала, сидела на шкуре, поджав под себя ноги, водила рукой по меховой подстилке и молча смотрела на этого великолепного мужчину.

Красивый, зараза, породистый. Хоть и худощавый, но жилистый, плечистый, сильный. На Колина совсем не похож. Энжью чуть ниже, плотнее, с приятной округлостью мышц. И лицо не такое смазливое. Но безумно притягательное. Дорогое. Родное. Любимое. Господи, как же я соскучилась по нему!

А Бриан тем временем на кровать забрался, ботинки скинул, штаны стянул и потянулся ко мне, стаскивая с моих плеч свое человеческое пальто. Затем рукой мне в грудь уперся и опрокинул навзничь на прохладные подушки. Я раскинула руки, ощущая под пальцами мягкую бархатистость тонко выделанной кожи и напряглась, взвиваясь пружиной вверх.

– Расслабься, – усмехнулся мужчина, подаваясь ко мне ближе, – это телячья...

Нельзя сказать, что это сильно меня успокоило, но все же, дергаться я перестала и позволила ему уложить меня на подушки.

Его Светлость подтянулся повыше, поводок мой на крюк зацепил и замком защелкнул, чтоб не сбежала.

Так, посадив меня на очередную цепь, Слейко далеко уходить не стал, навис надо мной, пыша на меня жаром своего обнаженного разгоряченного тела и склонился к лицу.

Заглядывать в глубины его темных глаз я не желала и от близости его меня, честно говоря, воротило, но все, что я могла себе позволить – лишь отвернуться, закрыв глаза. Но мужчину это не смутило, он коснулся губами моего закрытого века и заскользил языком вниз по скуле на шею и плечо. Я дернулась, отстраняясь, не совсем понимая, к чему эти нежности, но Бриан лишь усмехнулся тихо себе под нос, и стал покрывать легкими укусами-поцелуями мою шею, грудь, ключицы. Потом спустился чуть ниже, прочертив влажные дорожки вдоль живота.

Он ласкал меня нежно, легко и невесомо касался кончиками пальцев и губами. Он доводил меня до вершины и, не давая взорваться, отступал. Он играл со мной, чувственно, искусно, умело. Слишком тонко, слишком искушено. Он буквально нутром ощущал мою грань и отступал, когда я была на пределе. Он играл с моим телом, как на сложном музыкальном инструменте, вызывая во мне шквал эмоций, вырывая у меня звуки страсти, которые я не хотела произносить, но удержать их в себе не могла. Он владел мной. В буквальном смысле – душой и телом. Я хотела его и молила не останавливаться. Меня трясло от его прикосновений. И тошнило от собственных противоречивых чувств. Он смотрел мне в лицо, читая мелькавшие на нем эмоции, ловил мой взгляд, вглядывался в мои глаза, пытаясь разглядеть в них что-то. И это что-то было для него очень важным. Какую эмоцию он хотел в них увидеть? Какое чувство хотел уловить?

Доказать свое превосходство? Свою власть над моим телом? Заставить меня полюбить его?

– Нет! – выкрикнула я на пике эмоций и сорвалась в пропасть, содрогаясь всем телом.

– Да, детка! – воскликнул он и качнулся, продолжая мою агонию. Он двигался в совершенно невообразимом, безумном темпе. Он воспламенил мне кровь. Взорвал мое тело. Он заставил меня кричать и метаться, и удовлетворенно усмехнулся, присоединившись к моему наслаждению.

Он накручивал на палец выбившийся из моего растрепав-

шегоя пучка локон, улыбался мне сладко и загадочно, и гладил лицо костяшками пальцев, изливая на меня свою непонятно откуда взявшуюся нежность. Я же лежала тихой мышкой, медленно приходя в себя после столь бурного прихода и тупо пялилась в потолок. Мда. Такого со мной еще не случилось. И я еще сомневалась в его опыте? Да он просто машина для секса! Да он буквально рожден для этого!

«Охохонюшки... Дайте мне силы пережить все это!» – с грустью подумала я.

Потом повернула к нему голову и сказала:

– У тебя выпить случайно ничего не найдется? – ну, как-то продолжать ему «выкать» после всего пережитого у меня уже не получалось.

– Хм... – протянул он задумчиво, – хорошая мысль.

Плавным грациозным движением Бриан соскользнул на пол, обул ботинки и пошагал к встроенному в стену бару, натягивая по пути свои излюбленные перчатки. Я же с интересом разглядывала ямочки на его упругих ягодицах и завораживающую игру мускулов на спине. Красивый мужчина. Идеальный. Лучший подарок для любой королевы. Он бы мог сделать себе карьеру, продавая свое тело за трон и корону, но подался в повстанцы, устроив бесперспективную гражданскую войну.

– Зачем тебе все это? – вдруг вырвалось у меня. – Нашел бы себе симпатичную богатую бабенку, имел бы ее в свое удовольствие и жил бы себе тихо и мирно до самой старости.

Зачем тебе вся эта борьба за власть? Зачем горишь себя? Ведь вам же все равно не победить!

– С чего ты взяла? – обернулся он и посмотрел на меня, удивленно распахнув глаза.

– Да ты же и сам это понимаешь! Иначе с чего бы тебе понадобился этот обходной маневр с законным наследником и герцогским титулом, если ты собираешься стать аж самым императором?

– Хм. Жизнь такая непредсказуемая. Никогда не знаешь, что ждет тебя за углом, – сказал он и вытащил из бара пузатую бутылку с темной коричневой жидкостью.

– Это точно, – согласилась я с ним. – И все же ты прекрасно понимаешь, что власть тебе не удержать. В твоей крови нету той силы, что сделает тебя настоящим императором. Ты не удержишь трон.

– Ты и об этом знаешь, – сказал он сам себе, констатируя факт, и его левая бровь при этом удивленно изогнулась, наморщив высокий лоб.

– Начнутся распри. Борьба за корону. Дележ мира и бесконечные войны. А пока вы тут будете убивать друг друга, Конфедерация и ее прихлебатели выкачают из вас все ресурсы и оставят одних помирать на вами же убитой планете. Зачем тебе это?

Бриан отвечать не спешил. Откупорил бутылку. Швырнул пробку на стол. Понюхал вырвавшийся из горлышка аромат и плеснул в свои странные кубки-рога по паре глотков.

– Я знаю, – наконец сказал он. – Но я хочу, чтобы Кримп задумался. Мы живем по законам тысячелетней давности. Устои, традиции, взгляды – они давно устарели. Все это жуткая дикость! Все запорошено пылью тысячелетий и не меняется! Мы открыли электричество, построили заводы и фабрики, над головою летают спутники и пришельцы на космических кораблях, а мы до сих пор делим людей на ранги по праву рождения! Гениальный ум, талант, упорство – это все ничто! Если ты родился среди черни, и ты гениальный скульптор, то твой удел – это вырезать куколок для деревенских детишек! Или взять, к примеру, право крови у высшей аристократии?! Разве всё их достоинство только в их крови? Почему за нас все решает случайная мутация и удачный расклад? Почему, даже обладая даром крови, ты будешь изгоем в своем обществе, только лишь по тому, что умудрился родиться не так, как принято в обществе?!

– Так вот что тебя волнует... – пробормотала я. – Ты затеял всю эту войну лишь потому, что родился бастардом?

Слейко бросил на меня хмурый взгляд из-под бровей, схватил свой кубок и резко опрокинул его в себя.

– Войны начинают и из-за меньшего. Я родился бастардом и это всецело моя вина. Не моей гулящей матери! Не ублюдка отца, у которого не хватило смелости признать меня своим сыном! Моя! Как будто я мог выбирать?! И эта проклятая кровь! Родись я в обычной семье, отдали бы меня в приют или в другую семью – и концы в воду. Но император-

скую кровь не спрячешь. Рано или поздно она проявит себя. И еще не известно, КАК она себя проявит. Мне вот досталась суцая ерунда! Тело, не способное сохранять свою форму. Как мне сказал тот зеленый крианец, нестабильная молекула... молоку... Черт, забыл!

– Молекулярная структура, – подсказала я.

– Точно! – обрадовался Его Светлость и, плеснув в свой опустевший кубок еще вина, пошел обратно. Причем пошел он напрямик, через стол, прямо-таки просочившись сквозь столешницу и стоящую на ней пузатую бутылку.

А я, вытаращив от ужаса глаза, как на представлении у иллюзиониста, смотрела на то, как его верхняя половина туловища плавно скользит над гладкой поверхностью стола, а нижняя часть преспокойно шагает под ним, поглощая в себя изогнутые кованые ножи одну за другой.

– Сколько я мучился с этой хренью! Ведь все, к чему я мог прикоснуться – это органическая материя. Человеческое тело, шкура и кости животных – вот и все, к чему я могу прикоснуться и что я могу ощущать. Я не чувствую шероховатость камня, полированную гладкость стекла, холод металла и мягкость ткани.

Мужчина подошел к кровати и присел на нее, протягивая мне кубок. И стоило мне взять его, как он преспокойно откинулся на обитую кожей спинку кровати и, сбросив на пол свои ботинки, повернулся ко мне боком, подперев голову рукой.

– Но зато я могу чувствовать упругость женского тела, – сказал он тихо, окидывая меня долгим взглядом с головы до ног. – Именно этим я и занимался долгие годы. Я превратил это в искусство. Танец тела – это мое кредо. Но человеческое существо такое непостоянное. Чтобы чувствовать себя живым, ему нужна новизна. Я пресытился приторностью любовных утех. Стал находить удовольствие в извращениях. Боль. Насилие. Девочки. Мальчики. Это тоже своего рода изучение чего-то нового. Найти грань между наслаждением и болью. Понять различие полов и их предпочтения. Определить собственные приоритеты. Но и это все приелось со временем. Все пустое, никчемное. В этом нет смысла жизни. Я ничего не изменю, живя такой жизнью. А я хочу перемен. Шагнуть за горизонт своих возможностей. Но все что я могу – это только трахаться...

– Боже! – воскликнула я. – Мне бы твои возможности! Да я бы миллиарды зарабатывала! Да на одних бы фокусах разбогатела! Да тебе же никакие преграды не страшны! Из любой тюрьмы сбежишь! Сквозь любые стены просочишься! Это ж можно банки преспокойно грабить! Никто тебя не поймает!

– Банки грабить?! Ха-ха-ха!!! – вдруг зашелся он веселым смехом. – Грабить говоришь? – Бриан вдруг подскочил на кровати, спустил голые ступни на дощатый пол и вдруг провалился по пояс сквозь него. Успел лишь руками в перчатках уцепиться за кровать, и так себя обратно на нее и подтянул,

усаживаясь на шкуру. – Еще показать?

Натянув на босые ноги ботинки, он прошествовал к столу, стянул с руки перчатку и попытался схватить голой рукой бутылку, но та, как мираж проходила сквозь пальцы раз за разом. Мужчине это в конце концов надоело, и он схватился за нее другой рукой, опрокинул ее вверх доньшком и поставил под льющуюся струю открытый рот.

Утер губы запястьем и обернулся ко мне, прищурив глаз:
– В банк-то я может и попаду, вот только вынести из него ничего не получится. Ну если только в себе. Но вы уж извините, столько золота я не сожру!

Поставив бутылку на стол, Бриан подошел к кровати и присел на ее край, ссутулив плечи.

– Единственное к чему я могу прикоснуться – это плоть, кожа и кости. Потому и хожу зимой и летом в одних и тех же штанах, – усмехнулся он и, подобрав валяющиеся на полу кожаные брюки, потряс ими демонстративно.

Громко звякнув стальным кольцом, из кармана вывалилась связка ключей и шмякнулась на пол у его ног. Он подобрал их и подкинул на ладони, сжимая в кулаке, и я заметила, что головки у всех ключей были не обычными, никелированными, а в обмотке из тонкой полоски кожи. И бородки на длинном стержне имели довольно сложные вырезы. Не простые это были ключи, явно от важных замков. И это стоило отметить.

Допив остатки вина, я перевернулась на живот, уронила

на пол пустой кубок и сложила руки перед собой, устроив на них подбородок.

Мужчина сунул связку обратно в карман и бросил свои штаны на спинку кресла. А затем повалился обратно на кровать, сложил руки за головой и скрестил ноги, так и не сняв с них своих громоздких ботинок.

– Наши сильные стороны – это так же и наша слабость, – сказал он. – Тут я с императором совершенно согласен. Никто не должен знать о наших слабостях. Поэтому мы скрываем и свою силу. Все, кто знал о ней, до этого часа не дожили.

– А как же я? Тоже убьешь? – закономерный вопрос, не находите? Я, можно сказать, еще только жить начинаю!

– А ты – моя женщина. И пока не родишь мне сына, ты отсюда не выйдешь. А потом я тебя убью, сниму с тебя твою нежную белую кожу и сошью себе исподнее. Из твоей мягкой шкурки выйдут просто замечательные трусы, – сказал он томно и, повернувшись, провел костяшками пальцев по моей спине вдоль позвоночника к ягодицам и дальше вдоль бедра. А у меня от его слов мурашки по всему телу выступили. Ведь я ничуть не сомневалась, что он именно так и сделает. С трудом удалось сдержать дрожь омерзения. Я лежала тихо-тихо, боясь шелохнуться, но Бриану было плевать на мои переживания, он их просто не заметил. Заскользил ладонью обратно вверх, огладил попку, но я дернулась, не позволяя ему проникнуть глубже. Что-то у меня после таких откровений настроение игривое совсем пропало.

– Знаешь что, – отстранилась я и отползла в сторону от его жестких пальцев, усаживаясь в изголовье кровати, – давай на сегодня устроим перерыв. Отдохнем друг от друга.

– А я от тебя не устал, – заявил он и подтянул меня за ногу к себе ближе, но тут в глаза мне посмотрел и брови удивленно вскинул: – Ты что, обиделась что ли? Да брось! Я ж пошутил! – и как ни в чем не бывало продолжил свои поползновения.

Нет, не буду я никогда его женщиной. Мне таких не понять. Оскорбят, унизят, грязью обольют и искренне не понимают, почему их слова так задевают других. Ведь он ничего же такого не сказал, на что стоило так обижаться! А раз не на что обижаться, значит все нормально, можно и дальше делать что хочется.

– Ну давай, иди сюда. Хватит уже глупостями заниматься! – заявил он требовательно, но я на него даже не посмотрела. Мысленно я была сейчас далеко.

Где-то там, за тридевять земель страдает и мучается без меня мой Колин. Мой единственный и родной мужчина на всем белом свете. Потому что только он понимает меня лучше кого бы то ни было и никогда не опустится до подобного оскорбления.

– Ну хорошо, – отвалил наконец Его Светлость и встал с постели. Перчатку свою натянул, к столу письменному подошел, вытащил из верхнего ящика небольшой стеклянный флакончик и обратно вернулся. За ногу меня схватил, дер-

нул на себя резко и коленом к постели придавил, чтоб не дергалась. За вторую ногу дернул, отбрасывая ее в сторону и рукой зафиксировал. Отколупнул у флакончика крышечку и перевернул его, выливая мне на лобок несколько тягучих маслянистых капель.

Я сначала ничего не почувствовала, а потом вдруг как по команде вся кровь в организме резко схлынула вниз и запульсировала внизу живота, как будто у меня в чреве огненный шар зародился, как в глотке у дракона, и сейчас вот в этот самый миг вырвется наружу, спалив тут все нафиг. Но огонь не вырвался, а взорвался внутри меня, точно гигантский фейерверк, зашекотал нутро, разбежался огненными змейками по венам, словно пузырьками газа взорвался в голове и у меня крышу снесло. Внезапно накатило такое дикое желание, что у меня разум помутился. Я просто накинулась на мужика, сминая его своей страстью. Я царапала его и кусала, я выдавливала из него все соки, я сжимала его в тисках своих страстных объятий. И это уже не он меня трахал, это уже я его трахала, жестко, противоестественно, безжалостно, неутомимо. Да на нем места живого не осталось после моей жаркой любви. Я выжала его как лимон.

А он все недоумевал, вопрошая у самого себя:

– С дозой, что ли переборщил?! А?

А когда я попыталась запихать ему в задницу свой кулак, удерживая его руку в болевом захвате, чтоб он не дергался, и горячо уверяла его, что ему всенепременно понравится,

он все же умудрился как-то выкрутиться и с воплем от меня сбежал. Сволочь! Как можно было оставить женщину одну в таком неудовлетворенном состоянии?! Да я же сейчас дверь разнесу и трахну к чертям собачьим всю эту их чертову базу! Да от меня не один повстанец не уйдет неудовлетворенным! ЧЕРТ!!! У-У-У-У!!! СВОЛОЧЬ!!!

Я не помню, что было со мной дальше. Видимо меня кто-то вырубил. Потому что очнулась я уже в своей комнате на своей кровати, пару дней спустя.

Рядом в кресле сидел этот их мерзкий докторишка и клевал носом. Но тут же встрепенулся стоило мне шевельнуться, и радостно лапки потер:

– Ага! Проснулась-таки наконец! Давай-ка выпей эту микстурку! – и он засуетился, забежал, мензурку мне под нос сунул с какой-то вонючей гадостью, на рыбий жир похожую.

– Фу! – сморщилась я и руку его от себя отодвинула. – Не буду я ничего пить! Уберите от меня эту гадость!

Доктор опешил и отстранился, посмотрел на меня, брови сдвинул:

– Не будешь?

– Нет!

– Ну и ладно! – вдруг покладисто согласился он и, ничтоже сумняшеся, опрокинул стопочку в себя. Крякнул удовлетворенно и улыбнулся, дернув бородкой. – А давай-ка деточка, я тебя осмотрю! – и простынку мою, чем я укрыта была

(вау! мне дали одеялко!) приподнял, заныривая под нее.

И тут я как заору:

– Отвали от меня, костолом!!! Не смей ко мне прикасаться, живодер!!! Лапы от меня убери!!! Пошел вон, грязный червяк!!!

От моих воплей даже дверь с петель снесло (это ее так Его Светлость с той стороны ногой вышиб) и ввалился в комнату черной фурией, бешеными глазищами сверкая. Узрел меня, сжавшуюся в комочек в дальнем углу кровати, посмотрел на жмущегося к стеночке испуганного эскулапа и спросил:

– И?

– Я ее... *Он меня...* только... *лапами...* осмотреть... *своими...* хотел... *трогает!!!* – заявили мы в один голос и уставились друг на друга, злобно кривя морщины.

– Если он до меня хоть пальцем дотронется, я ему все руки переломаю! – успела высказаться я первой.

– Ваша Светлость! Вы же сами приказали мне ее осмотреть! – перевел стрелки мужик и бороденку свою острую вперед выставил как копьё, упрямо выпятив подбородок.

– А... Ну, да. Осмотрел?

– Так не дает, Ваша Светлость!

– Вот пусть тебе Твоя Светлость дает! А я тебе давать не нанималась! И даже не смей ко мне своими лапами грязными прикасаться!

– Да не грязные они, Ваша Светлость! С утра уже помыл! И ногти постриг, как велели! Вот же! – и он руки свои тря-

сущиеся Его Светлости под самый нос протянул.

Слейко его культяпки тщательно изучил, никаких микробов на них естественно не увидел и хмуро посмотрел на меня, мол, чего я тут все выеживаюсь.

– Если он ко мне прикоснется, имей в виду, – обвинительно ткнула я пальчиком в Его Светлость, – ребенка я тебе уже не рожу! Он же его своими граблями еще в утробе моей убьет! Это же не врач! Это же коновал! Ему же только трупы препарировать можно!

– Какие трупы?! Что ты несешь?! Да у меня знаешь, какая практика?!

– Молчать! – заорал Его Светлость и пистолет свой из кобуры поясной вытащил. – Значит так. Сделаешь ей больно – пристрелю! А ты, – ткнул он в меня дулом, – ноги свои быстро развела и лежишь тихо! А дергаться начнешь, обратно на цепь посажу!

И в кресло свое кожаное уселся и пистолет рядом с собой на столик положил, и развалился вальяжно. Хозяин жизни, блин.

К слову сказать, докторишка сегодня был деликатнее. Хотела бы из вредности придраться, да не к чему. Осмотр провел быстро и аккуратно, даже внутрь практически не залезал. Так снаружи тихонечко ощупал да вопрос каверзный задал:

– А когда у вас в последний раз дни женские были, милочка?

Да так я тебе и сказала, ага!

– Да вот как раз перед самым пленом и были, – соврала я и глазом не моргнув. Ну, а че? Нас, шпионов, врать с самого детства учат. Это и не обман даже, а утаивание важной информации, вот! Фиг я тебе что скажу!

– Ага! – с важным видом проговорил докторишка и губами зашлепал, пытаясь высчитать, когда у меня там самые залетные дни. – АГА! – торжественно проговорил он и к Его Светлости обернулся. – Сейчас самый благоприятный момент! Да-да! Вы уж давайте, Ваша Светлость, поднапрягитесь! – и по плечу герцогскому так панибратски похлопал – явно забылся мужичок на радостях.

Ну Его Светлость и поднапрягся. Докторишку взашей из комнаты выгнал. Дверь кое-как к косяку прислонил, и как был в своем пальто черном, так ко мне на кровать и завалился.

– Ну что, отдохнула? Два дня прохрапела беспробудно, – заявил он и руку ко мне протянул да за грудь ущипнул больно. – Знатно мы с тобой повеселились. А ты, оказывается, горячая штучка!

– Вот только давай уже без этих экспериментов! – возмутилась я и руку его с груди своей сняла. – Мне, знаешь ли, не понравилось! Боюсь в следующий раз хлипкая дверь меня не удержит. В разнос пойду, всех мужиков в округе изнасилую. Как отцовство свое доказывать будешь? А?

– Хм... Вот что, дорогуша... – он вдруг за руку левую меня дернул и быстро, так что я даже глазом моргнуть не

успела, защелкнул на моем запястье железное кольцо оков с длинной цепью.

Ну вот, допрыгалась! Опять все вернулось на круги своя! –...мне тут уехать нужно на пару дней. Так что давай мы сейчас с тобой по-быстрому ребеночка сделаем, да я пойду. А то время уже поджигает... – и он схватил меня за талию, подтаскивая к себе.

У-у-у-у, изверг, озабоченный!

Ну да, черт с ним! Главное два дня его не будет. А это значит пора собирать вещички. И так загостилась уже. Жаль, не успела план этой тюряги изучить. Не хочется втемную плутовать по коридорам. Всех-то не поубиваешь, быстро тревогу поднимут. Если только ночью попытаться территорию обшарить, да план отхода наметить. Но тут блин, опять проблема – как от цепи избавиться?

На раздумье и разработку плана побега мне отвели целые сутки. Я бы и раньше справилась, но этот крокодил, что Его Светлость ко мне приставил в качестве служанки, совершенно забыл про свои обязанности. Появился лишь на следующее утро, когда я была злая, как черт, и голодная, как троглодит.

Заслышав ковыряние ключа в замочной скважине, я тут же приняла свою самую соблазнительную позу и уставилась призывно на вошедшего с подносом мужчину.

Тот на меня поначалу даже и не взглянул, дверь за собой

закрыл, ключ в карман сунул, судно сменное подмышкой поправил и наконец поднял на меня глаза. Поднял глазки, да так и застыл, рот приоткрыв, чуть «утку» не выронил, растяпа.

– Ах, – заворковала я, проводя рукой по груди. – Где ж ты был так долго? Я так ждала тебя.

Поднялась на колени и подползла к краю кровати, недоумевая, чего это он в ступоре застыл. От красоты моей неземной что ли?

Подползла, смотрю, а рожа у него зеленая-презеленая. Глаза мутные-мутные, в кровавых прожилках. А перегар такой, что аж дух захватило. Видимо вчера весь день гулял, на радостях без хозяина.

А я глазками захлопала и спешно подкорректировала план.

– Мне тут докторишка ваш такую убойную микстуру оставил! Весь день вчера пила. Одна, – и я обиженно надула губки. – А закусить нечем! А ты все не приходил и не приходил! Знаешь какая забористая штука?! Огонь! А пьется легко, спирта не чувствуешь совсем! Божественный нектар! У меня осталось немного... Будешь?

Служивый перевел взгляд на мои пустые руки и дернулся, едва поднос не уронив. Не поверил, поганец.

– Я ее под матрас спрятала, чтоб ваш герцог не отобрал, – доверительно сообщила я и, повернувшись к нему спиной, на коленях поползла к спинке кровати.

Позади раздался грохот посуды, и я обернулась. Это солдатик пытался не глядя, пристроить на столик мой ужин.

– Микстура шикарная. Ни запаха, ни похмелья, и голова совсем не болит. На меня посмотри!

Я села на попку, широко расставив колени и продолжила.

– Докторишка ваш жадный, сам каждый день ее хлещет. Да ты сам видел! И никаких последствий! Ну так что? Будешь со мной?

Мужик посмотрел на меня, покосился на дверь, и нерешительно сделал шаг к выходу. Э нет, так не пойдет! Это же мой последний шанс! Когда еще выпадет такая возможность?!

– Ваш герцог только завтра вернется. А тебе похмелиться нужно. Будешь своей сивухой похмеляться? Да от тебя перегаром несет за версту. Учует, что будешь делать? – я, честно говоря, сама не представляла, что может сделать с ним герцог, но страху нагнать постаралась. – Если он узнает, что ты эти два дня пил не просыхая, уж точно по голове не погладит! Ну что, будешь со мной? У тебя и закусь есть. Выпьем, а потом может и еще чем займемся...

И, подмигнув ему заговорчески, развернулась, запуская руку между спинкой кровати и матрасом.

– Ой, застряла... Помоги!

И он, со словами: «Сучка конфедератская!» – кинулся мне на помощь. Хотя может и нет. Может решил все отобрать и выхлебать сам. Но это неважно, потому что, как только он подошел, я стремительно развернулась и сделала

ногами вертушку, со всего маха впечатывая свою пятку ему в ухо.

Я планировала только оглушить, но бедняге не повезло – отлетев в бок, он ударился виском о железный столбик кровати, где до этого крепились мои кандалы, и упал бездыханным на пол.

– Упс... – сказала я, приподняв брови, и потянулась к нему, за ногу подтаскивая к себе ближе. Я-то рассчитывала «языка» заполучить, на цепь его посадить, планировку и расписание постов выяснить, да тут и оставить, но уж коли так вышло, снова меняем план.

Разжиться ключом от своих кандалов мне не удалось – в кармане нашелся только ключ от моей камеры, но, к счастью, с биркой номера на стальном колечке. Вот этой проволокой я свой наручник и вскрыла.

Пока жевала завтрак-обед-ужин в ускоренном темпе, думала, куда труп прятать, и решила без затей запихать его просто под кровать. В моем номере «люкс» его не скоро найдут. Кроме него сюда никто и не заглядывал больше.

Еще бы неплохо одеждой обзавестись, но тут опять никаких вариантов, кроме как труп раздеть. Ну, и ладно, мы не в том положении, чтобы привередничать.

С сапогами проблема вышла, в таких галошах с моим тридцать шестым вообще ходить невозможно, при каждом шаге они с оглушительным грохотом сваливались на пол, высекая гвоздями искры. Пришлось всю простынку на портян-

ки извести, да каблуки тряпками обмотать, чтоб не цокать подковами по каменным плитам.

Штаны кое-как подпоясала, грудь обрывками обмотала, мундир поверх натянула, труп под кровать запихала, остатки недоеденной булки с собой прихватила и тихонечко выскользнула в коридор. Где покои Его Светлости, я уже знала и умудрилась проскользнуть туда незамеченной. То ли он человек беспечный, то ли разгильдяи тут кругом, но ни у своих дверей, ни у его комнаты я никакой охраны не встретила.

Замок вскрыла все той же проволокой и бесшумно скользнула внутрь. Огляделась, выгребла из стола все документы, просмотрела, половину сразу же выкинула. Оставила себе карту и пару мелких монет на всякий случай, повертела в руках злополучный знакомый флакончик с супервозбудителем, подумала и все же сунула его в нагрудный карман (ибо нефиг оставлять врагу такое мощное супероружие), и самонадеянно сунулась к сейфу.

Сейфы у них тут конечно же примитивны, но, увы, проволочкой его не вскрыешь. Нужен ключ. А ключ у Его Светлости. А Его Светлость шляется черт знает где. Придется ждать его возвращения и ключик у него отобрать, потому что вскрыть этот сейф ну просто-таки жизненно необходимо. Там наверняка не только мои супершпионские штучки припрятаны. А я без них не уйду.

И вот вопрос: как забрать у господина Слейко волшебный ключик? Сам он мне его, яшень-пень, не отдаст. И вряд ли

мне удастся придушить Его Светлость его же собственными штанами, ибо ничто другое эту заразу просто не возьмет! Разве что только... тут мой взгляд упал на кровать, в изголовье которой до сих пор болтался мой давешний ошейник.

– Поводок! – обрадовалась я и кинулась к вожделенной добыче. Он тоже был сделан из той же самой мягкой кожи, что и вся одежда Его Светлости. Из человеческой он там пошит или нет, в данный момент меня не волновало. Строить предположения на эту тему я не хотела, хотя бы в целях собственного успокоения. В подобную мерзость вообще верилось с огромным трудом. Потом, может быть, когда раздобуду свой анализатор, возможно проверю ее состав, если уж очень захочу. Но сейчас я даже думать об этом не могла, и так брезгливость накатывала, стоило мне только взглянуть на кровать и вспомнить все, что я тут с ним вытворяла.

Но все потом-потом, сейчас спешно вспоминаем план территории и ищем лазейки для отхода.

Подойдя к окну, я осторожно отодвинула занавесочку и выглянула наружу. Вдоль противоположного забора тянулись длинные строения складов с узкими окнами под самой крышей, к которым по утрам приходят подводы с продуктами для гарнизона. Там же, но чуть дальше, расположилась кухня и одноэтажные бараки для солдат.

Вообще народу тут не много, для полноценного гарнизона явно недостаточно, всего-то не больше пары сотен, как я насчитала изначально. Видимо это не основной их лагерь, есть

и еще где-то там, за горизонтом. Просто этот самый ближний к линии фронта. Потому что не мог меня граф Парро увезти настолько далеко за то короткое время, что я провела без сознания.

Ну да ладно, судя по тепловым излучениям, что показывали мне мои продвинутые контактные линзы, караульных на воротах – человека три. Еще в ближайших гнездах на вышках по одному. У склада человек пять как минимум вечно отирается, но из них много приезжих, тех кто с подводами приходит. Еще там пасется парочка этого их особо крупного рогатого скота и крытые брезентом телеги, в которые они впряжены.

На стене склада пожарный щиток разместили, с красными ведрами, гнутой лопатой и ржавым топориком. Видимо, хуже инвентаря не нашлось, выбрали самое лучшее. А вот за топориком я бы наведальась. Не бог весть какое оружие, но может, хоть сейф удастся им вскрыть...

Устроить вылазку за инструментом жизненно необходимо. А для этого придется ждать смены караула и темноты. А это где-то примерно после полуночи.

Ну, что ж, коли делать больше нечего, можно до вечера и поспать. И я с чистым сердцем завалилась на кровать, заматавшись в шкуры.

Утро я встретила в обнимку с зазубренным ржавым топором, исцарапанным в хлам, но не сдавшимся сейфом и

отвратительным настроением. Жрать хотелось неимоверно, но из всего калорийного в апартаментах Его Светлости я нашла только сморщенный от старости огрызок кожаной плетки да пару пузатых бутылок с высоким содержанием спирта и фруктовой отдушиной. Это пошло назвать достойным завтраком нельзя, но пару глотков для бодрости духа я все же на грудь приняла, отчего ядреный дурманый запах расползся по всей комнатухе, выдавая мое присутствие с головой. Ну да и Бог с ним, все равно разрисованный мною в крестики-нолики сейф скрыть не удастся.

Тяжелый герцогский шаг я уловила еще в дальнем конце коридора. Обед еще не миновал, как Его Светлость соизволили вернуться. Я-то его ждала ближе к вечеру, а он нате вам, приперся, когда не ждали! И чего, собственно, так спешит? Детишек заделать торопится? Ну-ну...

Прижавшись спиной к стене, я намотала концы поводка на руки и приготовилась ждать. В принципе, план был прост: придушить его маленько, потребовать ключ, оглушить, забрать свое барахло и свалить. НО...

Заскрипел в скважине ключ. Дверь распахнулась, пропуская в комнату Его Светлость. Шаг, другой – и он настороженно замер на месте с занесенной ногой, точно звериный инстинкт сработал. Ну или запах спиртного в носшибанул.

Втягивая носом воздух, широко раздувая ноздри, мужчина медленно оглядел свою комнату, точно сканировал ее рентгеновским лучом. Внимательно рассмотрел занавески,

темную тень под столом, заглянул под кровать, ничего не нашел, выпрямился. Посмотрел в сторону разрисованного сейфа, напрягся, затем взгляд его упал на солдатские сапоги сорок третьего размера, нагло выглядывающие из-за кожаного кресла, на початую бутылку вина на столе, и всю его хваленую осторожность смело напрочь накотившей белой яростью.

– Ах ты скотина пьяная!!! – заорал он и рванул к столику, спеша учинить расправу над забуддыгой слугой. – Я тебя, гниду, через строй пропущу!!! – разорвался он привычной бранью, хватаясь за пустой сапог.

Нападения он не ждал. Кожаная петля поводка туго обхватила его шею, сдавливая гортань. Упершись коленом в спину, я тянула его на себя, скручивая концы поводка на кулаки. Сейко захрипел, засипел, задергался, пытаюсь дотянуться до меня и сдернуть петлю, но я только ту же стягивала удавку, повиснув на его спине всем весом. Долго он так не продержится, еще чуть-чуть, и он сдастся. Ну или я сломаю ему шею.

Так и вышло – силы стали покидать его. Заполошные дерганья и попытки извернуться и дотянуться до меня прекратились, он попытался из последних сил подцепить удавку и ослабить давление на гортань, да только исцарапал в кровь кожу на шее, так и не сумев просунуть пальцы под петлю. Глаза его закатились, дыхание остановилось, и длинное худое тело стало медленно оседать на пол.

«Все, готов!» – обрадовалась я, ослабляя давление. Пальцы разжались, выпуская концы поводка, я выдохнула и сползла на пол, отпуская свою жертву.

А в следующий миг точно разъяренная кобра ко мне метнулась его рука. Жесткие стальные пальцы сомкнулись на горле и сжали его. Точно медвежий капкан схлопнулся на моей шее. Казалось, еще секунда – и его когти вспорют мне глотку, вырывая трахею из горла. В глазах потемнело от боли, страха и нехватки кислорода. Дышать я даже и не пыталась. Бесплезно. Перед смертью, как говорят, не надышишься.

Разум отключился, но натренированные годами инстинкты сработали сами. Руки взметнулись вверх, костяные спицы легли в ладони легко, как родные. Яркое золото волос мягкой волной рассыпалось по плечам. Резкий выпад вперед, и спицы легко и точно прошили глазные яблоки противника, под углом впиваясь острыми жалами в мозг.

Замах рукой, и ребро ладони перебивает гортань мужчины, глуша в его глотке еще только зарождающийся вопль боли.

«Все. Вот теперь уже точно все... Черт.»

«Жаль. Я убила его... Мне действительно жаль...»

«Как я устала...»

Мне и в самом деле было его жалко. Я не хотела его убивать. Не собиралась. В какой-то мере он мне даже был симпатичен. Я даже сочувствовала ему... И у меня с ним был

потрясающий секс...

Но я расчувствовалась. Это все сентиментальность.

Нужно было убить его сразу. Да только силы в теле почти не осталось. Что-то разнежилась я совсем, отсиживаясь последние месяцы в штабе за широкой спиной Энжью. Не дело это.

– Жаль, я не умею поворачивать время вспять... – прошептала я едва слышно. – Я убила бы тебя быстро... Прости.

Выходила я из комнаты Его Светлости во всеоружии. Анализатор на запястье, любимая «пукалка» за поясным ремнем, в руках ржавый топор в кровавых разводах. Сверху все это прикрыто формой повстанцев, на голове бандана из вонючей портянки, а подмышкой... подмышкой самое дорогое – завернутая в лохматую шкуру голова Его Светлости.

Бродить в таком виде по коридорам моей темницы я не решилась, тихонько прошмыгнула на балкон и уже по нему спрыгнула вниз на первый этаж. А там канавами да огородами до ближайшего склада, где как раз разгружали очередную подводу. И несчастная рогатая парнокопытная зверюга меланхолично жевала свою извечную жвачку, время от времени потряхивая модной рваной челкой, да отмахиваясь хвостом от назойливых навозных мух.

«Интересно, – подумалось мне, – сколько капель чудесного супервозбудителя потребуется этому монстру, чтобы взбодрить его?»

«Да ладно! Чего тут гадать?! Много – не мало!» – и я щедрой рукою вылила ему под хвост сразу половину флакона.

ОЙ, МАМА!!! Что тут началось!!!

Короче, я не знаю, осталось там еще хоть что-то живое или нет, но эта бешеная корова нагнала меня уже где-то километров за пять от гарнизона и гнала потом еще километров двадцать без передышки, буквально до самой линии восточного фронта. А там уже и до штаба главнокомандующего недалеко. Весело было всем кто повстречался нам по пути. Эх, хорошо размялись!

Глава 23. Эпилог

Колин Энжью, штаб главнокомандующего, восточный фронт.

Голова раскалывалась жутко. Я буквально рухнул в свое командирское кресло, чувствуя, как тело разваливается на кусочки. Подобную разбитость последний раз я ощущал лишь тогда, давно, после контузии. Казалось, по венам течет не кровь, а расплавленный свинец, придавливая меня к земле.

Я уперся локтями в стол, обессиленно уронил лицо в ладони, закрыл тяжелые веки. Уже две недели я живу как в аду. С того самого проклятого дня, как вернулся от императора, окрыленный и счастливый до одури, и узнал, что моя Нина пропала. Я спешил поделиться с ней радостью, рассказать, что у нас все получилось, что император одобрил наш союз, что само по себе удивительно! Не без уговоров, конечно, но брак все-таки узаконил. Он видел в этом союзе выгоду, а я – возможность обладать самой чудесной женщиной на свете. Я летел к ней, строя радужные замки совместного будущего, а попал в бесконечный кошмар.

Моя девочка пропала, и никто не мог сказать мне, как и когда. Словно невидимка, просочилась сквозь все кордоны. Исчезла в неизвестном направлении. И где искать ее, я не знаю. Она ушла слишком тихо, внезапно, и из этого можно

сделать вывод, что ушла она добровольно, сама, не оставив ни следа, ни намека о своем намерении. Я разослал следопытов во все стороны, но они не смогли найти того, кто умеет тщательно скрывать свои следы.

Единственная зацепка, случайно попавшая мне в руки – это записка от графа Парро, найденная в ее комнате. Я обнаружил ее в сейфе, когда пытался определить, что из своих вещей Нина взяла с собой. Может, хоть это смогло бы навести меня на след в направлении поисков.

Но и тут меня ждала неудача – граф скрылся. Однако, это временно. Далеко ему не уйти, мои ребята его из-под земли достанут. У него семья, им не скрыться. Хотел бы я знать, что сподвигло его пойти на предательство, но по сути, это не так и важно, его в любом случае ждет смертный приговор.

А время стремительно уходит, и надежда найти Нину живой тает с каждой минутой. Две недели. Будь она жива, уже нашла бы способ заявить о себе. Но ни весточки, ни призрачного намека, ни ниточки путеводной. Тишина. Где же ты?

Я сжал пальцами переносицу, помассировал, но головная боль не прошла. Уже две недели я практически не спал и не ел толком. Не могу, кусок в горло не лезет. От собственного бессилия поначалу рвал волосы на голове. Затем пришло отчаяние и отвращение ко всему. Ничего не хочу. Только Олмен все зудит над ухом: «Надо поесть», «Надо поспать», «Надо идти», «Надо, надо, надо...». А мне ничего не надо! Мне нужна только она! Моя золотая птичка...

Вот опять Олмен стоит над душой, ждет начала планового совещания. А я жду от него хоть каких-то новостей. А он мне только общие сводки передает, от которых я уже устал. Все без изменений. Тихо. Как всегда.

Не могу больше. Нет сил. Хочу увидеть ее. Хочу быть с ней, чтобы с ней ни случилось. И от этого нестерпимого желания все сжалось внутри, посылая по телу болезненные уколы. Я скривился и встал, отошел к окну, сдвинул штору и уставился пустым взглядом за оконную серую хмарь. Дырявые низкие облака сыпали на землю мелкое снежное крошево. Вот уже и зима настала. Скоро придет весна, а с ней и Новый год. Что он принесет с собой? Да собственно, уже не важно. Уже ничего не важно...

За спиной раздались шаги и послышался скрип отодвигаемых стульев. Офицеры подтягивались на совещание. Но я даже не обернулся. Мне уже все равно. Мне нечего им сказать. И им нечего сказать мне.

Я устал. Я не могу без тебя, Нина. Я слаб. Я не хочу так жить. Не хочу больше чувствовать эту боль. Не могу смотреть на этот мир. Я хочу найти тебя. Прижать к себе крепко-крепко и... уйти вслед за тобой...

Я достал из кобуры пистолет и положил его рядом с собой на подоконник. Зачем? Не знаю... Я смотрел на его темный силуэт на выбеленном крашеном дереве и не видел его.

Где же ты, Нина?

Я должен тебя найти. Даже если тебя уже нет... дождись

меня...

– Ваша Светлость!.. Ваша Светлость!.. Тут шифровка...

– Что? – я медленно обернулся и рассеянно взглянул на мнущегося в дверях радиста, не понимая, что ему от меня нужно. Соображал я туго, да и честно говоря, не хотел. Но заботливый Олмен уже подошел к радисту и принял от офицера лист с донесением. Развернул его, и, вчитываясь на ходу, поспешил ко мне.

– Ничего не понимаю... Что за бред?! – возмутился он и перечитал текст вслух: – «Накрывай поляну. На т-ра-м-ва-й билета нет. Осторожно, корова не доена.» Что за белиберда?!

«Трамвай», «катафалк», «гроб», – выстроил я в голове логический ряд.

– Где-то я уже это слышал... – вяло прошептал я, припоминая, и вдруг встрепенулся, оживая буквально на глазах. Вот что с человеком надежда животворящая делает! – Когда получили шифровку?! – накинулся я на радиста и вырвал из рук Олмена ободранный блокнотный листик, чтобы своими глазами убедиться в написанном.

– Часа три назад поступила...

– Почему сразу не доложили?!

– Так странный шифр! Ваша Светлость! Незнакомый! Точки, тире, точки... Пока расшифровали...

– Ваша Светлость! – ворвался в кабинет караульный, и, сдвигая в сторону перепуганного радиста, заорал заполошно: – Ваша Светлость!!! Там тур КПП разносит!!!

– Какой еще тур?! – вскочил из-за стола князь Таффа и кинулся к окну, посмотреть, что это там такое интересное происходит. И мы всей толпой за ним ломанулись. Прямо стадо какое-то! Ну, я-то понятно чего к окошку рванул, там у меня пистолет на подоконнике беспризорный валяется, а остальные что? Туров никогда не видали?!

– Так бешеный! Ваше Сиятельство! Словно с цепи сорвался! Шлагбаум в щепки разнес!

– Так что ж вы с одним туром справиться не можете?! – возмутился князь Фрейко, подпрыгивая за плечом у Таффы, ему за его долговязой фигурой было ничего не видно, и он очень злился от этого.

– Да как же ж с ним справиться-то?! Он же бешенный совсем!!!

– Так говорю ж, корова не доена! – раздался из коридора звонкий девичий голосок, и я резко обернулся. Захлебнулся вдохом и напряженно уставился в темный провал дверного проема. – Господа, тылы подвиньте. Пройти мешаете.

Сердце зашлось в заполошном ритме, кровь застучала в висках набатом. Я вцепился в плечо Олмена клещами, едва не ломая ему кости скрюченными пальцами. Хотел оттолкнуть его с дороги, да ноги совсем не слушались, словно ватные, подгибались в трясущихся коленях.

Не узнать голос этой нахалки просто невозможно! «Нина Климова, 24 года, дата рождения: 3 сентября 3*** года.» Она вернулась... Девочка моя... Живая...

Грязная и растрепанная, в кирзачах размера сорок третьего – не меньше, солдатских галифе, подпоясанных веревкой в три оборота и ватнике с мужского плеча.

В руках она держала огрызок овчины, побуревший от пропитавшей его засохшей крови, с комьями налипшей земли и сухими травинками.

Прошлепав прямо к столу, она бухнула свою ношу на его середину и только после этого нашла меня взглядом. И глаза ее сияли, как две яркие манящие звездочки.

Я рванулся к ней, расталкивая всех локтями, схватил, прижал к себе крепко. Пальцы дрожали и путались в ее растрепанной косе. А я хотел только одного – зацеловать ее всю с головы до ног, закружить счастливо и кричать от радости во все горло. С трудом справляясь с собой, я шептал ее имя и скользил губами по лицу, обхватив его ладонями. Она смотрела на меня, улыбалась нежно и плакала, не сдерживая слез радости.

Я хотел бы навсегда остановить этот миг. Чтобы весь мир вокруг испарился, исчез, растворился. Чтобы остались только мы, вот так как сейчас, только вдвоем во всей вселенной. Чтобы вот так навсегда, глаза в глаза, сердцем к сердцу. Чтобы чувствовать ее теплое дыхание на своих губах, хрупкость тела в своих объятиях, ощущать тепло ее ладоней и соленую влагу счастливых слез.

Я хочу, чтобы время остановилось. Но даже я, «Повелитель времени», бессилен перед ним. Я могу лишь вернуть

уходящий миг, пережить его вновь и вновь, но он уже утратит свою новизну и остроту чувств. Поэтому я буду жить сейчас. Впитаю в себя все ощущения этого мига, чтобы сохранить эти воспоминания на всю свою жизнь.

– Кхм... – раздался за спиной настойчивый кашель князя Таффы, но я послал его мысленно куда подальше и даже ухом не повел. Плевать мне уже на глупые приличия. Нина – моя жена. Признанная Богом и императором. И ханжеские замашки старика меня уже не волнуют. Я даже нарочно руку за пазуху запустил и знак родовой вытащил, пусть полюбуется на него и заткнется впредь раз и навсегда.

Но этот Таффа – редкостный зануда! И намеков совсем не понимает.

– Что это вы нам тут за мусор приволокли, госпожа Климова? – забрюзжал он, брезгливо тыкая пальчиком в сверток на столе.

– Да уж! – поддержал его Фрейко. – Могли бы уж свои пожитки и в угол положить. Незачем было такую грязь на стол выкладывать, – и он брезгливо подхватил шкуру двумя пальцами, видимо собираясь скинуть ее на пол.

– А это я вам подарок принесла, – весело сообщила девушка и взгляд свой лучистый на князя перевела.

– Мне? – удивился он и ресницами захлопал часто-часто.

– Всем вам, господа! – заявила девушка и, выпутавшись из моих объятий, отошла в сторону.

Фрейко заинтригованно схватил сверток, повертел в ла-

донях, оттянул уголок, заглянул внутрь и вдруг побелел весь. Рот испуганно скривил, будто сейчас заорет во все горло. Затрясся весь и подарок Нины прямо на стол уронил. Сверток с глухим стуком ударился о столешницу, подпрыгнул, развернулся, изнутри его выкатилась отрубленная человеческая голова и покатила неспешно к краю. Зависла на миг, балансируя на грани и сорвалась вниз.

От поднявшегося вопля-визга, мата и грохота опрокинутой мебели у меня чуть уши не заложило. Я, признаться и сам струхнул не малость, отшатнулся стремительно, когда эта мерзость чуть мне в носок ботинка не ткнулась, и сморщился брезгливо.

А тут еще за окном грохот раздался, крики и выстрелы заполошные. От рева раненого зверя задрезали стекла, кто-то пальнул из ружья, заорал победно и наконец все стихло.

– О! Подстрелили, наконец-то! Будем вечером праздновать! Шашлыка нажарим! – обрадовалась девчонка, наклонилась, схватила за волосы отрубленную голову и торжественно водрузила ее на стол. – Вот! Главный гость на нашем празднике жизни. Знакомьтесь, Бриан Слейко, собственной персоной!

– Хрррр, – захрипел князь Таффа и за сердце схватился, медленно оседая на пол.

– Кто? – переспросил Фрейко, не глядя плюхаясь на ближайший стул (хорошо не промахнулся).

– Кхм, – сглотнул я, и воротничок у мундира расстегнул

– душновато что-то стало.

– А чего это он без глаз? – любопытствовал любознательный Олмен и наклонился над столом близко-близко, рассматривая трофей.

И радиста стошнило... На сапоги караульного. Но тот этого даже не заметил.

– Моя девочка, – шептал я, покрывая ее лицо поцелуями, – Родная моя.

Я так скучал по ней, я так боялся, что больше ее не увижу, и вот теперь я не мог ее отпустить, не мог наглядеться, я хотел чувствовать ее всю, быть с ней, касаться ее.

– Колин, – позвала она тихо и уперлась ладошками в мою грудь, отстраняясь.

– Да, радость моя, – отозвался я, целуя ее в висок.

– Ты должен знать... Я была с ним...

Я замер, прижал к себе ее голову, зарываясь пальцами в золото волос. Я в принципе понимал это. Предполагал подобное. Бриан не пропустит мою девочку. Он обязательно принудит ее. Без насилия не обойдется...

– Я была с ним добровольно...

Я медленно закрыл глаза. Странно было услышать такое. Добровольно? Наверное, мне слышалось. Разве такое возможно? Она легла под него сама, без принуждения? Она могла так поступить?

Услышать об этом было неожиданно, оскорбительно и больно. Между лопатками засвербело, точно нож в спину воткнули.

Я отстранился. Аккуратно высвободил пальцы из спутанных волос, отодвинулся. Руки сами собой сжимались в кулаки, и я сгреб простыню, прорывая в ней дыры. Эта была уже не глупая ревность. С ней можно справиться, пережить. Но как пережить предательство? Тут была затронута моя честь, моя гордость. Одно дело, когда над тобой совершают насилие – тут ты бессилен что-либо сделать, это я могу понять. И совсем другое, когда ты отдаешь себя сам, осознанно, просчитав все последствия. Когда твоя жена добровольно ложиться под другого – это уже измена. И уже не важно, почему она это сделала.

– Тебе было хорошо с ним? – зачем-то спросил я. На самом деле я не хотел этого знать, но все равно спросил, точно с садистским наслаждением вскрывая раскаленным ножом нагноившуюся рану и выпуская наружу гной. Знать все это и чувствовать – невыносимо, отвратительно, но я за каким-то лядом спросил об этом.

– Он держал меня в цепях. Семь дней я была прикована к кровати и ходила под себя. Он отдал меня своему денщику. И тот брал меня, не заботясь о моих чувствах. Он брал меня так, как ему приказал Его Светлость. Жестко. Противоприродно. И Слейко брал меня каждую ночь. Растягивал на цепях до хруста в суставах и брал. Он хотел наследника.

Законного наследника с титулом герцога Энжью. Чтобы его сын носил твое имя. Чтобы его кровь передалась по наследству. Чтобы его ребенок встал во главе твоего рода, не твой. И он бы насиловал меня так раз за разом, до тех пор, пока не добился бы своего. Или в конце концов сдался бы и пристрелил меня за ненадобностью...

Я представлял себе все это и скрипел зубами. Кулаки сжимались еще сильнее. Ткань трещала и расплзалась под пальцами и это приносило облегчение.

–... Нас учили выживать любой ценой, – продолжала говорить она, отвернувшись в сторону. – Мертвый агент – бесполезный агент. Какую пользу я принесу своей родине, сдохнув по собственной глупости или ради эфемерной чести? Чего стоит гордость одной никчемной девчонки, когда на кону судьба всей империи? И если для того, чтобы выжить, мне придется трахаться со всем батальоном – я буду трахаться со всем батальоном. Если для того, чтобы избавиться от цепей мне нужно трахнуть Бриана – я трахну его. Ради свободы я трахну даже самого черта! А потом вернусь и убью его. И если мне нужно выбирать между неизбежным насилием и хорошим сексом – я выберу секс. Так у меня больше шансов вырваться на свободу. Так у меня больше шансов отомстить и вернуться к тебе! Поэтому, да – МНЕ было хорошо! – голос ее взвился, и она почти закричала: – Я сделала все – чтобы мне было хорошо! Я трахалась как хотела и стонала от удовольствия! Я текла для него и кричала от оргазма! Я отдава-

лась ему без принуждения, охотно раздвигала ноги и кончала для него раз за разом!

– Замолчи, – прошептал я, не в силах больше все это слушать, но она – строптивая, не остановилась:

– И знаешь, что я скажу, я сделаю это вновь. Если меня опять посадят на цепь – я сделаю это снова! Если ради свободы мне нужно будет всего лишь раздвинуть ноги, я сделаю это. И сделаю это с радостью! Потому что эта слишком мизерная цена за мою жизнь!

– Прекрати! – заорал я и вскочил с постели, заметался по комнате раненым зверем. Сил слушать все это уже не осталось. Все это было слишком гнусно и мерзко. Неприемлемо. Я не хотел этого понимать. Такое просто не укладывалось у меня в голове. Нас воспитывали по-другому. Нам с детства внушали мысль, что честь и достоинство дороже всего. Что погибнуть в муках, но с честью – это высшее благо любого солдата! – Не хочу это слушать! Замолчи!

– А ты бы предпочел для меня другое? – спросила она упавшим голосом. – Ты бы хотел, чтобы мне было больно? Чтобы меня избивали, держали на цепи и насиловали все кто не попадя? Тогда бы тебе было легче примириться с собственной уязвленной гордостью? Такой участи ты для меня хотел? Мучительной медленной смерти? Тогда бы твоя честь не пострадала? Если бы я так и осталась там, в плену, голая в ледяной камере, прикованная к железному столу цепями, растянутая по рукам и ногам, избитая до полусмерти, изуро-

дованная до неузнаваемости, изувеченная бесконечным насилием, истекающая кровью, с переломанными костями и выбитыми зубами, тогда бы твоя гордость не пострадала? Ты об этом молился все это время? Чтобы все произошло именно так, лишь бы твою честь не замарать?

Я замер посреди комнаты, зажмурился. Мне стало страшно. Я ведь мог ее потерять. Ведь все действительно могло произойти именно так, как она сказала. И тогда бы она уже не вернулась ко мне. Неужели моя честь дороже ее жизни? Ведь я ничем не мог ей помочь. И не помог. Я был бессилен. Никчемен и ничтожен. Она сделала все сама! Сама вырвалась из плена. Сама смогла вернуться. Буквально на блюдечке преподнесла мне голову Бриана. А это значит – конец войне. Многолетней затяжной войне. Повстанцы растеряны, их части раздроблены, у них нет правомочного лидера, не за кем больше идти. А это значит – победа! И это все сделала она, своими руками. Одна! Маленькая хрупкая девочка... И если для этого нужно трахнутья со всем батальоном... Плевать!!!

– Извини, если я тебя разочаровала, – сказала она, подходя ближе. – Я не могла поступить иначе. Надеюсь ты поймешь. Прости...

Она скользнула пальцами по шее, подцепила цепочку и вытянула из-под майки кулон. Полюбовалась замысловатым узором родового знака, вздохнула грустно и стянула его с головы.

– Не смей! – взвился я, кидаясь к девчонке. Выдернул из ее ладони кулон, перехватил цепочку и вновь натянул ей на голову, цепляясь трясущимися пальцами за тонкие волоски на затылке. Вырвал наверняка не мало, но мне было плевать. Я не дам ей уйти. Я прижму ее к себе что есть силы и не отпущу уже никогда. Я зубами в нее вцеплюсь. Руки оторву любому, кто хоть пальцем к ней прикоснется. Это моя женщина. Моя и только моя! – Не пущу! Пока жив – не пущу!

Нина Климова, штаб восточного фронта.

– Я люблю тебя... – шептал он, целуя мое лицо, – люблю...

Его большие ладони стирали со щек влажные дорожки, а губы нежно снимали с ресниц непрошенные слезы. Я пыталась сморгнуть пелену и поймать его взгляд, но он все время ускользал от меня. Но я должна была увидеть, что все не зря. Моя борьба, моя жертва. Я боролась за него и ради него. Я должна была знать, что он осознает это. Что без него нет меня. Я должна была убедиться, что он понимает меня и принимает такой, какая я есть. Я хотела, чтобы он увидел в моих глазах любовь. Понял, насколько он важен для меня. Как для меня важно все, что связано с ним. Что я буду бороться за него. За его любовь. За его дело. За его мир. Любыми средствами. Любой ценой. Всеми силами. До последней капли крови.

Я обхватила его лицо ладошками, желая увидеть свое отражение... А в его глазах отражался весь мир. Самый луч-

ший, самый прекрасный мир во всей вселенной. Мой мир. И я его не отдам никому. Ни пылинки, ни травинки, ни камушка. Уж поверьте.